

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	КУЧКО Е. Е. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: avesol@yandex.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Абдина А. К.	ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
Алимбекова Г. Т.	Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гигин В. Ф.	Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Горшков М. К.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Мысливец Н. Л.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Оюунханд Ш.	Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Скворцов Н. Г.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хуэйжун Ч.	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	KUCHKO E. E. , doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: avesol@yandex.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
Abdina A. K.	Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
Alimbekova G. T.	Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gorshkov M. K.	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Hihin V. F.	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Huizhong Z.	Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mamedov A. K.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Myslivets N. L.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Narbut N. P.	RUDN University, Moscow, Russia.
Oyunhand Sh.	National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Skvortsov N. G.	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

ВРЕМЯ И ПАМЯТЬ: ПОДВИГ НАРОДА БЕССМЕРТЕН

TIME AND MEMORY: THE PEOPLE'S HEROISM IS IMMORTAL

Время и память... Подвиг народа в годы Великой Отечественной войны бессмертен. Мы, родившиеся в середине пятидесятых, жили среди живых участников жестоких сражений, носителей памяти о всеобщей трагедии. В городах тогда притягивали внимание еще не до конца восстановленные дома и промышленные предприятия, школы – все напоминало о недавней войне, везде шло восстановление, кипела стройка. А настроение победителей в то время сложно было передать... Это всеобщее созидание, любовь и внимание, встречи с еще молодыми ветеранами, запись их воспоминаний, несение вахты боевой и трудовой славы... Мы верили, что вместе строим будущее. Может, вся эта «работа души» и не называлась воспитательной и идеологической, но формировала нас патриотами.

Прошло время, и уже в новом веке мы понимаем, что каждое поколение, к сожалению, пишет историю с чистого листа. И каждый раз надо прилагать большие усилия, чтобы не прервать нить истории, сохранить традиции и преемственность.

Юбилей Великой Победы – это не только «праздник со слезами на глазах», но и возможность вернуться к истокам, прислушаться к голосу героев-победителей и задуматься о жизни сегодня, о будущем. Очевидно, что воспитывать молодых людей можно только при условии сохранения памяти, четкого видения жизненной дороги, по которой предстоит пройти, и выстраивания своего пути в соответствии со сложившимися в обществе ожиданиями, традициями и ценностными приоритетами. Воспитывать молодежь нельзя без веры в добро и справедливость, правду жизни. Воспитание не может быть абстрактным, обезличенным, оно должно осуществляться на

основе отечественного исторического опыта, национальных традиций и ценностей.

Мне очень повезло встретить на жизненном пути людей разных профессий, взглядов и судеб, которые в силу таланта, одаренности, трудолюбия и благодаря своим поступкам стали выдающимися личностями. На них равнялись, им подражали, их слово отражало достижения эпохи. Заслуженный авторитет таких людей был примером, определявшим прогресс, и духовной силой целых поколений. Сегодня их жизненный подвиг не меркнет, он воспитывает и учит жить в согласии с собой. Только надо уметь помнить...

Незабываемы для меня встречи с народным художником СССР М. А. Савицким (1922–2010). Как пророчески звучат слова великого художника и мыслителя сегодня!.. Вдумайтесь в их смысл: «Так уж, наверное, повелось в человеческом роде, что чем более агрессивная бездуховность в обществе, тем больше беспамятство и некая ржавчина разъедает души, не оставляя места для любви, совести, памяти, для доброго движения сердца. <...> Одолеем ли мы беду, не обростем ли мы мхом, не утратим ли наше человеческое, национальное обличие, так яростно и бережно пронесенное нашими дедами и отцами через нелегкие годы молодости и зрелости»¹. И далее откровение и признание человека, прошедшего все круги ада в фашистских застенках и чудом уцелевшего в этом губительном безумии: «...я бы не выжил без веры, без глубочайшей уверенности в правоте нашего дела. Ничто не могло убедить нас в том, что фашизм, эта чума XX века, вдруг воцарится на Земле. Такого не могло случиться. Может быть, кто-то скажет, что фашизм – история и нужно ли напоминать о ней?.. Сама атмосфера нашего века вызывает

¹Крепак Б. А. Михаил Савицкий. Красное и черное: Палитра художника – в зеркале эпохи : очерки. Минск : Маст. літ., 2014. С. 174.

жгучую тревогу за судьбу прекрасной планеты и ее главного сокровища – человека. Каждый из нас в ответе за будущее»².

Смысл искусства для М. А. Савицкого – помочь человеку выстоять перед наступлением тотальной духовной безликости. «Мои герои всегда конкретны, их индивидуальность для меня не просто дорога, это условие их “выживания” в полотне. <...> Хочу писать такие картины, чтобы они стали памятником людям, которых я люблю, свидетельством человеческой стойкости и красоты: в моменты вселенских потрясений или земных радостей, социальных бурь и материнского счастья... <...> Любому цивилизованному обществу нужен человек нравственный и трудолюбивый. Государство, превозносящее материальные ценности и пренебрегающее духовными началами, неминуемо гибнет. Бездуховность и безкультурие – это первые условия рабства»³. Шедевры М. А. Савицкого стали правдивым документом целой эпохи, который сконцентрировал и нашу боль, и наши обретения, и наши надежды. Никогда не забуду встречи, мудрые советы и монологи гения.

Народный художник вспоминал: «Я был в массе людей. Был одним из этой массы. В смешении судеб и характеров. И я понял те пружины, которые движут людьми в самых страшных, нечеловеческих условиях. Мы были убеждены, что фашизм не вечен, что не может быть эта скверна законом Земли. Не располагая абсолютно ничем, мы утверждали добро отношением друг к другу. Хотя бы во время переходов. Отставших заключенных фашисты расстреливали. Обессиленные люди помогали передвигаться тем, кто уже не мог идти. Иначе и быть не могло. Думаю, что уже этим утверждалось лучшее в человеческой природе... По неписанному закону лагеря смерти каждый думал не о том, как спастись самому, а как спасти товарища. Поэтому солидарность во взаимной защите была исключительной. Не подчинялись этому закону только предатели, которых карали смертью сами заключенные. Всем же честным людям этот закон помогал. Помогал не сойти с ума, не “пойти на провод”, сохранить в сердце доброту, чуткость, ответственность. Поэтому и на краю гибели, при всех унижениях, люди не превращались в жалких затравленных животных, а оставались людьми...»⁴. Разве это можно забыть...

Еще один пример. Идеи, изложенные в своеобразном литературном произведении великого советского и российского композитора и мыслителя XX в.

Г. В. Свиридова (1915–1998) – книге «Музыка как судьба»⁵ (составлена из текстов дневников), – стали пророческими и звучат сегодня в защиту добра, справедливости и жизни на Земле. Записи Г. В. Свиридова явились откровением для его поклонников, музыкальной общественности, широкой читательской аудитории, раскрыли тайны души мыслителя, а само издание стало особым документом ушедшей советской эпохи, ее духовной культуры, значимость и востребованность которых со временем только растет.

В своих записях великий композитор отразил нечто большее, чем просто время, заглянул далеко вперед, стал выразителем национального духа. Более чем полвека назад Г. В. Свиридов писал, что «нельзя не обратить внимания на появившуюся в последнее время тенденцию умалить, унижить человеческую культуру, опошлить, огадить великие проявления человеческого духа. Многочисленным переделкам и приспособлениям подвергаются многие выдающиеся произведения»⁶. Как актуально и пророчески звучат приведенные слова сегодня: «Ложь вошла в сознание людей как правда. Вот в чем ужас!»⁷. «Подлинный талант не представим без откровения, в нем всегда есть загадка, нечто удивительное, которое не проходит даже тогда, когда узнаешь, как это сделано»⁸. «Художник призван служить, по мере своих сил, раскрытию Истины Мира...»⁹.

Культура играет важную роль в жизни общества, формировании его духовных основ. Слишком долго она оставалась на периферии, воспринималась как нечто второстепенное. У каждой эпохи есть свои доминанты влияния на формирование национального духа. В последнее время общество столкнулось с глобальной нестабильностью. Мир стал открываться по-другому, и вдруг пришло понимание, как много ошибок было допущено и как много еще предстоит испытаний, чтобы найти свой путь в жизни. Так, видимо, устроен человек, внутренний стержень и сила духа которого формируются в недрах национальной культуры. Своими мыслями и поступками он очерчивает границы добра и зла... Пример наших героев подсказывает путь к безопасному будущему. Это нужно научиться видеть...

Так на основе чего следует образовывать и воспитывать человека? По моему убеждению, на подвижничестве человека нравственного, вере в добро и справедливость, жертвенном служении Отечеству, истинных ценностях, которые формируются в семье

²Крепак Б. А. Михаил Савицкий. Красное и черное: Палитра художника – в зеркале эпохи... С. 179.

³Михаил Савицкий. Фотоальбом / авт. идеи и рук. проекта В. Прокопцов, авт. текста и сост. Б. Крепак. Минск : Беларусь, 2008. С. 8–9.

⁴Там же. С. 22.

⁵Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М. : Молодая гвардия, 2017. 795 с.

⁶Там же. С. 130.

⁷Там же. С. 476.

⁸Там же. С. 248.

⁹Там же. С. 159–160.

и передаются из поколения в поколение. Культурная среда закладывает в человеке многообразие смыслов понимания жизни, способствует постижению его созидательной роли на Земле. Нельзя забывать, что именно культура, искусство, литература, гуманитарное знание, наука в целом всегда были эффективным инструментом развития человека – через расширение горизонта его ценностных смыслов и представлений, обогащение духовного мира.

По данным Центра военной истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси, сегодня на территории нашей страны насчитывается более 10 тыс. памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной. Это и величественные комплексы, и памятники, и скромные, а также малоизвестные захоронения. Их почитают, за ними ухаживают благодарные потомки. В школах страны работает почти 1,5 тыс. музеев славы. В каждом экспонате, собранном в ходе экспедиций или передан-

ном из семейных архивов, домашних альбомов, бережно хранится наша Память. Не случайно на вопрос специалистов Института социологии НАН Беларуси о наиболее значимых государственных праздниках 81,7 % респондентов ответили, что это День Победы. Память народная жива, и она бессмертна.

Время дополняет галерею достойных предшественников, рождает новых героев, с которых современный молодой человек будет брать пример. В этом ряду герои Беларуси – военный летчик В. Н. Карват, художник М. А. Савицкий, конструктор М. С. Высоцкий, а для меня – и мой отец, Н. А. Данилов, простой труженик, защитивший свою Родину от врага в роковую минуту. Эти люди строили наше государство, а мы должны достойно продолжить их дело.

Нельзя забывать, что герои живы, пока о них помнят потомки...

*А. Н. Данилов*¹⁰

¹⁰Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

УДК 101.1:316.422:008

ЭСКАЛАЦИЯ ПЕРЕМЕН И УСКОРЕНИЕ «РИТМОВ ИСТОРИИ» КАК УГРОЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ СУЩЕСТВОВАНИЮ

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Аннотация. Исследованы феномен ускорения «ритмов истории» и эскалация перемен в движении мирового социума. Определены и раскрыты основные этапы ускорения, имевшие место в истории человечества. Показано, что стремительно ускоряющийся «бег истории», быстрая смена устоявшихся ритмов жизни вызывает у многих людей психологическое перенапряжение, нервные перегрузки, болезни. Выявлены исходные формообразующие факторы, первопричины, направившие движение социума по опасному (возможно, даже катастрофическому) пути. Обоснована мысль о том, что общество прогресса не имеет предела, общество неконтролируемых инноваций, сменяющих друг друга, является обществом бесконечного риска, обществом рискованных ситуаций, отсюда возникает острая потребность в формировании инновационной культуры, блокирующей экспансию неконтролируемых инноваций, различного рода подрывных проектов и разрушительных технологий. Отмечено, что проблема замедления стремительного «бега истории», приведения темпов социально-экономического развития в соответствие с возможностями человеческого организма, а также с окружающей средой приобретает сегодня первостепенное значение. Важно учитывать то обстоятельство, что общество и человек далеко не всегда могут и способны выдержать экспансию перемен (предпочитают стабильность, устойчивость, равновесие, гомеостаз), поэтому необходимо стремиться к достижению баланса между переменчивостью и стабильностью, динамикой и статикой, к поиску равновесия между этими противоположными началами в движении социума. Акцентируется внимание на необходимости создания комплексной гуманитарной экспертизы, направленной на формирование алгоритма и моделей безопасного инновационного развития, разработку действенных мер, ориентированных на минимизацию возможных рисков и угроз в жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: ускорение; социальное время; культ инноваций; проектирование; инновационная культура; замедление; гуманитарная экспертиза.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС. Эскалация перемен и ускорение «ритмов истории» как угроза человеческому существованию. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;2:7–20.
EDN: REPPGV

For citation:

Kirvel ChS. The escalation of change and the acceleration of the «rhythms of history» as a threat to human existence. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2: 7–20. Russian.
EDN: REPPGV

Автор:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии педагогического факультета.

Author:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy, faculty of pedagogy.
kaf_filosof@grsu.by

THE ESCALATION OF CHANGE AND THE ACCELERATION OF THE «RHYTHMS OF HISTORY» AS A THREAT TO HUMAN EXISTENCE

Ch. S. KIRVEL^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of acceleration of «rhythms of history» and escalation of change in the movement of the world society. The main stages of acceleration, which took place in the history of humanity, are defined and comprehensively revealed. It is shown that the rapidly accelerating «run of history», rapid change of settled rhythms of life turns to psychological and nervous overload, diseases of many people. The initial formative factors have been identified, the root causes that guided the movement of society along a dangerous, possibly even catastrophic path. We have substantiated the idea that a society of limitless progress, a society of uncontrolled innovations, continuously changing each other is a society of infinite risk, a society of risky situations. Hence the urgent need to create an innovation culture that blocks the expansion of uncontrolled innovations, various kinds of «subversive» projects and destructive technologies. Today, the problem of slowing the rapid «run of history», bringing the pace of socio-economic development in accordance with the capabilities of the human body, its biology and psyche, as well as with the environment is truly fateful. Here it is important to take into account the fact that society and people are not always able to withstand the expansion of change – they prefer stability, resilience, balance, homeostasis, and that therefore it is necessary to strive for the achievement of a balance between variability and stability, between dynamic and static, to find a balance between these opposite principles in the movement of society. Emphasis is placed on the need to create comprehensive humanitarian expertise aimed at forming an algorithm and models of safe innovative development, developing effective measures, focused on minimising possible risks and threats in the life of society.

Keywords: acceleration; social time; cult of innovation; design; innovative culture; slowing down; humanitarian expertise.

Введение

Мы живем в эпоху стремительных перемен, когда беспрецедентное ускорение социального времени так трансформирует исторические процессы, что люди уже не успевают к ним приспособиться (ни биологически, ни психологически). Время уже не течет, а «извергается», меняя привычный образ жизни, сложившиеся ценности, этнические системы, разрушая стабильность и устойчивость человеческого бытия.

Ускорение темпа движения социума можно показать на простых примерах: от изобретения колеса до изобретения автомобиля прошло почти 7 тыс. лет, в то время как от изобретения автомобиля до полета человека в космос – всего 70 лет. А каждый год на исходе XX в. смело можно приравнять к десятилетию в XIX в., к столетию в Средневековье и Античности, к тысячелетию в глубокой древности.

Для того чтобы наглядно сравнить современную социальную динамику с развитием общества на предшествующих этапах, имеет смысл обратиться к картине возрастания темпов поступательного хода истории, созданной швейцарским инженером и философом Г. Эйхельбергом в книге «Человек и техника». Автор представил развитие человечества в виде бега на дистанцию 60 км, условно приравняв каждые 10 тыс. лет его истории к 1 км. Большая часть этой

дистанции оказалась за пределами цивилизации. Лишь на 58-м километре появились первые орудия труда и пещерные рисунки – зачатки культуры, на 60-м – признаки земледелия, а за 200 м до финиша – римская дорога, покрытая каменными плитами. Последние 10 м дистанции начинаются при скудном освещении керосиновых ламп, но на финише, на последних метрах происходит ошеломляющее чудо: электрический свет заливает города, мчатся автомобили, в небо взмывают реактивные лайнеры, пораженного бегуна ослепляют вспышки фото- и телекорреспондентов.

Показательным в отношении сказанного является стихотворение Е. Евтушенко¹: *Проклятье века – это спешка, / и человек, стирая пот, / по жизни мечется, как пешка, / попав затравленно в цейтнот. // Поспешно пьют, поспешно любят, / и опускается душа. / Поспешно бьют, поспешно губят, / а после каются, спеша. // Но ты хотя б однажды в мире, / когда он спит или кипит, / остановись, как лошадь в мыле, / почуяв пропасть у копыт. // Остановись на полдороге, / доверься небу, как судье, / подумай – если не о боге – / хотя бы просто о себе. <...>*

Поэты, как это часто бывает, обостренно чувствуют будущее, в том числе и грозящие беды.

Неконтролируемый «бег истории»: этапы ускорения

Для раскрытия вопроса об эскалации перемен и ускорении «ритмов истории» необходимо проанализировать как характер объективного движения

социального времени, так и его субъективный образ, специфику его формирования и восприятия людьми разных эпох.

¹Евтушенко Е. Проклятье века – это спешка... // Поэзия.ру : сайт. URL: <https://poeziya.ru/classic/19/3720/> (дата обращения: 20.02.2025).

Для традиционных земледельческих цивилизаций темпы развития социума, всевозможные изменения хотя и имели место, но происходили настолько медленно, что их трудно было заметить и осознать на протяжении жизни одного и даже нескольких поколений. В силу этого в архаических культурах образ социального времени имел циклическую структуру, аналогичную природной смене времен года, и соответствовал регулярности движения небесных светил. Поскольку смена времен года всегда воспринималась как неизбежное повторение определенных событий, то можно утверждать: в истории не случится ничего такого, что уже не происходило, т. е. «все возвращается на круги своя» и «нет ничего нового под солнцем». Отсюда следуют убеждения людей древности в том, что история носит фаталистический характер и человек в ней ничего не может изменить.

Особо подчеркнем, что до определенного времени процесс социальных трансформаций, всевозможных инноваций и изменений протекал медленно. Его продолжительность значительно превышала продолжительность жизни отдельного человека и длительность периода смены поколений. В связи с этим в течение ряда столетий и даже тысячелетий условия существования людей, традиционных обществ, их быт и окружающая среда были довольно статичны и стабильны.

Данное восприятие людьми архаических культур движения социально-исторического времени четко зафиксировано в Библии (книга Екклесиаст): *Род уходит и приходит, а земля остается навек. / Восходит солнце, и заходит солнце, и на место свое поспешает, чтобы там опять взойти; / Бежит на юг и кружит на север, кружит на бегу своим ветер, / И на круги свои возвращается ветер <...> / Что было, то и будет, и что творилось, то творится, / И нет ничего нового под Солнцем. / Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость! / А уже было оно в веках, что прошли до нас [1, с. 632].*

Символом циклического движения во многих древних культурах выступает замкнутый круг в виде змеи, кусающей свой хвост (рис. 1).

Рис. 1. Символ циклического движения в древних культурах
Fig. 1. Symbol of cyclical movement in ancient cultures

Однако с определенного момента среда, создаваемая человеком, стала увеличивать скорость приспособления к ней не только людей, но и других биологических организмов. В целом человеческая история стала двигаться быстрее природной среды. С возникновением науки начали быстро разворачиваться процессы совершенствования орудий, технической сферы, нарастающая скорость изменений стала видимой.

Важный этап на пути ускорения времени – эпоха европейского Возрождения. Возрожденческая идеология упраздняет статическую гармонию мира и заменяет ее новой – динамической, в которой неподвижность не является основой совершенства, а движение и изменчивость рассматриваются как главные особенности мироустройства и условия красоты. Можно утверждать, что в эпоху Возрождения свершилась мировоззренческая революция, которая «подточила» устои господствующего традиционного общества и выдвинула принципиально новую систему ценностных установок и ориентиров.

Существенной чертой мировоззрения людей эпохи Ренессанса явилось формирование положительной установки на новое, отношение к новшествам как к чему-то желательному и полезному. Новое стало восприниматься как высшая ценность. В эпоху Возрождения время начинает рассматриваться и переживаться как необратимое движение от прошлого через настоящее в будущее. Не случайно первые механические часы устанавливали на башнях итальянских городов. Они били каждый час. В конце XV в. были изобретены часы переносного типа. В новых условиях время стало восприниматься дифференцированно, приобретая все большую ценность. В связи с этим недолго оставалось ждать утверждения в сознании многих людей максимы «время – деньги», которая укоренилась в общественном сознании в ряде стран Западной Европы в эпоху капитализма.

Следует особо подчеркнуть, что высшая степень «бега истории» была достигнута в странах Западной Европы, ставшей колыбелью индустриального общества. Именно в Европе произошло утверждение в период Нового времени буржуазных отношений, парламентаризма, утилитаризма, меркантилизма – всего того, что отличает Запад от других цивилизаций.

Если мы поставим вопрос об исходных причинах формирования столь непохожего (можно даже сказать, абсолютно уникального) типа общества, то в первую очередь придется указать на географические (природно-климатические) особенности Западно-Европейского региона. Подобный тип общества мог сформироваться только там, «где еще на первобытном уровне было возможно ведение хозяйства силами отдельной семьи» [2, с. 122]. Общество данного типа могло получить развитие лишь в том регионе, где не было необходимости создавать такие социокультурные системы, которые жестко

подчинили бы домохозяйства надобщинным, в перспективе – раннегосударственным институтам. «Наилучшие условия для реализации такой возможности были в древней Европе» [2, с. 122]. Именно по причине особых природно-климатических факторов в Западной Европе утвердился частнособственнический тип хозяйствования.

Для жизни на Европейском континенте не требовалось координированных действий больших коллективов, как это было необходимо для древних цивилизаций Востока (гидроцивилизаций), где в условиях ирригационно-мелиоративного земледелия невозможно было обойтись без усилий огромного

количества людей и, соответственно, без жесткого централизованного, нередко деспотичного, управления. Данным фактом объясняется то, что у восточных народов утверждалась не частная, а общественно-государственная собственность. Соответственно, в восточных и западных странах сформировались два различных типа мировоззрения и поведения человека: на Востоке – коллективизм, на Западе – индивидуализм.

Именно частнособственнические производственные отношения, пройдя ряд этапов в своем развитии, ускорили «бег истории» и обусловили подъем Западной Европы за последние три столетия (рис. 2).

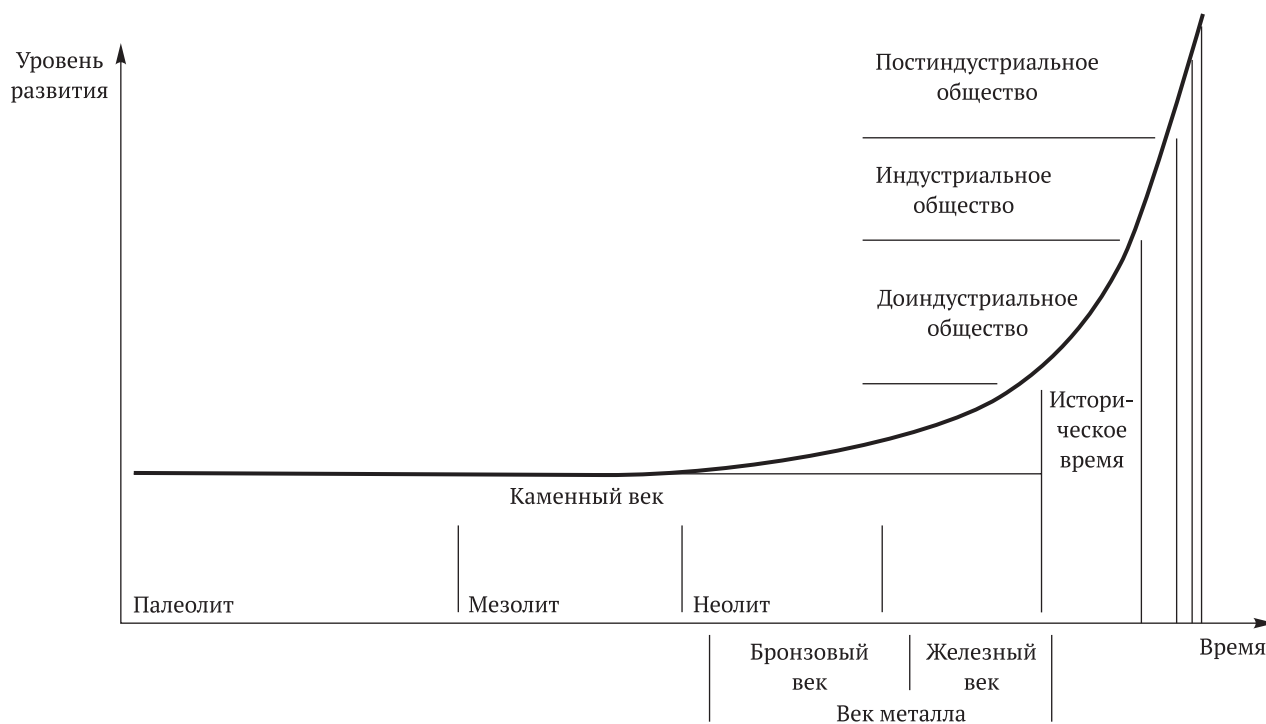

Рис 2. Графическое представление развития общества во времени

Fig. 2. Graphical representation of the development of society over time

Географическое расположение Западно-Европейского региона и характерные для него природно-климатические условия способствовали успешному и интенсивному развитию хозяйственной деятельности. В западноевропейских странах практически нет свойственных для многих народов Юга и Севера изнурительной жары и сильных морозов (не учитывая перепадов температур сегодня в связи с нарастающими климатическими изменениями). Страны Запада окружены незамерзающими морями и пронизаны реками, которые или не замерзают, или покрываются льдом на непродол-

жительное время, следовательно, могут обеспечивать транспортировку больших грузов и товаров за меньшие деньги в сравнении с сухопутными дорогами.

Народы, заселившие столь благодатный природно-географический регион, каким является Западная Европа, демонстрировали бурный рост населения и его высокую плотность, что, в свою очередь, неизбежно оборачивалось ускорением перемен, интенсивным градостроительством, развитием ремесел, созданием новых орудий труда и, что особенно важно, огнестрельного оружия.

XXI век – апогей ускорения движения социума во всемирном масштабе

Ускорение социально-исторического времени достигло своей высшей степени к концу XX – началу XXI в. В реальности сдвиги в важнейших сферах жизни общества произошли во всемирном масштабе.

В этот период мы наблюдали небывалое уплотнение времени (за короткий отрезок времени произошло огромное количество событий, новаций, разного рода трансформаций, как правило не имевших места

в прошлом). Американский философ, социолог и футуролог Э. Тоффлер в книге «Шок будущего» предложил измерить 50 тыс. лет человеческой истории числом поколений, сменивших друг друга. Каждое поколение приравнялось к 62 годам средней продолжительности жизни человека в XX в. В данной иллюстрации социолога умещается 800 поколений, а подавляющая масса всех материальных продуктов, которыми мы сегодня пользуемся, впервые появилась на протяжении жизни последнего, 800-го, поколения. Именно это поколение, согласно ученому, демонстрирует нам резкий разрыв с предшествующим опытом человечества.

Э. Тоффлер подчеркивал, что к началу XXI в. миллионы обычных, психически здоровых людей придут в резкое столкновение с будущим. Многие жители богатых и технически развитых стран обнаружат, что характерный для эпохи нескончаемый поток перемен предъявляет все более высокие требования и им трудно угнаться за временем. Шквал перемен, по мнению ученого, только набирает силу. В высокоразвитых индустриальных странах перемены идут с небывалой скоростью, вызывая к жизни странную социальную «флору» – экзотические церкви, «свободные университеты», научные городки в Арктике и клубы по обмену женами в Калифорнии [3, с. 21].

Ускорение темпа перемен, согласно Э. Тоффлеру, «являет собой конкретную силу, которая вторгается в нашу личную жизнь, проникая в сокровенные ее глубины, заставляет нас играть новые роли и угрожает сделать нас жертвами некой новой опасной психологической болезни, серьезно нарушает душевное равновесие человека. Эту новую болезнь можно было бы назвать “шоком от столкновения с будущим”. Знание ее причин и симптомов поможет осмыслить многое из того, что не поддается никакому другому разумному объяснению. Шок будущего – это вызывающая головокружение дезориентация, являющаяся следствием преждевременного прихода будущего. Он вполне может оказаться самой серьезной болезнью завтрашнего дня» [3, с. 23].

Несмотря на все сказанное сегодня, как никогда ранее, приветствуется ускоряющееся развитие, утверждается его необходимость и неизбежность, что находит свое выражение в стремлении быстрее менять любые сложившиеся системы, еще не успевшие устареть, новыми, а последние – еще более новыми и т. д. На деле все это означает бесконечное недиалектическое отрицание отрицания, непрерывный поток перемен. При этом всевозможные подрывные технологии, приносящие прибыль, сразу же внедряются в производственные процессы. В результате современное человечество оказывается в ситуации прогресса без предела, что в действительности означает бесконечный риск в движении социума.

Мы часто слышим, что прогресс не остановить. Но это не основание для того, чтобы безоговорочно внедрять в практику все изобретенное. В реальности общественное развитие включает в себя три составляющие – прогресс, регресс, антипрогресс. Антипрогресс – это такое развитие, в процессе которого возникают принципиально новые формы общественного бытия и сознания, носящие явно деструктивный характер, приводящие к разрушению личности и социума. Новое далеко не всегда тождественно хорошему и благоприятному для большинства людей. И такого нового, к сожалению, становится все больше. Смеем утверждать, что в современном мире антипрогресс определенно доминирует над прогрессом. Сегодня «создание нового становится самоценным занятием и не служит удовлетворению естественно-витальных, исторических, но разумных, необходимых для достойной жизни потребностей; ради него культивируются любые, самые странные, пустые или явно болезненные желания. Глобализирующаяся техногенная цивилизация впала в новационную истерию, породив феномен неомании. Неомания и безграничное потребление, коммерциализируясь, питают друг друга, и оба вместе истощают природу (и) человека, не заботясь о какой-либо их устойчивости. Не прогресс ради общества, а общество ради прогресса – вот что приходит на смену развитию, когда человечество, *de facto*, меняет знамя устойчивости на знамя новационизма. Нельзя слепо выступать против прогресса, но мы обязаны выступить против слепого прогресса» [4, с. 21].

Наш мир сегодня можно охарактеризовать как стремительно несущийся, сиюминутный, неустойчивый, турбулентный, непредсказуемый и т. д. Сложившаяся реальность заставляет человека двигаться все быстрее, утверждает культ скорости. В результате в наше время в тренде человек инновационный, человек проектирующий.

Эскалация перемен и ускорение «ритмов истории» порождают человека спешащего. Люди, принадлежащие к проектирующему, спешащему типу, воспринимают действительность как не вполне состоявшуюся, требующую передела и изменения. В результате такого восприятия реальности «социальное пространство утрачивает целостность, становится мозаичным, состоящим из многочисленных неупорядоченных между собой фрагментов - проектов. Пребывание в таком пространстве сопряжено с высокими рисками, требует от человека повышенной концентрации и постоянной мобилизации, что чревато перенапряжением и нервными срывами» [5, с. 12]. Люди, таким образом относящиеся к реальности, «становятся все более нивелированными, экзистенционно пустыми» [5, с. 17]. Их готовность к любым переменам, готовность идти в ногу с этими переменами нередко оборачивается неспособностью к глубокому постижению социума, реальных

проблем, стоящих перед обществом, утерей смысла, беспочвенностью, космополитизмом.

Следует отметить, что некоторые обсуждаемые здесь феномены получили своеобразную трактовку в недавно переведенной на русский язык книге немецкого философа Бён-Чхоль Хана «Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива» [6]. Автор показывает, что современное общество, которое он характеризует как «общество достижений», порождает множество психологических расстройств. Его субъекты, ориентируясь на постоянную позитивность, стремятся сделать все сразу – быстрее, больше, эффективнее, что в итоге оборачивается депрессией. Интенсивная жизнь неизбежно приводит к выгоранию, усталости, истощению и т. д. В силу самореализации таким способом современный человек становится беззащитным перед избытком позитивности. Он вынужден эксплуатировать себя и лишается суверенности и созерцательности. В результате отсутствие в человеческой жизни созерцательного элемента и недостатка покоя наша цивилизация, согласно Бён-Чхоль Хану, движется в сторону нового варварства.

Человеку проектирующему следует задуматься, что инновационное общество – это общество риска, которому присущи рискованные ситуации, соответственно, человеку необходимо научиться их избегать, сформировать культуру инноваций, позволяющую отличать созидание от разрушения, а также знать, как создать общество с инновационной культурой, блокирующей распространение неконтролируемых инноваций и подрывных проектов. Наконец, необходимо понимать, что в результате постоянного инновационного роста наш мир становится все менее предсказуемым и все более опасным. Кроме того, человеку инновационному не следует забывать, что он, как правило, находится под «компетентным» контролем бизнес-структур и ему надо помнить, что общество и человек далеко не всегда могут и способны выдержать эскалацию перемен – им предпочтительнее стабильность, устойчивость, равновесие, гомеостаз, следовательно, необходимо стремиться к достижению баланса между переменчивостью и стабильностью, между динамикой и гомеостазом, к поиску равновесия между противоположными началами в движении социума.

Конечно, иногда нужны прорывные движения, даже штурм, но только в чрезвычайных ситуациях. При этом нельзя забывать, что любая система, общество, организм или машина при превышении нагрузки и скорости теряет управляемость и разрушается [4, с. 21].

Человечество пока не выработало правил реагирования на инновационное развитие, позволяющих избегать деструктивных технологий. Сегодня

мы часто сталкиваемся с феноменом радикального конструктивизма, с попыткой тотального проектирования, с идеей замещения естественных процессов искусственными. Именно исходя из радикальной конструктивистской установки, будущее нашей цивилизации связано с искусственно созданным человеком (постчеловеком), искусственным интеллектом и с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности людей.

В реальности, пока общество не достигнет социогуманитарного обеспечения, не станет учитывать гуманитарную составляющую в процессе технологического конструирования, человек инновационный будет представлять собой опасность, угрозу превращения в субъекта нового, уже цивилизованного варварства.

Можно утверждать, что социальные изменения XX в., отмеченные трансформациями, которые радикально отличаются от трансформаций прежних периодов, обернулись сегодня по крайней мере двумя парадоксами.

Первый парадокс заключается в том, что чем больше производится новых товаров и услуг, тем менее удовлетворенным ощущает себя человек, тем он менее спокоен. Установлено, что постоянная смена потребительских товаров не делает человека счастливым, не дает ему душевного равновесия и чувства стабильности. Индустриальная (постиндустриальная) предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, формирует престижное потребление, манипулирует вкусами людей таким образом, что они потребляют все больше, тем самым обеспечивают быстрый оборот капитала, его самовозрастание. Например, сегодня рекламируется одна модель машины, через месяц – другая, более новая, а еще через месяц – самая новая. И так без предела. В результате граждане богатых и развитых стран постоянно испытывают психологический дискомфорт, гнетущее ощущение, будто что-то не реализовано, не достигнуто. Э. Фромм в работе «Иметь или быть?»² показал, что, во-первых, бесконечная смена потребительских товаров не обеспечивает человеку не только счастья, но и душевного равновесия, чувства удовлетворенности; во-вторых, индустриализм привел к беспрецедентной бюрократизации общественной жизни, превратил человека в ничтожный винтик огромной бюрократической машины (мегамашины); в-третьих, общество массового потребления обернулось неслыханной манипуляцией мыслями, чувствами и вкусами людей, тотальным контролем средств массовой информации над частной и общественной жизнью; в-четвертых, потребительское изобилие коснулось лишь ограниченного числа стран, пропасть между богатыми и бедными государствами

²Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ, 2016. 317 с. (Философия – Neoclassic).

увеличивается все нарастающими темпами; в-пятых, технический прогресс создал угрозу ядерной войны и опасность для окружающей среды и т. д. Ученый рассуждает так: в индустриально-потребительском обществе человек чувствует себя усовершенствованной «вещью», зависимой от внешней силы, которая определяет смысл его жизни, т. е. находится в состоянии отчуждения, рост которого не только связан с экспансией индустриальной системы, но и непосредственно порожден ею.

Второй парадокс сводится к тому, что чем больше изобретается машин и аппаратов, призванных сэкономить время и облегчить жизнь человека, тем интенсивнее и напряженнее становится существование людей, тем меньше у них свободного времени. Для разьяснения данного тезиса прибегнем к иллюстрации. Представим себе диалог человека Античности (скажем, Сократа) с современным «средним европейцем», погибшим, например, в результате авиакатастрофы. В этом диалоге «средний европеец» с нескрываемым чувством превосходства повествовал бы о важнейших достижениях западноевропейской цивилизации: машинах, самолетах, шагающих экскаваторах и т. д. Сократа, конечно, интересовал бы вопрос о смысле этих изобретений, для чего все это. И оказалось бы, что на вопрос о смысле любого изобретения «средний европеец» отвечал бы: «Для того, чтобы сэкономить время». Сократу этот ответ показался бы странным и непонятным, и он, пытаясь вникнуть в суть проблемы, с удивлением сформулировал бы следующий вопрос: «А куда же вы деваете это сэкономленное время?» Этот вопрос крайне озадачил бы «среднего европейца», и он, впад в замешательство, констатировал бы, что если чего и не хватает человеку XX в., то это времени. И вообще, в современном мире дефицит времени – самая большая проблема для людей: все вынуждены считать минуты, секунды, пребывать в перманентной спешке и суете, нервничать и находиться в напряжении.

Услышав все это, Сократ заключил бы (и мы с ним согласны): не может быть благополучным и долговечным существование государства, если его граждане создают тысячи разнообразных машин для того, чтобы экономить время, и при этом достигают обратных результатов.

Таким образом, замкнутый круг движения социально-исторического времени, характерный для архаических обществ, был разорван и превратился в спираль, раскручивающуюся все быстрее, при этом постоянно увеличивающую расстояние между витками, вплоть до полного выпрямления и превращения в «стрелу времени», которая набирает в своем движении все большую скорость (рис. 3).

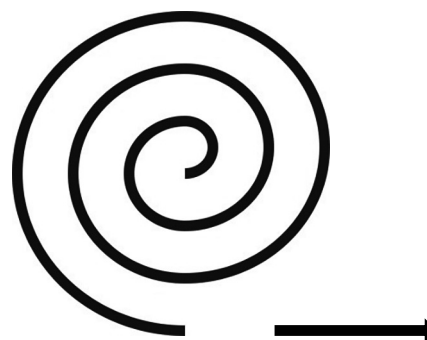

Рис. 3. Движение социально-исторического времени

Fig. 3. The movement of socio-historical time

Куда несется указанная стрела: к концу света или к гибели человечества? Августин Блаженный первый сравнил время со стрелой. Он считал, что время обладает линейной структурой, оно имеет начало, поскольку создано Богом вместе с миром, и конец, который придет в день Страшного суда. С такой точки зрения Страшный суд – это катастрофический сценарий, который может стать реальностью, если человечество не сменит неадекватный способ самореализации в этом мире и утвердившуюся модель общественного устройства.

Медико-биологические последствия прогресса без предела («религия прогресса»)

В настоящее время цена прогресса стала непомерно высокой. Непредсказуемость убыстряющихся изменений вызывает у множества людей не только болезненное ощущение утраты устоявшегося, привычного, но и нарастающую неуверенность в будущем. Отсюда демографическое неблагополучие во многих странах.

Проанализируем, что происходит в действительности. Многие современные исследователи, прежде всего представители эволюционной теории, высказывают мнение, что сегодня, в сущности, формируется «модель полной депопуляции» [7, с. 154]. Согласно им, «неоспоримыми остаются лишь очевидные результаты вымирания: с какого-то момента доля

умирающих особей или «большого количества уродливых форм» [8, с. 60] в составе вида возрастает до такой степени, что снижение численности и способности к воспроизводству делает неизбежным его исчезновение в более или менее отдаленном периоде. И действительно, сегодня мы находимся в таком состоянии, когда «медленный и практически вневременной фон человеческой деятельности начинает меняться с такой скоростью, что может обещать людям лишь одно – катастрофу» [9, с. 25].

Российский исследователь В. А. Рыбин, основываясь на большом фактическом материале, показывает, что человечество становится все более нездоровым, причем в ускоренном темпе [10]. Огромную

опасность представляют побочные продукты химического производства. Так, с отравлением диоксидом связаны многие патологические проявления в организме человека, в частности потеря способности к зачатию (фертильность). Согласно данным способность к зачатию уже потеряли более 20 % американских семей. Ожидается, что к середине XXI в. таких семей будет уже 50 %³, несмотря на то, что природа предусмотрела мощные защитные механизмы для сферы деторождения.

Резко возросло влияние на человека стрессовых нагрузок. По статистике, в США 90 % населения находится в состоянии перманентного стресса. Из них 60 % испытывает стресс 1–2 раза в неделю, 30 % – почти каждый день. Имеются данные о распространении среди населения развитых стран системной болезни, которую квалифицируют как синдром хронической усталости. На постсоветском пространстве около 70 % населения находится в состоянии постоянного стресса [11, с. 136].

«Школа» катастроф как фактор в становлении нового типа жизнеустройства человечества

Неудивительно, что сегодня предчувствие катастрофы захватывает сознание не только писателей-фантастов, но и представителей политической и деловой элит, а также множества рядовых граждан. Говоря о необходимости и неизбежности изменения парадигмы современного цивилизационного развития, некоторые авторы предсказывают скорые вселенские потрясения, причем рассматривают их как желательные и полезные. Например, известные российские исследователи В. И. Пантин и В. В. Лапкин, базируясь на различных циклически-волновых моделях развития общества, предсказывали, что произойдут глобальные финансовые, экономические, политические и военные конфликты на междоцивилизационной или межэтнической почве. Ученые приходят к выводу, что грядущие потрясения являются необходимыми для изменения нынешней типовой модели цивилизационного развития. С точки зрения указанных авторов, только потрясения «способны разрушить или перестроить глобальные монополии, ставшие тормозом на пути дальнейшего социального и культурного развития, а также тесно связанную с ними олигархию (власть немногих) и систему манипулирования массовым сознанием через использование СМИ и информационных технологий. ...Без великих потрясений, по-видимому, невозможно вывести большинство людей из состояния умственной спячки, апатии и нравственного разложения, заставить их мыслить и действовать во имя собственного спасения» [13, с. 435–436].

Действительно, необходимо признать, что если господствующая модель эволюции общества утра-

Кроме того, современные технологии не ограничиваются преобразованием лишь природной среды, а уже посягают на способность человека мыслить и тем самым создают предпосылки для вытеснения не только физического труда, но и умственного, что в реальности может обернуться деформацией представлений о таком важнейшем предназначении человека, как реализация в профессии. Относительно перспектив можно сказать, что в обозначенных координатах «свет в конце туннеля» не просматривается. Современная эволюционная теория не дает ответа на вопрос, что надо делать, «чтобы развитие человечества вообще продолжалось. Сегодня такой теории нет, а все существующие охватывают лишь отдельные аспекты эволюционного процесса, отражая субъективные взгляды и подходы авторов» [12, с. 105]. Тем не менее ответ на этот вопрос человечеству необходимо дать.

Учитывая различные перспективы, то именно катастрофический сценарий развития событий дает потенциальные возможности предельно мобилизовать все силы общественного организма на поиск новых путей для дальнейшего движения социума, т. е. выполняет своего рода конструктивно-спасательные функции. Сегодня вопрос стоит так: или человечество обречено на катастрофы, и даже гибель, или господствующая модель (парадигма) движения социума будет коренным образом трансформирована.

Можно согласиться с Е. В. Балацким, который пишет о возможности саморазрушения (смерти) социально-экономической системы в результате возникновения антагонистического противоречия между экономическим самовозрастанием и общественными равновесными законами. Автор считает, что если «конец света» и наступит, то не в результате космической катастрофы, геологических катаклизмов или термоядерной мировой войны, а из-за экономического «самопожирания» общества» [14, с. 825].

«На определенном этапе бесконечный рост системы вырывается из-под контроля и обретает самодовлеющий характер, формируя запросы и ценности индивидов как нечто производное от своих нужд» [14, с. 823]. В результате люди и природа оказываются полностью подчиненными производственным интересам, человек из хозяина экономического прогресса превращается в его игрушку. Таким образом, в эволюции социума наступает момент, «когда кибернетические связи в цепочке “спрос – предложение” меняются местами: прямая связь становится

³Человек и среда его обитания : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032300 «Химия» / под ред. Г. В. Лисичкина, Н. Н. Чернова. М. : Мир, 2003. С. 148.

обратной, а обратная – прямой, управляющая система – управляемой и наоборот. По сути дела, речь идет о своеобразной экономической ловушке для общества, “обреченного” на бесконечный прогресс вплоть до саморазрушения» [14, с. 823].

На вопрос, существуют ли способы нейтрализации тенденции к саморазрушению общества и реальная возможность утверждения такой экономической системы, которая находилась бы в состоянии перманентного равновесия, Е. В. Балацкий отвечает: «Теоретически подобный гомеостаз возможен, но чтобы его достичь... необходима жесткая психология экономической умеренности, разделяемая подавляющим большинством членов общества. Должна повсеместно властвовать философия “экономического буддизма”...» [14, с. 825].

Сегодня, как и в эпоху первоначального накопления капитала, человеческая алчность, эгоизм, потребительство, недальновидность, т. е. неспособность предвидеть конечные результаты преобразующей деятельности, неизбежно берут верх над всем остальным. Идеалы гуманизма и человечности все время оказываются на периферии устремлений тех групп и лиц, от которых зависит судьба нашей цивилизации.

Судя по всему, только острое ощущение «дна», грядущих потрясений, которые каждый будет предчувствовать как неотвратимые и опасные, всеобщее осознание бесперспективности существующего уклада жизни смогут побудить общество и его элиты к кардинальной переоценке ценностей и начать активно действовать. Однако, по нашему убеждению, для того чтобы приступить к такого рода переоценке и действиям, человечеству придется пройти

определенную «школу» – неизбежную стадию обучения путем крупномасштабных катастроф и катаклизмов. Когда угроза исчезновения человека как вида станет явной для всех, только тогда, по нашему мнению, человечество начнет действовать в этом направлении. Вместе с тем на авансцену общественной жизни выйдут «пророки», способные выдвинуть и обосновать новые общезначимые ценности и альтернативные проекты современного мироустройства, помочь определиться людям с выбором той или иной формы гуманистически ориентированного посткапитализма. «Пророки» – непростой народ: когда подавляющее большинство людей не способно их услышать, они молчат, когда обеспокоенное человечество старается определить основные направления грядущих потрясений, которые каждый предчувствует как неизбежные, они говорят. Именно в этот период будет сформирована новая идеология развития общества и осуществлена духовная (мировоззренческая, аксиологическая) революция.

Однако имеется серьезное обстоятельство, препятствующее человечеству свернуть с пути движения, – это феномен беспощадной конкуренции между странами за превосходство и доминирование. В действительности получается так, что достичь превосходства одного государства над другим в экономическом, научно-техническом (например, в развитии искусственного интеллекта) и прежде всего в военном отношении невозможно без деструктивных технологий. Разрушить или подавить другое государство немислимо без использования указанных средств. И в этом процессе никак «не остановиться».

Экономоцентризм как ключевая причина кризисных явлений в социуме

Мы не согласны с теми исследователями, которые считают, что неумеренное потребительство, эгоистические устремления, агрессия по отношению к другим людям и подобные характеристики обусловлены исключительно генетикой человека. Доминирование потребительства, сопровождаемого множеством ложных потребностей, возведение его в ранг «основного инстинкта», придание ему массового характера – это явление, обусловленное не только природой человека.

В реальности взгляды, идеалы, ценности, потребности человека всегда так или иначе связаны с внутренней логикой развития общества, его интенциями и установками. Они зависят от господствующих в тот или иной исторический период социальных институтов, общественных учреждений, социальной структуры, в целом – от специфики социальной организации и общественного строя. Ф. М. Достоевский в своих знаменитых «Записках из Мертвого дома» глубоко обосновал мысль о том, что человек ко все-

му способен привыкнуть, что он самое адаптивное существо в мире. Его природа не только определяется врожденными, генетически наследуемыми характеристиками, но и имеет подвижный характер, в значительной степени зависит от социальной среды и ее трансформаций, от мира ценностей, т. е. человек принадлежит не только к миру природы, но и к миру культуры.

Человечество не раз демонстрировало и еще сможет продемонстрировать, при условии изменения парадигмы развития социума, способность к утверждению иных типов и форм своего общежития, а также путей удовлетворения своих потребностей.

Ф. Ницше высказал парадоксальную, на первый взгляд, фразу: «Безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времен – правило» [4, с. 18]. Как представляется, это высказывание не является безосновательным, а отражает реалии, несомненно имеющие место в жизни общества. Мы часто встречаемся с «абсурдом и безумием»

в устремлениях и коллективных действиях не только групп людей, но и целых народов. И этот «абсурд и безумие» угрожают их полноценному развитию и даже выживанию. Вот что в связи с этим пишет известный российский философ В. А. Кутырев: «Разумеется, в философской проекции речь, прежде всего, должна идти не о нервно-психическом состоянии людей, а об объективно безумном результате их субъективно разумных, рациональных действий. Адекватнее подобный феномен следует, по-видимому, определять как абсурд. Абсурд – это без(д)умие в форме разума».

И тогда, при таком понимании, глядя на нашу техногенную потребительскую цивилизацию, риска в ее квалификации как “безумно разумной”, абсурдной – почти нет. О подрыве разумом самого себя говорили и говорят (теперь все громче) самые авторитетные, от Хайдеггера до Бодрийяра, мировые мыслители... Пришло время направленной тематизации состояния разума современного общества, хотя бы попыток его общей философской диагностики. Разум можно считать без(д)умным, если и когда он начинает действовать против себя и своего носителя» [4, с. 19]. С ситуацией, когда «сознательная, хуже того, бессознательная подмена истины ложью, ценностей добра ценностями зла, стремление к целям, достижение которых грозит самому существованию мира, – это рядовые, типичные способы действий “групп, партий, народов, времен” в наше время. “Правило”, которое, в отличие от предыдущих эпох, становится глобальным» [4, с. 19].

Хотя идею зависимости человека, его духовного облика от внешней среды нельзя абсолютизировать, как это, например, делал известный французский философ К. А. Гельвеций, но и отрицать ее воздействие не только на отдельного человека, но и на коллективы, большие сообщества людей вряд ли правомерно. Экономоцентрическая парадигма движения социума, утвердившаяся в Новое время в Западной Европе, раскрутила «колесо истории» и породила необычайно примитивный тип человека – *Нотоэсопотичесус*, для которого мерой успеха, единственной мотивацией в ориентациях и поступках стали деньги. Ядро этой парадигмы – предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли любой ценой.

Экономоцентрическое общество погружает человека в мир исключительно материальных интересов. Люди же, отказывающиеся руководствоваться в своих действиях экономическими интересами, воспринимаются как маргиналы. Если в традиционных обществах стремление к наживе не являлось нормой социокультурного строительства и оставалось за рамками логики хозяйственных отношений, то в Новое время стремление к богатству и накопительству стало неотъемлемой характеристикой общественного уклада. Вспомним, какими ужасами

и трагедиями отметила себя эпоха первоначального накопления капитала. Дух капитализма, о котором пишет В. Зомбарт, вырывает человека из спокойных, органичных полюбовных отношений, сложившихся к периоду Средневековья, и бросает его на путь беспокойного корыстолюбия [15].

Для экономоцентрического общества характерно стремление к монетизации максимального числа социальных связей, превращение в денежный эквивалент максимального числа общественных отношений. Именно культ денег и стремление к накопительству в наибольшей мере стимулировали в Западной Европе инновации, изобретательство и внедрение технических достижений в производство, поскольку они обеспечивали быструю и большую прибыль.

Важнейшим фактором, оказавшим мощное влияние на становление в Западной Европе рыночно-предпринимательской капиталистической системы, выступил протестантизм как специфический тип религии, который стал духовной основой становления развитого капитализма.

Влияние протестантизма на жизнедеятельность стран Западной Европы (прежде всего Германии, Англии, Франции, Швейцарии, Нидерландов) огромно. Протестантская религия оказалось самой адаптированной к частнокапиталистическому производству и предпринимательской экономике, ориентированной на получение максимальной прибыли. Протестантизм поощрял накопительство, культ денег, ростовщичество и частное предпринимательство, в отличие от католицизма, для которого было характерно отношение к ростовщичеству и предпринимательству как к чему-то греховному. Неудивительно, что своего наивысшего расцвета капитализм достиг именно в протестантских странах, а, например, в Испании и Италии, где сохранялся католицизм, в XVII–XVIII вв. наблюдалось отставание в развитии. Протестантизм выдвигает постулат избранности. Согласно последнему на милость Бога, богоизбранность вправе рассчитывать только тот человек, который смог достичь жизненного успеха (как правило, в виде накопления богатства). Иными словами, протестантизм поощрял культ денег, придавал им статус святости, превратил их из средства в цель и измерял достоинство человека количеством накопленного капитала.

У народов, исповедующих другую религию, отмеченных ценностных установок и мировоззренческих ориентаций не сложилось. Например, если говорить о православии, то оно еще в меньшей мере, чем католицизм, приспособлено к развитию типично капиталистического предпринимательства. Православная религия с ее идеей равенства людей перед Богом и культом нищелюбия в принципе несовместима с основным постулатом протестантизма об индивидуальном спасении, его установкой

оценивать заслуги человека количеством накопленного богатства.

Как это ни удивительно, но «протестантизму впервые за всю историю существования религий удалось совместить два принципиально несовпадающих принципа – служение Богу и служение мамоне» [16, с. 205].

Мы живем сегодня в мире, когда утверждению массового экономического общества подчинены все социально-политические и культурно-психологические стратегии жизни людей (кроме рыночно-обменных). Общество данного типа использует любые феномены и любые сферы общественной жизни в целях накопления капитала. В результате прогрессом объявляется все то, что помогает зарабатывать деньги. Исходя из таких же позиций, люди стали относиться к культуре и науке.

Западная Европа, выбрав индустриальный путь развития, изначально сделала ставку на науку, чем выделила ее среди других форм культуры. Однако это сводит функции человеческого разума лишь к решению технико-экономических задач для достижения пользы, эффективности и прибыли. В результате целостность разума, единство его постигающей (выработка общего представления о мире и месте в нем человека) и приобретающей (решение утилитарно-практических задач) составляющих были нарушены. Проблемы целостного познания истины ввиду необходимости решения технико-инструментальных задач отступили на второй план и перестали быть востребованными.

Капитализм подавил логику внутреннего развития научно-технического прогресса, дегуманизировал его, отстранил от решения чисто человеческих проблем, подчинил «хищническо-механическим» (П. Флоренский) устремлениям, тем самым придав ему негативную коннотацию. Такого рода метаморфоза в развитии капитализма обернулась экспансией деструктивных технологий, разрушительно воздействующих на человека и природу.

Западноевропейская цивилизация не пошла по пути формирования биокосмоцентрического производства, развития безотходных и природовосстановительных технологий, а в перспективе и к органи-

ческому включению техносферы в космобиосферные энергетические потоки зависимости и ритма, она нацелилась на создание инструментальных технологий, направленных в первую очередь на получение максимальной прибыли любой ценой, на утверждение экономоцентризма, подавляющего другие сферы жизни общества. Отсюда заключаем, что в современных бедах человечества виновен не научно-технический прогресс, а прежде всего модель (парадигма) общественного устройства, которая в свое время была сформирована в Западной Европе.

Сегодня на вопрос, будут ли в условиях господства финансово-олигархического капитализма современные технологические достижения использоваться во благо человечества, можно дать только отрицательный ответ. Люди, почувствовавшие власть в глобальном масштабе, вряд ли когда-либо от этого откажутся и примут социальную справедливость и реальный гуманизм. Остановить их может только коренной переворот, причем он должен произойти до того, как указанные люди овладеют всеми инструментами и технологиями глобального управления. В данной ситуации гуманистическая альтернатива возможна лишь при условии коренной трансформации социума.

Капитализм отвел науке вспомогательную роль. Мировая олигархия финансирует только те направления исследований, которые соответствуют ее устремлениям к прибыли, удержанию власти. Научные разработки, угрожающие ее господствующему положению в мире, не финансируются, а ученые, занимающиеся ими, преследуются.

Приходится признать, что людьми в современном мире действительно управляют стихийные, иррациональные силы. Размышляя о причинах нарастающих угроз, мы должны отдавать себе отчет в том, что корни кризисных явлений уходят в европейскую историю, что предпосылки тупика, в который сейчас попало человечество, были заложены в Западной Европе, вытекают из своеобразия сформировавшихся в этом географическом регионе мировоззренческих ориентиров и ценностных установок, обусловлены внутренней архитектурой западной культуры в целом.

От неконтролируемого ускорения к развитию культуры замедления.

Гуманитарная экспертиза: возможности и пределы

Человечество постепенно приходит к осознанию реальности вызовов и угрозы неконтролируемого ускорения движения социума, одержимости скоростью, стремления к бесконечным инновациям без осмысления их возможных негативных последствий и т. д.

В настоящее время проблема замедления стремительного «бега истории», приведение темпов социально-экономического развития в соответствие

с возможностями человеческого организма, а также с природной средой становится предметом дискуссий между учеными, политиками, общественными деятелями. Более того, эти проблемы начинают захватывать и будоражить в определенной степени и массовое сознание.

К началу XXI в. новый подход к категориям времени и скорости занял важное место в различных социальных движениях и идейных течениях. Более

того, возникло движение, сосредоточенное на решении проблемы замедления скорости и изменения политики времени. Это так называемое «Медленное движение» («Slow Movement»). Движение, хотя и обладает идейным единством, но разнородно, действует в разных областях, не имея центра и общих организационных рамок. Его манифестом стала книга одного из его главных идеологов – канадского журналиста К. Оноре «Похвала медленному. Как одно всемирно известное движение бросает вызов культу скорости» («In praise of slow. How a worldwide movement is challenging the cult of speed»). Впервые издана в 2004 г. [17, с. 146]. В русском переводе труд вышел под заголовком «Без суеты. Как перестать спешить и начинать жить». Данная книга была переведена более чем на тридцать языков и, по утверждению газеты «Financial Times», стала для «Медленного движения» тем же, чем «Капитал» Маркса стал для коммунизма [17, с. 146].

Энтузиасты и сторонники формирования культуры замедления в современном мире подчеркивают, что необходим поиск разумного и оптимального пути к достижению баланса, равновесия между изменчивостью и стабильностью, переменчивостью и устойчивостью. Однако все эти идеи и устремления на развитие культуры замедления пока не оказывают существенного влияния на развитие современного социума. Мизантропский закон самовозрастания капитала их с легкостью преодолевает. В лучшем случае все эти устремления способны оказать психологическую помощь отдельным индивидам, страдающим от водоворота бесконечных перемен.

Деятельность возникших в последние десятилетия в западноевропейских странах организаций и объединений «Медленного движения» проанализирована в статье российского исследователя А. Б. Гофмана: «Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире» [17].

Мировому сообществу необходимо решить судьбоносную задачу: изменить современный вектор движения социума, сломить сложившийся алгоритм его эволюции и перейти на новый уровень развития, исключающий опасности, катаклизмы, катастрофы, которые порождает стихийная и неконтролируемая деятельность людей, создать надежный механизм защиты человека от самого себя. Человечество несет прямую ответственность за свою историческую судьбу. А это значит, что следует поставить на контроль все факторы и тенденции, угрожающие существованию цивилизации и, соответственно, принять экстренные меры. Назрела потребность преодолеть неосознаваемость происходящего, демонстрируемую современным мировым атомизированным обществом, глубоко погруженным в узкокорыстные интересы и конфликтные отношения. Сегодня для того чтобы выжить, человечеству необходимо реабилитировать другие – не западные – стратегии,

связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых законное место занимает и восточнославянская православная традиция. Речь идет об утверждении эпохи постэкономизма, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребностей, с всепоглощающего экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с поддержкой экологического равновесия мира. Важно преодолеть «безумную» и утвердить гуманистическую рациональность. Теперь перед человечеством со всей остротой встала грандиозная по своим масштабам задача – сформировать целостное мировоззрение, в основе которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где мир, космос, человек воспринимались бы целостно. Гуманистическая рациональность только тогда будет соответствовать современным потребностям, когда она сможет вобрать в себя и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. В наше время лишь синтез философии разума и философии сердца может дать достойное человека отображение мира в его сознании, может стать надежным ориентиром для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находится в известном равновесии, так и в человеческом познании оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Сегодня необходимо максимально открыто, с участием авторитетных специалистов и ученых обсуждать в СМИ потенциальные риски и опасности, возможные катастрофы и катаклизмы, которые могут быть спровоцированы неуправляемым научно-техническим прогрессом. Обсуждение способно вызвать общественный резонанс и обратить внимание масс на судьбоносные проблемы. Мы не говорим, что нужно остановить научно-технический прогресс, сдерживать и ограничивать развитие техники. Проблема в другом: как при всем этом не допустить подавления техносферой антропосферы, как сохранить человеческую душу, духовность, мораль, любовь, совесть, сочувствие, сострадание – все то, что делает человека человеком. Человечество не должно неожиданно для себя перешагнуть точку невозврата.

Что может обеспечить проявление в людях качеств *Homo sapiens humanus*: *Homo totus* (человек целостный), *Homo pulcher* (человек прекрасный), *Homo amans* (человек любящий) и т. д. Прежде всего необходимо создать комплексную гуманитарную экспертизу, направленную на формирование

алгоритма и моделей безопасного инновационного развития, разработку действенных мер, ориентированных на минимизацию возможных рисков и угроз в жизни общества. Новый вид экспертизы должен выявлять и культивировать наиболее соответствующие гуманитарному фактору векторы духовного развития человечества. Человеку разумному нужен высший критерий, с которым ему следовало бы соизмерять свои устремления и помыслы. По сути дела, человечеству необходимо осуществить ценностно-мировоззренческую революцию, духовную реформу.

Кроме того, важно сформировать своего рода структуру, коллективный социальный субъект, который будет возвращать новую элиту, духовных подвижников и борцов, осознающих всю опасность стоящих перед человечеством глобальных проблем и стремящихся их решать, активно противодействующих всем известным сегодня угрозам земной цивилизации. При этом всякое моделирование будущего человека и общества необходимо осуществлять с учетом гуманитарного фактора.

Следует признать, что в современных условиях организация достоверной и действенной гуманитарной экспертизы для эффективного социального контроля – сложное и труднодостижимое дело. Там, где мерой человеческих отношений являются деньги, трудно ожидать гуманизации и человеко-размерности. Хотя все эксперты и аналитики считают гуманитарную экспертизу необходимым предварительным этапом, на котором будут выявлены риски воплощения в практику инноваций, никто из них не в состоянии гарантировать ее качество и достоверность. Эксперты могут находиться под жестким контролем государственных и рыночных бизнес-структур. Сегодня практически неизвестны прецеденты, когда гуманитарная экспертиза смогла бы предотвратить какие-либо негативные последствия внедрения даже самых «безумных» инноваций в жизнь общества. «Там, где правила диктует рынок и преобладает коммерциализация жизни, ведущая к «маркетинговому холокосту», лишаящая людей возможности и права на самостоятельный выбор и принуждающая всех соответствовать определенным стандартам жизни, экспертизу-гуманитарную еще надо обозначить и отстоять свое место в неравной борьбе с продажной идеологией и идеологизированным рынком. Гуманитарная экспертиза находится в прокрустовом ложе между буржуазной алчностью

и «интеллигентской» боязнью цензуры, традиционной «душительницей» всего нового» [18, с. 74].

Есть и другие трудности на пути внедрения в практику действенной экспертизы технопроектов. Например, что-либо запрещенное в одной стране может разрабатываться и применяться в другой. Вопрос о том, кто кого изменит – технологии человека или человек технологии, – находится пока на «весах истории». Учитывая тенденции нарастания технологических угроз, сегодня необходимо решать проблемы социогуманитарного обеспечения эволюционного развития человечества. Иначе могут возникнуть деструктивные изменения необратимого характера. Причем решать проблемы следует в контексте перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной. Нейтрализовать нарастающие угрозы неконтролируемого инновационного развития сменяющих друг друга технологических укладов можно только за счет перехода к социогуманитарному технологическому укладу.

Избежать реализации самых негативных прогнозов в движении социума можно будет лишь в том случае, когда субъектом глобального производства и присвоения прибыли будет выступать все человечество, точнее, учреждения и организации, преследующие его интересы, а не отдельные корпорации, группы, частные лица, ориентированные на достижение корыстных целей. Неудивительно, что сегодня все больше исследователей и экспертов стали усматривать выход из сложившейся ситуации в использовании в обновленном виде идей социалистической направленности. Мы убеждены в том, что новая, альтернативная современному жизнеустройству модель развития социума, которая утвердится в будущем, при любой своей конфигурации неизбежно будет содержать элементы социалистической идеи и опыта ее практической реализации в Советском Союзе. Новый социализм, фундаментальные ценности которого будут ориентированы на равенство, станет ответом на нарастающее неравенство в современном мире. Новый социализм будет сильно отличаться от классического, тем не менее его существенные элементы и в новых условиях жизни будут иметь место.

Таким образом, на современном витке истории мы вновь становимся свидетелями жестокого противостояния и борьбы двух труднопримиримых проектов – неолиберального и социалистического. От исхода этой борьбы во многом будет зависеть дальнейшая судьба человечества.

Библиографические ссылки

1. Брагинский ИС, редактор. *Поэзия и проза Древнего Востока*. Москва: Художественная литература; 1973. Книга Екклесиаст; с. 638–652 (Библиотека всемирной литературы. Серия 1, Литература Древнего Востока, Античного мира, Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII веков).
2. Павленко ЮВ. Происхождение цивилизации: альтернативные пути. В: Крадин НН, Коротаев АВ, Бондаренко ДМ, Лынша ВА, редакторы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос; 2000. с. 115–128.

3. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Гуревич ПС, редактор; Руднева Е, Бурмистрова Л, Бурмистров К, Москвина-Тарханова И, Микиша А, Мирер А и др., переводчики. Москва: АСТ; 2001. 560 с. (Philosophy).
4. Кутырев ВА. Время Mortido. *Вопросы философии*. 2011;7:18–29. EDN: NXCNDP.
5. Щербина ЯЮ. Человек проектирующий в современном мире. *Философия хозяйства*. 2016;3:11–23. EDN: XETWNN.
6. Бён-Чхоль Хан. *Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива*. Москва: АСТ; 2024. 160 с.
7. Казначеев ВП. *Проблемы человековедения*. Субетто АИ, редактор. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; 1997. 352 с.
8. Красилов ВА. *Нерешенные проблемы теории эволюции*. Куракин ОГ, редактор. Владивосток: Дальневосточный научный центр Академии наук СССР; 1986. 138 с.
9. Чакрабартти Д. *Об антропоцене*. Кралечкин Д, переводчик. Москва: Арт Гид; 2019. 160 с.
10. Рыбин ВА. Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медицинско-философский аспект. *Человек*. 2023;34(4):11–26. DOI: 10.31857/S023620070027350-2.
11. Андреев ИЛ, Березанцев АЮ. Взаимодействие психического и соматического здоровья человека. *Человек*. 2010;2:135–142. EDN: MUCCNZ.
12. Козлова МС. *Эволюция: универсальный подход*. Москва: Либроком; 2018. 120 с.
13. Пантин ВИ, Лапкин ВВ. *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+; 2006. 448 с.
14. Балацкий ЕВ. Наступит ли апокалипсис? *Вестник Российской академии наук*. 1998;68(9):822–827. EDN: UUTAUA.
15. Зомбарт В. *Современный капитализм. Том 1, Введение. Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. Полутом 1*. Вольский С, переводчик. Москва: Государственное издательство; 1931. XLVII, 498 с. (Экономическая библиотека).
16. Семерник СЗ. Человек в эконоцентричном обществе: проблемы и перспективы развития. В: Кирвель ЧС, Король АД, Карпинский ВВ, Кирвель ОЧ, Михалкович НВ, Романов ОА и др. *Человек перед лицом будущего: риски и перспективы*. Кирвель ЧС, редактор. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2020. с. 197–205.
17. Гофман АБ. Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире. *Социологические исследования*. 2017;10:141–150. DOI: 10.7868/S0132162517100166.
18. Климова СМ. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы. *Философские науки*. 2017;4:68–80. EDN: ZBQGSX.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2025.
Received by editorial board 26.03.2025.

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ОДНОПОЛЯРНОСТИ И МНОГОПОЛЯРНОСТИ

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Аннотация. Подвергнута критике устойчивость стратегии американского гегемонизма. Проанализированы мотивы и причины, являющиеся для США и панатлантического сообщества поводом реализовать стратегию сдерживания экономического развития Китая, препятствовать активному участию России в строительстве многополярного мира, объединяющего в своем составе мировое большинство, которое ставит своей задачей преобразование мировой ситуации на началах взаимозависимости, сотрудничества, соблюдения суверенитета государств – членов указанного объединения.

Ключевые слова: американский гегемонизм; национальный суверенитет; права человека.

THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN THE CONTEXT OF THE CONFRONTATION BETWEEN UNIPOLARITY AND MULTIPOLARITY

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the critical analysis of the intentions of the American hegemonism globally and internationally. Case is taken of the processes of the containment of the social and economic development of China by the USA and the Pan Atlantic community of the strategy of inflicting long-term harm on Russia in particular its efforts to create a multi-polar world.

Keywords: American hegemony; national sovereignty; human rights.

Распад СССР и мировые катаклизмы, вызванные этим событием, широко освещены в мировой социологической, философской и исторической литературе. Период с последней четверти XX и до первой четверти XXI в. отмечен выдвижением на первый план процессов, возникающих вследствие мирового соперничества между США и Китаем. Развитие и модернизацию Китая, «глубинное государство» – США –

пытается затормозить, причем в первую очередь стремится «отторгнуть» (от англ. *decoupling*) Китай от России, прервать тесные двусторонние отношения стратегического партнерства, которые сложились между странами сегодня.

Формируя политику, ориентированную на создание однополярного мира, США усиленно используют миролюбивую риторику, говоря о том, что только

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Проблема войны и мира в контексте противостояния однополярности и многополярности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;2:21–28.
EDN: ULASUV

For citation:

Antonovich II. The problem of war and peace in the context of the confrontation between unipolarity and multipolarity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2: 21–28. Russian.
EDN: ULASUV

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, академик Российской академии социальных наук, профессор; независимый исследователь.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), academician of the Russian Academy of Social Sciences, full professor; independent researcher.
iantonovich@mail.ru

их лидерство может обеспечить устойчивое сотрудничество и международный мир. Однако на всех этапах борьбы за однополярный мир США активно используют военный фактор: как путем «корректирования» суверенитета государств, так и путем наращивания инфраструктуры сетевого американского присутствия во всем мире, особенно в регионах, которые с точки зрения американских стратегов являются взрывоопасными.

В ходе реализации стратегии однополярности в конце XX – начале XXI в. США направляют особенно много усилий на дестабилизацию многонациональных государств, исходя из простой геополитической истины: чем больше государств возникнет на таких территориях, тем легче ими будет управлять.

Стратегия однополярности была запущена в мировой геополитический оборот президентом Дж. Бушем – старшим и легла в основу внешнеполитических ориентаций и сценариев США. Отметим, что объявления о реализации стратегии однополярности прозвучало в условиях, когда уже было известно, что СССР в качестве субъекта международных отношений больше не существует, о чем в декабре 1991 г. в Беловежской пуще три республики СССР – Россия, Украина и Белоруссия – подписали соглашение.

Дж. Буш – старший сообщил о том, что сейчас будет создаваться новый миропорядок под предводительством США. С этого времени американское руководство пытается реализовать однополярный мир: диктует ему правила, которые совсем не совпадают с существующей системой международных отношений, но выражают устремленность США подчинить своему влиянию и контролю все процессы международных отношений, ориентируясь на то, насколько они отвечают геостратегическим целям и интересам США.

Строительство многополярного мира в контексте указанной формулы началось с демонстрации силы – с агрессии США и их союзников по НАТО против Югославии, европейской страны, которая никому не угрожала, но которой хотели «преподнести урок за непослушание», за нежелание выделить из своего состава провинцию Косово, оказавшуюся в руках наркодилеров. Эта агрессия произвела негативное впечатление на международное сообщество и стала красноречивым сигналом для основных операциональных сценариев, посредством которых США намеревались реализовать новую систему международных отношений, получившую название «единоцентризм». Желание продемонстрировать силовое воздействие на мир не ограничилось агрессией в Югославии. США предприняли военные акции в Ираке, Сирии, Афганистане. Все они окончились провалом, а намерение США формировать миропорядок с помощью силовых приемов стало очевидным.

Вскоре, после объявления новой внешнеполитической стратегии, США неожиданно сами стали жертвой террористической атаки, совершенной на башни торгового центра в Нью-Йорке и Пентагон. Нападение показало уязвимость стратегии силового воздействия на мир: в ответ она порождает подобные стратегии. Паника, охватившая руководство США в первые недели после трагедии, сменилась требованием «отомстить», хотя, кому именно мстить, было неясно. Группа террористов, совершивших нападение на торговый центр, состояла из граждан Саудовской Аравии – в то время верной союзницы США.

В качестве объекта «отмщения» Дж. Буш – младший определил «ось зла» в мире – Иран, Ирак, Северную Корею, которые якобы были способны оказывать постоянное сопротивление международной стратегии и национальным интересам США и поэтому одновременно являлись угрозой национальной безопасности этой страны.

Факт того, что для реализации своих целей в изменившемся мире США использовали силовые сценарии, был воспринят в американском обществе неоднозначно. Первую «акцию возмездия» было решено направить на Ирак, руководство которого политическая элита США обвинила в многочисленных «грехах», главный из которых – разработка ядерного, химического и бактериологического оружия, что в действительности не подтвердилось. Накануне вторжения в Ирак издатель еженедельника в «Конгресс-холм» А. Эсле беседовал с авторитетным американским политологом Дж. Кеннаном, которому в то время было 98 лет. Дж. Кеннан предупредил: «История американской дипломатии показывает, что война всегда порождает свою собственную динамику, которая уводит инициаторов войны от тех первоначальных целей, которые они могли запланировать... <...> ...В случае вторжения в Ирак, – продолжил политолог, – мы будем знать, когда начинать действие, но мы никогда не будем знать, когда оно окончится»¹ (здесь и далее перевод наш. – И. А.). Слова Дж. Кеннана подтвердились в полном объеме. Дж. Керл, комментируя данные высказывания, сделал следующий вывод: «Наша нация настолько стала зависимой от идеи неизбежности войны, что считает ее источником идентичности и благополучия. Это настроение осталось жить даже тогда, когда наиболее очевидный Ирак исчез. Будущее встретилось со своим прошлым» [1, р. 94].

Хотя многие известные американские дипломаты (Д. Симпсон, П. Нитце, Дж. Керри) предупреждали об опасности постоянного усиления военного настроения, американские президенты во второй половине XX – начале XXI в. не стеснялись использовать военные возможности в полном объеме. Так действовал Р. Никсон, затянувший разрушительную войну

¹Eisele A. George Kennan speaks out against Iraq // The Hill. 2002. 26 Sept. P. 63.

во Вьетнаме, полагая, что американских вооруженных сил хватит для достижения победы. Подобное поведение было характерно и для президента Р. Рейгана, который объявил Россию «империей зла» и пугал созданием космических средств для ее уничтожения. Указанной политике следовали и в XXI в., она отравляла международную атмосферу в период нахождения у власти президента Дж. Буша – младшего. Кроме того, Б. Обама и Дж. Байден также продолжали использовать военные возможности страны.

Исследовательская служба Палаты представителей Конгресса США в начале XXI в. опубликовала доклад об американской военной стратегии, в котором утверждалось, что за период от антиколониальной революции, во главе которой стоял Дж. Вашингтон, и до прихода к власти Дж. Буша – младшего США создали более 250 ситуаций, чреватых военной опасностью (в среднем по одной-две в год) [1, р. 588].

Попытка президентов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона сократить военные расходы окончилась провалом. Президент Б. Клинтон, желая восстановить добрые отношения с военными структурами, совершил агрессию против Югославии, после чего заявил, что рост военных расходов не может быть предельным, за исключением ситуаций резкого обострения международной обстановки. Параллельно его стратеги определяли международную ситуацию как постоянно усиливающееся напряжение, которое требовало растущей мобилизации вооруженных сил США и готовности к действию. В связи со сказанным задача обеспечения роста вооружения и, соответственно, роста ассигнований была характерным признаком внутренней политики президентов США во второй половине XX в. – первой четверти XXI в. Эта политика укрепления военных arsenалов США, формула о «дивиденде мира», объявленная Б. Клинтоном во время президентской кампании, оказалась предвыборным трюком.

Придя в Белый дом в 2000 г., после длительных споров о том, кто выиграл выборы, президент Дж. Буш – младший заявил: «США, милостью Божией, выиграли холодную войну» [1, р. 588]. Это стало формулой, в соответствии с которой военные американские стратеги оптимистически оценивали перспективу использования своих вооруженных сил во всех случаях обострения международной ситуации. Дж. Буша – младшего окружили воинственно настроенные члены его команды – Д. Чейни, Д. Рамсфельд, К. Пауэлл, которые убеждали президента, что «активная оборона» является лучшим средством демократизации США в мире. Американской публике разъяснялось, что окончание холодной войны принесет ей выгоду, измеряемую миллиардами долларов. Президент Б. Клинтон во время второго срока пребывания в Белом доме попробовал пойти другим путем. Он сказал, что миллиарды можно получить иначе, и объявил «дивиденд мира», который под-

разумевал сокращение военных расходов на 10 %. Граждане США очень быстро ощутили отдачу от такой позиции, однако Пентагон, безусловно, был недоволен. В итоге Б. Клинтону устроили несколько удачных провокаций, и, чтобы не злить военных, ему пришлось показать, что президент мыслит с ними в одном ключе: было предпринято несколько бомбардировок Ливии. Президент Дж. Буш – младший, сменивший Б. Клинтона в Белом доме, не считал нужным объяснять что-либо. Он объявил, что укрепление военно-стратегического арсенала США является константой американской внешней политики, предусматривающей «наказание» стран, не готовых жить по правилам США.

Таким образом, при всех акцентах на стремлении к миру, которые делала внешнеполитическая пропаганда США, американское общественное мнение легко приучали к обоснованию неизбежности использования вооруженных сил против всех, кто сопротивляется торжеству либерально-демократической модели США, а тот, кто осмеливается возражать против данной модели, не подходит для дружбы и союзничества [1, р. 424].

Так, формула «мир через силу» (*peace through power*) стала своеобразным прикрытием неудач во внутренней политике США в связи с военными авантюрами международных масштабов. Наиболее очевидным доказательством этому явилась развязанная НАТО под диктовку США война в Украине с целью нанести «непоправимый ущерб» России, как заявил Дж. Байден. Геополитическое обоснование военных действий панатлантистов в Украине не имеет аналогов в истории. Правда, в мировом общественном мнении возникла надежда, что вновь избранный президент Д. Трамп намерен изменить однозначную военную ориентацию своего предшественника и решить конфликт в Украине мирным путем. Указанное намерение хотя и подтверждается рядом публичных заявлений Трампа и его окружения, пока не подкреплено конкретными политическими шагами. Заметим, что Д. Трамп – первый американский президент (из его предшественников второй половины XX – первой четверти XXI в.), который заявил, что хочет мира во всем мире. Получится ли реализовать озвученный замысел и сделать Америку великой, предстоит еще увидеть.

Кроме угрозы военного вторжения, трудно найти другие свидетельства позитивного воздействия США, которое подтверждало бы претензии американских руководителей именно на мировое лидерство. Мир обратил внимание на официально объявленное 47-м президентом США намерение добиться успехов не военным путем. Остается дожидаться результатов.

На протяжении XXI в. американские стратеги активно сканировали мировую ситуацию с целью выяснить, кто из ведущих стран мира является противником, а кто может быть союзником. Первым

соперником был объявлен Китай, вторым, основываясь на американской внешнеполитической пропаганде и заявлениях руководства страны, выделена Россия. Мощная антикитайская пропаганда охватывает широкие круги американского населения. Влиятельный американский журнал «Foreign Affairs» («Международные дела»), освещающий внешнюю политику, писал по этому поводу: «Окончательная цель Китая состоит в том, чтобы ликвидировать американское господство (в мире. – И. А.) и заменить его новым порядком, в котором Пекин получит равную (с США. – И. А.) возможность устанавливать правила» [2, p. 110].

Напрасно искать в официальных политических заявлениях Китая намеки на то, что он действительно готовится отнять у США исполняемую роль и давать указания по реализации программы развития другим государствам мира. Однако США беспокоят не столько экономические успехи Китая, сколько тот факт, что показатели были достигнуты без политической трансформации страны (как рекомендовали американские формулы). Считается, что невозможность воздействовать на внутривнутриполитические процессы, происходящие в Китае, уже реальная угроза национальной безопасности США.

Спустя десятилетия после распада СССР журнал «Foreign Affairs» откровенно заявил: «Мы должны согласиться, что наше соперничество с Китаем должно быть гораздо более энергичным и готовить страну к нему необходимо более напряженно. Это не означает прямого выхода на линию конфронтации. Это означает, что надежды на мирную эволюцию Китая должны быть реализованы, заставляя Китай играть конструктивную роль в международной системе» [3, p. 19]. Однако указанной конструктивной роли в американских стратегических оценках не просматривается. Более того, косвенно признается, что определенная неготовность предпринять энергичные шаги в отношении Китая свидетельствует о неспособности США провести ряд реформ и мероприятий внутри страны с тем, чтобы укрепить их готовность к подобного рода соперничеству. В итоге неизменно и настойчиво информационные структуры США озвучивают идею, что главной угрозой современности является «синизация мира», что пан-американизация, которая была характерным процессом конца XX в. после распада СССР, не имеет шансов серьезным образом противостоять росту влияния Китая [3, p. 19].

Кроме господствующих политических установок, отражающих стремление к гегемонизму, есть в США мыслители и стратеги, которые предлагают посмотреть на мир с рациональных позиций необходимости сотрудничества. Одним из немногих трезвомыслящих деятелей США, который пытался изменить отношение правящих кругов американского общества к Китаю как источнику конкуренции и угроз,

был недавно ушедший из жизни Г. Киссинджер. К сожалению, с его смертью людей, понимающих необходимость геополитического конструктивного взаимодействия между Китаем и США, а также другими ведущими государствами мира, не наблюдается. Нормы поведения, которые современные политические деятели США предписывают Китаю, состоят в подчинении глобальных интересов основных мировых сил, включая и китайскую, задачам американского гегемонизма.

Сотрудничество на основе предпочтения американских политических и экономических интересов законодатели США объясняют тем, что международная система, созданная по итогам Второй мировой войны и контролирующая большинство в Совете Безопасности ООН пятью ведущими государствами мира (обладают правом вето), не может быть изменена. Следовательно, сегодня ситуация, во многом далеко выходящая за пределы американских интересов, должна решаться на основе силового воздействия на «непокорных». Отсюда и появление формулы «провалившееся государство» (*failed state*), в соответствии с которой американские политики «припечатывают» государства, уклоняющиеся от их диктата.

В XXI в. американо-российские отношения развиваются в сложных условиях «частого бряцания оружием» стратегов США. Хотя в течение последних 200 лет, в период, когда США медленно выходили на арену мировой политики, Россия никогда не воевала с ними, напротив, достаточно тесно сотрудничала в ходе Второй мировой войны. Общественное мнение России с достаточной симпатией и сочувствием воспринимало борьбу поселенцев Америки за суверенитет в конце XVIII – начале XIX в. Истории известны дружеские отношения между президентом США А. Линкольном и Александром Вторым (существует их переписка).

Интересно, что гражданская война в США, положившая конец рабству, по крайней мере на словах, исторически совпала с отменой крепостного права в России. Характерно, что и то и другое происходило в условиях острой политической борьбы. И в одном, и в другом государстве нашлись радикально настроенные группировки и граждане, которые «отблагодарили» лидеров своих стран актами насилия. Обратим внимание на историческую аналогию в политике двух государств после важнейших реформ (отмена рабства в США и крепостного права в России). Несмотря на то что США явились авторами первых демократических документов – Декларации независимости и Конституции, установивших поначалу достаточно хрупкий демократический режим, на территории США параллельно, внутри страны, начали активно действовать (и действуют сегодня) радикальные террористические группировки с целью разрушить этот конституционный режим, они постоянно атакуют государственную структуру

и личности. В Российской империи во второй половине XX в. также начались мощные движения, многократно усилившиеся на рубеже XIX и XX вв. Их задача была уничтожить царизм и имперские политические структуры. Правда, здесь все ограничилось только убийством отдельных политических деятелей, что сильно не повлияло на общественный строй, который складывался в России в канун революционных событий 1904 и 1917 гг.

После революционного переворота, ознаменовавшегося уничтожением царизма в России, сложились две модели мирового устройства, которые, олицетворяя либерально-демократическое и социалистическое начала, на протяжении XX в. непрерывно вели борьбу. Союзы и объединения, обеспечивающие устойчивое противостояние ведущих мировых сил, которые дважды были нарушены – во время Первой и Второй мировых войн, – прямо или косвенно выходят из этого противостояния. Оно продолжилось масштабно в период холодной войны 1945–1991 гг., когда судьба мира зависела от двух держав – США и СССР. Данному противостоянию серьезно помешала перестройка, которая хотя и обозначала в качестве цели «больше демократии – больше социализма», на самом деле ставила главной задачей (правда, не совсем определившейся) имитацию социал-демократического строя и попытку если не догнать и сравняться с Западом, то серьезно продвинуться по пути общества благосостояния и потребления, которое стало очевидным и устойчивым для ведущих буржуазно-демократических режимов в мире. В итоге западная политическая модель социал-демократического содержания была отвергнута Россией, и это, по нашему мнению, является главным итогом перестройки.

Сначала безразличное, а потом заинтересованное отношение Запада к программам перестройки на протяжении всего ее хода мотивировалось только одним – искать пути и способы ослабления Советского Союза. По окончании перестройки стратегия ослабления России, подчинения своему диктату и геополитическим целям суверенных государств, выросших из союзных республик Советского Союза, особенно на его западных территориях, стали определяющей геополитической целью панатлантистов. В многочисленных мемуарах, политических высказываниях и сценариях геополитических действий ясно определяется главная задача – продолжить ослабление России, с тем чтобы в конечном итоге на месте великого и мощного Советского Союза оказалась группа небольших и, по возможности, враждующих между собой государств [4; 5].

В панатлантическом сообществе после распада СССР началось интенсивное изучение социально-экономического и политического состояния России. Внимание было сосредоточено на ее способности к самостоятельной внешней политике, преодолению

трудностей после распада, к умению выстраивать новую систему международных отношений с другими государствами. Своеобразным итогом этого изучения, типичным для западной точки зрения, является большой доклад английского исследовательского института «Чатем-хаус» (*Chatham House*), названный «Русский вызов». Суть доклада заключается в том, что Россия по-прежнему остается «исторически другой» и главная задача Запада – сдерживание российского развития на всех направлениях: социально-экономическом, историческом, военно-политическом и даже культурном [6, р. 24–42].

Авторы доклада говорят, что, поскольку Россия отразила грузинскую агрессию в Абхазии в 2008 г., мобилизовала необходимые военные силы в условиях неготовности ее армии к напряженным действиям, а позже «легко интегрировала» Крым в состав России, это явилось свидетельством того, что в дальнейшем ее политика будет агрессивной, экспансионистской, следовательно, и противостояние ей становится важнейшей задачей англосаксонского сообщества наций. Идея сдерживания была новой, она во многом определяла внешнеполитическую стратегию западного мира на протяжении холодной войны.

Обращает на себя внимание то, что авторы доклада «Русский вызов» формулируют совершенно новую геополитическую задачу сдерживания англосаксонского общества уже в отношении России. Ранее данная формула, применяемая к СССР, а со второй декады XXI в. и к Китаю, предполагает дальнейшее усиление интеграционных и военно-экономических связей между англосаксонскими странами, а также активную направленность новой интеграции против интересов России. Для Англии данная ситуация означает долговременное союзничество с США. Оптимальным выражением новой стратегии явилась военно-политическая авантюра панатлантистов в Украине.

Задача «отторгнуть» Украину от России была определена для панатлантистов в полном объеме уже в момент распада СССР. На ее достижение были ориентированы многие стратегические планы данного сообщества. Особый акцент был сделан на включении в сферу западного влияния европейских союзных республик СССР и противопоставлении их России. Действуя в этом направлении, авторы упомянутого доклада выдвинули тезис об «абсолютной опасности» новой России по всем проблемным вопросам внутренней и внешней политики. Россия объявлялась опасной и в связи с тем, как ее руководство преодолевает трудности после распада, и в связи со стремлением к суверенитету, который страна намерена укреплять и защищать любым путем, и в связи с программами развития России, которые гарантируют самодостаточность и свободу действий. Облекая указанное в формулу «российский вызов»,

авторы определили основную угрозу западному обществу так: «Это вызов Западу в форме тех угроз, которые поднимающаяся Россия представляет для международного порядка, где, по мнению гегемонистов, должны были действовать только правила, написанные ими самими» [6, р. 53].

Характерно что, все исследования относительно того, как Россия неуклонно придерживается задачи укрепления суверенитета и самостоятельности во внешней политике, полны алармизма. Причем разделяют это настроение не только авторы упомянутого доклада, но и многочисленные ведущие аналитики, политические обозреватели США. Известный американский исследователь Р. Хаас видит огромную опасность для стабильности мирового порядка, в котором США рассчитывают сохранить положение гегемона, уже в самом факте объявления республиками после распада СССР о своем суверенитете. Р. Хаас больше всего обеспокоен тем, что Россия объединит вокруг себя эти молодые государства, создав новую версию СССР и восстановив традиции внешней политики и его решающее влияние на международную жизнь. Сам факт роста экономического могущества и независимости России и Китая ученый называет геополитическим риском: «Эти геополитические риски соприкасаются со сложными вызовами, которые наличествуют в современной эпохе, такие как: изменения климата, пандемия, распространение ядерного оружия» [7, р. 26]. Исходя из этого Р. Хаас настойчиво подчеркивает необходимость проведения в стране нужных внутренних реформ и сохранения роли ведущего государства мира. США не могут выжить как страна «подобная многим другим». Лидерство США, по убеждению исследователя, определило мир, каким он был последние 75 лет, что является важным и сегодня [7, р. 26]. Р. Хаас немного смягчает позицию авторов доклада института «Чатем-хаус», которые считают необходимым как сдерживание, так и серьезную трансформацию политических систем России и Китая. Ученый достаточно реалистичен, чтобы понимать трудности (даже невозможность) преобразования общественных систем в этих двух странах. В то же время он говорит о необходимости оказать влияние на их внешнеполитические инициативы таким образом, чтобы последние не противоречили геостратегическим интересам США. При этом данные интересы будут формулироваться, вырабатываться и предлагаться миру только США [7, р. 36].

Одной из ведущих стратегических инициатив США в рассматриваемом направлении, к реализации которых администрация президента Дж. Байдена подключила все страны – члены НАТО и Европейского союза (ЕС), явилась военная кампания в Украине. Ее цель – нанести ущерб России. К пропаганде и оправданию указанной кампании вынужденно, с сопротивлением, но все-таки присоединились все

ведущие руководители ЕС. Так, канцлер Германии О. Шольц назвал данное событие, т. е. помощь Запада Украине в ведении военных действий, свидетельством исторических перемен (*wichtige Zeitenwende*), высокопарно заявив, что Германия становится в этих условиях «гарантом европейской безопасности, четко выполняя соответствующие надежды своих союзников» (безусловно, имеются в виду США. – И. А.), посредничая между ЕС и всеми теми, кто предлагает многосторонние решения глобальных проблем. Данный путь, по его убеждению, единственный для Германии, чтобы успешно ориентироваться в геополитическом разломе современной эпохи. Во всех СМИ западной печати стали появляться многочисленные публикации со «страшилками» о неизбежности поражения России в этом военном конфликте [8; 9].

Характерно, что военную кампанию в Украине многие на Западе расценивают как выгодный бизнес, в первую очередь для США. Так, Р. Каган, известный политический обозреватель, отмечает, что судьба Украины предельно важна для американских интересов, так как намерение истратить миллиарды долларов на эту кампанию помогает всему американскому бизнесу. Настойчивость, с которой США поддерживают действия украинских военных, повышает авторитет США как надежного союзника. Нанесение стратегического поражения России является по существу долгосрочной целью западной стратегии (после распада СССР) [10, р. 39–45]. Хватка опытного бизнесмена проявляется и в требовании президента Д. Трампа к Украине компенсировать средства, вложенные в ведение военной операции на ее территории. Мощные оборонные предприятия в США поглотили большую часть выделяемых на войну в Украине средств, колоссально на этом заработав. Сам факт получения прибыли оказался столь привлекательным, что сегодня Д. Трамп требует от Украины еще одну компенсацию. Американские монополии продолжают обогащаться на украинских несчастьях, даже в условиях, когда президент США, возможно, вполне искренне заявляет о стремлении к миру. В любом случае в ходе войны и борьбы за мир «бизнес есть бизнес» – ничего личного. Такова логика англосаксонского предпринимательства в течение столетий.

Многие документы, опубликованные после распада СССР, неопровержимо свидетельствуют о том, что после выделения России в суверенное государство в стратегических ведомствах панатлантистов никогда не обсуждался вопрос учета ее интересов относительно национальной безопасности и неподвижности НАТО к ее границам. Задача формировалась уже: продолжать убеждать российское руководство в том, что данный факт не представляет угрозы для России. Понятно, что так долго продолжаться не могло. Российская реакция на сложившуюся ситуацию была жесткой и объективно необходимой. Высшим ее

выражением явилась операция по денацификации Украины, что было полной неожиданностью для правящих кругов Запада и говорит о серьезной недооценке ее лидерами и экономического, и военно-политического состояния России. Безразличие панатлантистов к озабоченности российского руководства вопросами защиты национальных интересов присутствует на протяжении XX и XXI вв. Их желание ослабить Россию в качестве стратегической задачи – неперенная составляющая всех планов Запада во второй половине XX – первой четверти XXI в.

Если Китай, ставший экономическим гигантом, вызывает серьезную угрозу как конкурент США и других западных государств на мировом рынке, то возможность России обрести прежнее влияние на мировой арене, самостоятельность на мировых рынках и в коренных вопросах международных отношений видится Западу как константная угроза хотя бы потому, что в основе американской стратегии лежит один тезис: не допустить на мировой арене появления государства или группы государств, способных стать конкурентами США. Слишком свежи воспоминания о роли сдерживания советской державой в 1941–1991 гг., в период наивысшего могущества СССР, американского гегемонизма, что было мощным фактором международного мира и стабильности.

Распад СССР был неверно понят стратегами гегемонизма: они не предполагали, что на евразийских просторах может возникнуть государство, способное вести самостоятельную политику и этим бросать вызов американскому господству. Нет сомнения, что если лидеры США модернизацию и стремление государств к самостоятельной и суверенной политике представляют возможными только как подчинение политических структур и стратегий этих стран американской демократии и основным разрабатываемым США задачам внешнеполитического и экономического характера, то есть все основания полагать, что борьба за гегемонизм не прекратится, а приобретет новые формы. Президент Д. Трамп не отменил стратегии американского гегемонизма. Он просто ставит новые задачи управления миром необходимой материальной поддержки, заставляя партнеров увеличивать расходы не только на военные цели, но и на участие в инициативах США.

Сегодня в американском обществоведении, академической среде, политических элитах срочно формируются новые, энергичные стратегии сохранения гегемонизма. В последнее время все чаще цитируется мнение английского историка Р. Пейна относительно Берлинского кризиса 1953 г., когда вооруженные силы СССР и США были близки к соприкосновению в развернувшемся споре по доступу к Западному Берлину: «Она (Америка. – И. А.) накрывает мир, как колосс. Ни одна другая сила в истории

мира не обладала столь различным и столь великим влиянием на другие нации. Уже сегодня ясно, что решения американского правительства определяют жизнь и жизнеобеспечение самых отдаленных народов» [11, p. 304].

Ничто в поведении новой администрации Белого дома не указывает на изменение данной установки. Распространение «страшилок» о хаосе дезинтеграции мировых систем в случае, если гегемонизм США будет ослаблен, запугивание мировой войной и крупными катаклизмами, если страны не будут противостоять американским геостратегическим ориентирам, остаются устойчивым содержанием внешнеполитической пропаганды США и других стран панатлантизма после смены руководства в Белом доме.

В лучшем случае панатлантистские элиты в европейских странах признают, что если США сейчас и не готовы управлять новым миропорядком и даже не видят нового облика мира, то другой страны, кроме США, для этого нет, поэтому всем нужно смириться с их недостатками в надежде, что США когда-нибудь мобилизуются и совершат определяющее влияние на мир, поскольку больше этого сделать некому, и в условиях вакуума как альтернативы миру грозит или полное американское доминирование, или полный хаос [12, p. 155–250].

Можно признать, что американская общественная мысль, программы и сценарии политических действий лидеров влияют на политическую тактику и стратегию США, на ведущих политических деятелей, социально-экономические, политические правящие круги таким образом, что принуждают США подчинить миропорядок своим интересам. Это напоминает многие события и процессы человеческой истории, когда ведущие мировые державы, например Римская империя, понимали, что их охватывает кризис и грозит уход с мировой арены, предпринимали отчаянные попытки сохранить величие, что рано или поздно приводило к краху и крупным мировым катаклизмам.

Для объективных исследователей очевидно, что узкое представление о миропорядке в геостратегических концепциях США особо опасно для мирового равновесия и развития еще и потому, что речь идет о ядерной державе, четко проявившей свои стратегии, намерение навязывать миру силовые решения, не стеснясь прибегать к военному воздействию.

Неуспехи военного воздействия только разжигают американские желания и создают новые опасности – воздействие на мир с помощью ядерного оружия. Безусловно, ядерное столкновение означает колоссальное бедствие для мировой истории, так как ставит под угрозу существование человечества, поэтому сегодня борьба мировых сил вступает в особенно опасный период, когда ее обострение означает возможный трагический конец мировой истории.

Библиографические ссылки

1. Carroll J. *House of war: the Pentagon and the disastrous rise of American power*. Boston: Houghton Mifflin Company; 2006. XIV, 673 p.
2. Kasich J. Reclaiming global leadership: the right way to put America first. *Foreign Affairs*. 2018;97(4):102–112.
3. Beckley M. Delusions of détente: why America and China will be enduring rivals. *Foreign Affairs*. 2023;102(5):8–25.
4. Schuman M. The end of optimism in China: young people should learn to «eat bitterness», says Xi Jinping. *The Atlantic* [Internet]. 2023 June 29 [cited 2025 January 26]: [about 5 p.]. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/06/-china-pessimism-economy-censorship/674556/>.
5. Johnson I. Xi's age of stagnation: the great walling-off of China. *Foreign Affairs*. 2023;102(5):102–117.
6. Giles K, Hanson P, Lyne R, Nixey J, Sherr J, Wood A. *The Russian challenge*. London: Chatham House; 2015. XII, 58 p.
7. Haass R. The dangerous decade: a foreign policy for a world in crisis. *Foreign Affairs*. 2022;101(5):25–38.
8. Yudin G. Russia has reached a dead end. *The Atlantic* [Internet]. 2023 June 29 [updated 2023 June 30; cited 2025 January 26]: [about 3 p.]. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/06/prigozhin-coup-uprising-russia-putin/674546/>.
9. Bidder B. Russland wird sinken wie die «Titanic» [Russia will sink like the «Titanic»]. *Der Spiegel* [Internet]. 2022 May 13 [cited 2025 January 26]: [14 p.]. Available from: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/russland-sanktionen-russland-wird-so-langsam-sinken-wie-die-titanic-a-7cf48e0a-3b54-42e7-8df2-5c243330d583>. German.
10. Kagan R. A free world, if you can keep it: Ukraine and American interests. *Foreign Affairs*. 2023;102(1):39–53.
11. Steil B. *The Marshall plan: dawn of the cold war*. New York: Simon and Schuster; 2018. XIV, 608 p.
12. Haass R. *The world: a brief introduction*. New York: Penguin Press; 2020. XXII, 378 p.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2025.
Received by editorial board 26.03.2025.

ОТНОШЕНИЯ БЕЛАРУСИ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В БАЛТИЙСКО-СКАНДИНАВСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ

В. В. ШИМОВ¹⁾

¹⁾Институт Европы РАН, ул. Моховая, 11, корп. 3в, 125009, г. Москва, Россия

Аннотация. Доказывается, что отношения Беларуси и Калининградской области России являются важным геополитическим фактором в Балтийско-Скандинавском макрорегионе и Восточной Европе, особенно в свете противостояния России и Запада, спровоцированного конфликтом на Украине. Отмечается, что особое положение Калининградской области как эксклава, окруженного территорией ЕС, способствует росту напряженности и становится одним из элементов этого противостояния, в контексте которого изучаются отношения рассматриваемого региона с Беларусью. Обращается внимание на то, что после распада СССР Беларусь превратилась в стратегический тыл Калининградской области. Она обеспечивает континентальные коммуникации российского эксклава с основной территорией России, а также играет важную роль в гарантировании безопасности этого региона. Кроме того, показывается, что Беларусь и Калининградская область образуют стратегическую связку, которая формирует уязвимые места на восточном фланге НАТО. Прежде всего речь идет о Сувалском коридоре и связанных с ним угрозах для Прибалтики как важного плацдарма НАТО. Также рассматриваются экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества Беларуси и Калининградской области.

Ключевые слова: Беларусь; Калининградская область; Россия; Балтийско-Скандинавский макрорегион; Балтийское море; геополитика.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (научно-исследовательская работа «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона», № гос. регистрации FMZS-2024-0013).

RELATIONS BETWEEN BELARUS AND THE KALININGRAD REGION AS A GEOPOLITICAL FACTOR IN THE BALTIC-SCANDINAVIAN MACROREGION

V. V. SHIMOV^a

^aInstitute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11 Mokhovaya Street, 3v building, Moscow 125009, Russia

Abstract. The main objective of the article is to demonstrate that relations between Belarus and the Kaliningrad Region of Russia are a significant geopolitical factor in the Baltic-Scandinavian macroregion and Eastern Europe, especially considering the confrontation between Russia and the West provoked by the conflict in Ukraine. It is noted that the special position of the Kaliningrad Region as an enclave surrounded by the territory of the EU contributes to the growth of tension and becomes one of the elements of the mentioned confrontation. The geopolitical problems of the Kaliningrad Region are considered in the broader context of the confrontation between Russia and the West in the Baltic Sea basin. The role of Belarus

Образец цитирования:

Шимов ВВ. Отношения Беларуси и Калининградской области как геополитический фактор в Балтийско-Скандинавском макрорегионе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2025;2:29–34 (на англ.). EDN: ZXDHXF

For citation:

Shimov VV. Relations between Belarus and the Kaliningrad Region as a geopolitical factor in the Baltic-Scandinavian macroregion. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2025;2:29–34. EDN: ZXDHXF

Автор:

Всеволод Владимирович Шимов – кандидат политических наук, доцент; старший научный сотрудник центра белорусских исследований отдела социальных и политических исследований.

Author:

Vsevolod V. Shimov, PhD (political sciences), docent; senior researcher at the center for Belarusian studies, department of social and political studies.

is also considered in this context. It is noted that after the collapse of the USSR, Belarus turned into a strategic rear of the Kaliningrad Region. It provides continental communications of the Russian exclave with the main territory of Russia and also plays an important role in ensuring the security of this Russian region. In addition, it is shown that Belarus and the Kaliningrad Region form a strategic link that creates bottlenecks and vulnerabilities on NATO's eastern flank. First of all, this concerns the Suwalki Gap and the associated threats to the Baltics as an important NATO bridgehead. The article also examines the economic and humanitarian aspects of cooperation between Belarus and the Kaliningrad Region.

Keywords: Belarus; Kaliningrad Region; Russia; Baltic-Scandinavian macroregion; Baltic Sea; geopolitics.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (research work «Systemic analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian macroregion», state registration No. FMZS-2024-0013).

Introduction

The Kaliningrad Region of Russia is a unique territory, being the only exclave in Europe that is detached from the mainland of its parent country. Naturally, such an exclave status inevitably gives rise to certain challenges and geopolitical tensions, which have become especially evident due to the deterioration of relations between Russia, the EU, and NATO over the conflict in Ukraine.

Belarus does not have a direct border with the Kaliningrad Region. However, as a member of the Union

State, it plays an important role as a strategic rear for the Russian exclave. The ties between Belarus and the Kaliningrad Region are a significant geopolitical factor in Eastern Europe and the Baltic-Scandinavian macroregion, largely determining the balance of power in this area.

This article examines the military-political, economic, and humanitarian aspects of Belarus relationship with the Kaliningrad Region.

Belarus as a security guarantee for the Kaliningrad Region

After the collapse of the USSR, Belarus and Lithuania became the countries that separated the Kaliningrad Region from the main territory of Russia. The total distance separating the Kaliningrad Region from its parent state is about 1 thsd km, most of which runs through Belarus.

Thus, the further development of the Kaliningrad Region has largely depended on the relationships Moscow can establish with these new transit states.

While the initial years after the USSR's dissolution were characterised by a certain strategic uncertainty, it became evident over time that a new geopolitical alignment was taking shape in Eastern Europe and the Baltic-Scandinavian region, marked by the close proximity of Euro-Atlantic structures, the EU, and NATO, to Russia's borders.

Poland, Lithuania, and the Baltic states pursued EU and NATO membership, completing their integration into these structures by 2004. Simultaneously, the hopes for creating a greater Europe and forming a pan-European security architecture involving Russia became increasingly illusory. Accordingly, tensions began to grow between Moscow and the eastward-expanding Euro-Atlantic structures. The Kaliningrad Region, surrounded by EU and NATO member states, became one of the

factors contributing to this tension. Under these conditions, the strategic importance of Belarus as the rear area for the Kaliningrad Region significantly increased.

As a member of the Union State, Belarus, as aptly noted by Russian researcher Yu. Zverev, provides the Russian Federation with strategic depth by moving the line of direct contact with the EU and NATO 600–700 km westward [1].

From the perspective of the Kaliningrad Region, this narrows the geopolitical gap with the main territory of the Union State. The so-called Suwalki Gap emerges – a narrow strip separating the exclave from the territory of allied Belarus. This substantially shortens the length of land communications between the Kaliningrad Region and the main territory of Russia, passing through the countries of the Western bloc. In essence, Lithuania becomes the only transit country within NATO and the EU.

The unified regional military grouping of the Union State, the shared air defense system, the deployment of Russian tactical nuclear weapons on Belarusian territory, and the anticipated placement of missile systems «Oreshnik» are all significant factors in ensuring the security of the Kaliningrad Region.

The Suwalki Gap issue and Baltic confrontation

From the Western perspective, Belarus and the Kaliningrad Region form a strategic alliance, significantly complicating the situation on NATO's eastern flank and posing a strategic threat to the Baltic states.

Western experts emphasise the importance of this alliance in the event of a military confrontation between

Russia and NATO. According to Western observers, Russia is transforming the Kaliningrad Region into a military stronghold in the midst of the European Union [2; 3].

Belarus is also often viewed by Western analysts as a Russian military stronghold [4]. Together, Belarus and the Kaliningrad Region form geopolitical pincers

around the so-called Suwalki Gap, which connects Lithuania and the Baltic states with the rest of the EU. In the event of an armed conflict between NATO and Russia, the Suwalki Gap is seen as the most probable strike direction for the joint Belarusian-Russian group [5].

The Suwalki Gap issue has long been a concern in the West, as it is considered to create vulnerabilities for NATO's eastern flank and the alliance's position in the Baltic region.

One must also consider the factor of increasing confrontation between Russia and NATO in the Baltic Sea. Following Sweden and Finland's admission to the alliance, it becomes evident that NATO aims to turn the Baltic into its «internal sea» and to maximise Russia's restrictions in the region.

It is worth noting that after the USSR's collapse, Russia's presence in the Baltic fundamentally decreased. Moreover, the configuration of Russia's coastline itself is far from optimal. Essentially, Russia today lacks full access to «open waters».

The coastline of the Leningrad Region, where Russia's main export ports are now located, can easily be blocked by Finland and Estonia. In this regard, Estonia's attempts to inspect Russian vessels passing through the Gulf of Finland, as well as to review the status of neutral waters, are quite indicative¹.

Incidentally, in the event of a negative development in the Gulf of Finland, Belarusian transit through Russian ports would also be at risk.

Since the start of the special military operation, Lithuania introduced several restrictions on land transit to the Kaliningrad Region². Additionally, the Baltic states closed their airspace to Russian and Belarusian airplanes heading to Kaliningrad. All these measures can be considered preparations for a potential blockade of the Kaliningrad Region.

Accusations against Russia for sabotage of Baltic Sea infrastructure regularly arise, they are evidently aimed at pushing Russia out of the region.

In light of this strategy to push Russia out of the Baltic region, the West remains intent on disrupting the Belarusian-Russian alliance and the strategic linkage between Belarus and the Kaliningrad Region.

Belarus, despite lacking direct access to the Baltic Sea, significantly influences the balance of power in the region. Acting as a strategic rear for the Kaliningrad Region, Belarus complicates plans to stifle it, while the Suwalki Gap creates serious vulnerabilities for the Baltic states as NATO's outpost in the Baltic-Scandinavian macroregion.

The failed attempt of a colour revolution in Belarus sparked discussions among Western experts about the geopolitical consequences for the Kaliningrad Region if there were a change of power in Minsk [6]. Thus, a political coup in Minsk and the rise to power of political forces hostile to Russia are seen in the West as a way to address the Kaliningrad issue.

Indeed, such developments would eliminate the Suwalki Gap issue for the West and significantly strengthen the Baltic states' position as NATO's eastern stronghold. Moreover, a thousand-kilometer Lithuanian-Belarusian corridor would emerge, separating the Kaliningrad Region from the rest of Russia, substantially broadening the West's opportunities for geopolitical leverage against Moscow.

Therefore, Belarus, while lacking direct access to the Baltic Sea, considerably impacts the power dynamics in the Baltic-Scandinavian macroregion. As an ally of Russia, Belarus significantly strengthens Moscow's position in the Baltic Sea amidst the unfavourable geopolitical configuration formed after the USSR's dissolution and the Baltic states' accession to the EU and NATO.

Belarus provides a strategic rear for the Kaliningrad Region, creating vulnerabilities and choke points (the Suwalki Gap) on NATO's eastern flank.

This position of Belarus naturally leads to Western efforts against Minsk, aimed at changing the government and establishing a pro-Western regime modeled after Ukraine and the Baltic states.

Economic cooperation

The relationship between Belarus and the Kaliningrad Region is not limited to military-political aspects or the confrontation with common geopolitical challenges and threats in the Baltic-Scandinavian macroregion and Eastern Europe.

Economic cooperation between Belarus and the Kaliningrad Region is largely determined by the exclave status of the latter and the lack of a shared border, which imposes significant limitations.

Belarus primarily interests the Kaliningrad Region as a transit country through whose territory the region is connected with the main territory of Russia. The main flow of goods, on which the sustenance of the Kaliningrad Region largely depends, inevitably passes through Belarusian territory.

Following the collapse of the USSR, concerns arose that the supply of goods to the Kaliningrad Region might face the challenge of crossing two new customs territories

¹The Ministry of Foreign Affairs assessed the possible closure of the Gulf of Finland to Russian ships // RBK : website. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2024/66fb7fd89a7947886759efe6?form=MG0AV3> (date of access: 25.03.2025) (in Russ.) ; The Ministry of Foreign Affairs commented on Finland and Estonia's planes to close the Gulf of Finland to Russia // News.ru : website. URL: <https://news.ru/vlast/v-mid-vyskazalis-o-planah-finlyandii-i-estonii-zakryt-finskij-zaliv-dlya-rf/?form=MG0AV3> (date of access: 25.03.2025) (in Russ.).

²Lithuania has introduced new restrictions on cargo transit to the Kaliningrad Region // The Moscow Times : website. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2025/03/04/litva-pochti-na-tret-snizila-obem-razreshennogo-tranzita-v-kaliningradskuyu-oblast-a156989> (date of access: 25.03.2025) (in Russ.) ; Lithuania will restrict the disembarkation of Russians from Kaliningrad trains // RBK : website. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2024/65d676159a7947b175584e03> (date of access: 25.03.2025) (in Russ.).

(Belarusian and Lithuanian) which could considerably slow down and increase the cost of deliveries to the Russian exclave. Amid the broader crisis triggered by the painful transition to a market economy, this could have posed a genuine threat of collapse for the Kaliningrad Region.

However, the initiation of integration processes between Belarus and Russia and the signing of the Union State treaty removed this threat from the agenda. Russia and Belarus function as a single customs space, and there are no restrictions on the transit of Kaliningrad goods through Belarusian territory.

In the framework of integration with Russia, Belarus also sought to strengthen its cooperation with the Kaliningrad Region. Despite the lack of a shared border, Belarus is closer to the Kaliningrad Region than any other Russian region, offering promising opportunities for interaction.

Nevertheless, as Belarusian researcher A. V. Tikhomirov notes, during the 2000s and 2010s, trade turnover between Belarus and the Kaliningrad Region consistently lagged behind the trade turnover of the Russian exclave with Lithuania, Poland, and Germany [7, p. 81].

Up until the onset of the Ukraine crisis in 2014, the Kaliningrad Region actively developed cross-border cooperation programmes with neighbouring EU states [8]. Given the absence of a direct border with Russia, establishing stable trade and economic ties with European neighbours in the context of relative military-political tranquility appeared logical and reasonable.

Belarus, lacking a direct border with the Kaliningrad Region and forced to supply its goods via transit through the EU customs territory, found it challenging to compete with the European neighbours of the Russian exclave.

The same difficulty thwarted the idea of transiting Belarusian goods through Kaliningrad ports. It is a notion discussed in the 2000s. Political contradictions between Belarus and the Baltic states, whose ports handled Belarusian exports, were already evident. Redirecting goods

to Kaliningrad seemed viable, ensuring exports through Union State ports. However, it soon became clear that transit via Kaliningrad ports would be significantly more expensive for Belarus than transit through ports in Lithuania and Latvia due to greater distances and the need to cross two state borders [7, p. 83].

When Lithuania and Latvia closed their ports to Belarusian goods in 2021–2022, rerouting goods to Kaliningrad was impossible due to tighter transit conditions through Lithuania and the unpreparedness of port infrastructure for handling Belarusian cargo. Instead, Belarusian transit was redirected to ports in the Leningrad Region.

Similar challenges hinder the development of tourism and recreational cooperation. The Kaliningrad Region is actively developing its tourism potential, but on the Belarusian tourism market it has lost out to the Baltic states or Poland, largely due to the high cost and inconvenience of transport links. To travel to the Kaliningrad Region by train, bus, or car, Belarusian citizens must obtain a European visa that permits transit through Lithuanian territory. As a result, many people preferred traveling directly to the EU rather than to the isolated Russian region.

Today, even though tourist trips to EU countries have become significantly more complicated for Belarusian citizens, the tourism appeal of the Kaliningrad Region remains relatively low due to transit issues through Lithuania.

It is also worth noting that air travel between Belarus and the Kaliningrad Region has worsened because the Baltic states have closed their airspace to Belarusian planes, forcing them to bypass the region via the Gulf of Finland.

Thus, despite its potential, economic ties between Belarus and the Kaliningrad Region are significantly constrained by the absence of a shared border and transit challenges through EU territory. These issues are only exacerbated under the conditions of geopolitical confrontation with the EU and NATO.

Humanitarian cooperation

Effective interstate and interregional collaboration is impossible without robust interpersonal humanitarian ties. In case of Belarus and the Kaliningrad Region, a significant factor is the presence of a substantial Belarusian diaspora.

It is well known that the Kaliningrad Region is a settlement territory, with its modern population formed during the post-war period following the deportation of Germans.

The majority of settlers came from the RSFSR, which included the former lands of East Prussia that became the Kaliningrad Region. However, the BSSR also participated in the resettlement programme, resulting in Belarusians becoming the second-largest ethnic group

in the region. Estimates suggest that at the turn of the 1940–50s, the BSSR contributed 12 % of migration growth to the Kaliningrad Region. Between 1948 and 1953, 54.5 thsd people moved from the BSSR to the Kaliningrad Region. The number of Belarusians in the region peaked in the 1980s (approximately 74 thsd people). According to the 2010 census, the Belarusian population in the Kaliningrad Region was 32.5 thsd people, or 3.6 % of the region's population [9, p. 290].

Belarusian researcher A. V. Tikhomirov notes that a sharp decline in the number of Belarusians occurred between the 2002 and 2010 censuses, attributing this to assimilation processes and the weakening of Belarusian national identity [7, p. 84].

Indeed, given the minimal ethnocultural distance and the conditions of joint living with Russians in the same region, Belarusians tend to integrate into the population and adopt the dominant Russian identity. Similar processes occur with Russians in Belarus, where census data also shows a decrease in those identifying as Russians, likely due to shifts in identity toward Belarusian.

Nonetheless, despite the reduction in the proportion of self-identified Belarusians in the Kaliningrad Region's population, the memory of Belarusian contributions to the development and settlement of the region fosters a positive backdrop conducive to cooperation and the establishment of strong bilateral ties.

As a testament to the special relationship between the Kaliningrad Region and Belarus, a monument to Francysk Skaryna, who served for a time at the court of Prussian king Albert Senior, was established in Kaliningrad with funding from the Belarusian community. The park of Russian-Belarusian friendship in Kaliningrad also serves as an important symbolic reminder

of the unique Belarusian contributions to the region's development.

In 2023, a monument to governor general M. N. Muravyov-Vilensky, whose efforts to suppress the Polish uprising of 1863 were closely connected with Belarusian provinces, was unveiled in Kaliningrad. The monument is a replica of one that previously stood in Vilna. In 1915 it was dismantled³.

In October 2022, during the Belarusian-Russian forum «Borders of the Union State» held in Svetlogorsk, an initiative was proposed to create a new international expert platform called the «Baltic platform». Within this framework, experts from Russia, Belarus, and other countries would have the opportunity to discuss actual issues of the Baltic region⁴.

The creation of the «Baltic platform» could turn the Kaliningrad Region into an important dialogue venue for expert communities from both countries, contributing to the establishment of stronger humanitarian ties between the Kaliningrad Region and Belarus.

Conclusions

Belarus and the Kaliningrad Region form a kind of strategic linkage that is of particular importance under the conditions of geopolitical confrontation with the West. Belarus acts as a strategic rear for the Kaliningrad Region and plays a crucial role in ensuring its communication with the main territory of Russia.

Together, Belarus and the Kaliningrad Region create the issue of the Suwalki Gap on NATO's eastern flank, making the Baltic states vulnerable. This, in turn, complicates the NATO's plans to further push Russia out of the Baltic Sea region.

At the same time, the exclave status of the Kaliningrad Region significantly complicates and hinders the

development of economic and tourism cooperation with Belarus. Under conditions of confrontation with the EU, this cooperation becomes even more challenging.

Thus, the unique position of the Kaliningrad Region on the map of Eastern Europe and the Baltic-Scandinavian macroregion defines the special character of the Russian exclave's relationship with Belarus. However, the absence of a shared border and the separation of the Kaliningrad Region by EU territory significantly limit its cooperation potential with Belarus. Solving this problem appears feasible only through a radical restructuring of the entire system of international relations in the region.

References

1. Zverev YuM. «Strategic preposition»: how Belarus helps to ensure Russia's military security [Internet]. 2018 November 11 [cited 2025 March 25]. Available from: <https://eurasia.expert/strategicheskoe-predpole-kak-belarus-pomogaet-obe-spechivat-voennuyu-bezopasnost-rossii/>. Russian.
2. Sukhankin S. Kaliningrad in the «Mirror world»: from Soviet «bastion» to Russian «fortress». *CIDOB. Series: Notes Internacionales* [Internet]. 2016 [cited 2025 March 25];151. Available from: <https://www.cidob.org/en/publications/kaliningrad-mirror-world-soviet-bastion-russian-fortress>.
3. Sukhankin S. *Bridge to nowhere: Kaliningrad on geopolitical map between Russia and Europe* [dissertation]. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona; 2018. 405 p.
4. Myers NJ. Russia's Western high command and the role of Belarus in Russian strategic planning [Internet]. 2020 August 31 [cited 2025 March 25]. Available from: <https://jamestown.org/program/russias-western-high-command-and-the-role-of-belarus-in-russian-strategic-planning/>.
5. Karnitscnig M. The most dangerous place on Earth. In a showdown between Russia and NATO, the Suwalki Gap would likely be the first point of contact [Internet]. 2022 June 20 [cited 2025 March 25]. Available from: <https://www.politico.eu/article/suwalki-gap-russia-war-nato-lithuania-poland-border/>.
6. Sukhankin S. The Belarus factor in Kaliningrad's security lifeline to Russia [Internet]. 2021 January 29 [cited 2025 March 25]. Available from: <https://jamestown.org/program/the-belarus-factor-in-kaliningrads-security-lifeline-to-russia/>.

³In Kaliningrad, the monument to Mikhail Muravyov-Vilensky was opened // The Government of the Kaliningrad Region : web-site. URL: <https://gov39.ru/press/339567/> (date of access: 25.03.2025) (in Russ.).

⁴What are the objectives of the Baltic platform // Internet portal of the CIS countries. URL: <https://e-cis.info/news/566/113456/> (date of access: 25.03.2025) (in Russ.).

7. Tikhomirov AV. The cooperation of the Republic of Belarus and the Kaliningrad region of the Russian Federation in the years of 1992–2013. In: Dostanko EA, competitor. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i global'nogo razvitiya. Vypusk 1* [Topical problems of international relations and global development. Issue 1]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 78–89. Russian.

8. Zotova M, Sebentsov A, Golovina E. Kaliningrad region in the EU surrounding: cross-border cooperation and socio-economic contrasts. *Transbaikal State University Journal*. 2015;3:145–157. Russian.

9. Зубачев РА. Белорусская диаспора в Калининградской области Российской Федерации. У: Каханоўскі АГ, рэдактар. *Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 22 лістапада 2019 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2019. с. 288–292.

Received by editorial board 26.03.2025.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 101.1:316.3 + 141.82(510)

ФЕНОМЕН НЕОМАРКСИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾, ТАН ЮНБО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается феномен неомарксизма в современном Китае и обосновывается его особый философско-методологический статус как программы практического материализма. Проводится краткая историко-философская реконструкция процесса становления парадигмы неомарксизма в западной философской традиции и выявляется ее существенное отличие от китайской версии неомарксизма. В качестве важнейших этапов этого процесса зафиксированы ассимилятивный неомарксизм (конец XIX – начало XX вв.), западный марксизм (1920–80-е гг.), пост-марксизм (1980–90-е гг. и первые десятилетия XXI в.). В истории становления и развития парадигмы неомарксизма в Китае выделяются три основных этапа. Первый этап совпадает со временем правления Мао Цзэдуна и утверждением его идей китаизации марксизма, второй этап включает в себя период фронтального реформирования Китая и его идеологической программы в контексте социальных инициатив Дэн Сяопина, третий этап предполагает дальнейшее развитие неомарксизма в Китае, включающее углубление и конкретизацию его социально-практической направленности и построение социализма с китайской спецификой. Этот этап ассоциируется с программой активной модернизации неомарксизма в соответствии с новым политическим курсом и деятельностью Коммунистической партии Китая под руководством Си Цзиньпина. Социокультурный статус и роль идеологии неомарксизма в современном Китае рассматриваются на примере анализа двух его фундаментальных идей и их преломления в жизнедеятельности китайского общества: модернизации экономического базиса и технологий государственного управления при доминировании идей

Образец цитирования:

Зеленков АИ, Тан Юнбо. Феномен неомарксизма в современном Китае и его социальные последствия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2025;2:35–47 (на англ.).
EDN: DVXZFD

For citation:

Zelenkov AI, Tang Yongbo. The phenomenon of neo-Marxism in modern China and its social implications. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2025;2:35–47.
EDN: DVXZFD

Авторы:

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Тан Юнбо – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – А. И. Зеленков.

Authors:

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

zelenkov-antl@yandex.by

Tang Yongbo, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

yongbo.tang@mail.ru

экономического равенства и социальной справедливости, а также фронтального использования и распространения идей гуманизма в политике, культуре и образовании.

Ключевые слова: генезис и становление неомарксизма; неомарксизм как практический материализм; неомарксизм в современном Китае.

THE PHENOMENON OF NEO-MARXISM IN MODERN CHINA AND ITS SOCIAL IMPLICATIONS

A. I. ZELENKOV^a, TANG YONGBO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: Tang Yongbo (yongbo.tang@mail.ru)

Abstract. The main purpose of this article is to consider the phenomenon of neo-Marxism in modern China and to substantiate its special philosophical and methodological status as a programme of practical materialism. For this purpose, a brief historical and philosophical reconstruction of formation of neo-Marxism paradigm in the Western philosophical tradition has been carried out and its essential differences from the Chinese version of neo-Marxism have been revealed. As the most important stages of this process assimilative neo-Marxism in the late 19 – early 20th centuries, Western neo-Marxism in the 1920–80s, post-Marxism in the 1980–90s and the first decades of the 21st century are recorded. The history of formation and development of neo-Marxism paradigm in its Chinese version is also considered as consisting of three main stages: stage associated with the activities of Mao Zedong and the assertion of his ideas (sinicisation of Marxism), stage including the period of frontal reforming in China and its ideological programme in the context of Deng Xiaoping's social initiatives, stage supposing the further development of neo-Marxism in China, deepening and concretising its social-practical orientation and the construction of socialism with Chinese specifics. This stage in the development of neo-Marxism in China is associated with the programme of its active modernisation in accordance with the new political course and activities of the Communist Party of China under Xi Jinping leadership. In the article socio-cultural status and role of neo-Marxism ideology in modern China are studied using the analysis of two its fundamental ideas and their refraction in the life of Chinese society. Firstly, this is the sphere of modernisation of the economic basis and the technology of public administration under the aegis of economic equality and social justice. Secondly, this is a programme of frontal using and dissemination of humanistic orientations in politics, culture and education.

Keywords: genesis and formation of neo-Marxism; neo-Marxism as practical materialism; neo-Marxism in modern China.

Introduction

Marxism is both a science and an idea, but it is rather universal than an absolute idea. This implies that the application of Marxism to transform real-world societal contexts requires case-by-case analysis. Furthermore, certain specific views proposed by K. Marx during the creation of Marxism may need innovative development from a critical and up-to-date perspective. «Each nation and region have unique realities and circumstances, necessitating a critical and creative transformation of Marxism when analysing or shaping their social development»¹ [1, p. 4]. Adopting a critical stance toward Marxism is not only essential for applying it to practical efforts in changing reality but also integral to genuinely practicing Marxism. The goal of critique is to guide new practices through theoretical innovation that adapts to specific contexts. This process requires a dialectical approach that balances critique with inheritance, allowing for the innovative development of ideas from K. Marx and other classical thinkers while adhering to the ge-

neral principles of Marxism, particularly its stance, perspectives, and methods.

Essentially, neo-Marxism represents a Marxist model and theoretical discourse distinct from the practice and theoretical style of Marxism that evolved in Russia and the Soviet Union. Fundamentally, it belongs to the domain of Western Marxism. «Neo-Marxism re-examines and revises Marx's classical ideas from a humanistic perspective, adhering to core Marxist principles such as the theory of class struggle. Simultaneously, it expands the themes and forms of Marxism through a rebellious stance, drawing on ideas from Hegelian philosophy, anarchism, liberalism, and rational choice theory» [2, p. 116].

Neo-Marxism asserts that Marxism does not possess absolute truth but it is primarily a methodology. Marxist methods should be applied to solving specific issues in practical contexts, making rational choices based on real human needs rather than passively accepting historical inevitability, as posited by classical

¹Here and further translated by Tang Yongbo.

Marxism. «While many of neo-Marxist ideas are limited, its commitment to advancing theory in step with the times and addressing real human needs provides a valuable perspective for adapting Marxism to contemporary global challenges. Moreover, it offers a fresh lens for interpreting certain social phenomena in modern China» [3, p. 11]. Despite its theoretical limitations, neo-Marxist

approach to problem-solving, theoretical development, practical application, and some of its views hold significant reference value for the innovative development of Marxism in contemporary China. Therefore, this paper seeks to analyse the manifestations and social impact of neo-Marxism in contemporary China, grounded in its fundamental viewpoints.

Paradigm of neo-Marxism: genesis, formation and contemporary modifications

The problem of the place and role of Marxism in the modern world does not lose its relevance and still initiates permanent discussions about its positive and negative aspects as a philosophical worldview and socio-ideological doctrine. One of the unconditional results of these discussions in the process of rethinking the role and status of Marxism as a fundamental theory of the historical process has become an understanding of its ambivalent nature.

On the one hand, the intention of the classics of Marxism to develop and substantiate a strategy for the liberation of the working masses from all forms of economic inequality and social oppression, thus overcoming their alienation from property and power, definitely causes support and approval. On the other hand, the Marxist doctrine turned out to be quite vulnerable in the face of real historical transformations and metamorphoses. And the reason for this is the obvious weaknesses and shortcomings of this doctrine [4, p. 23–24].

These include such features as the pronounced Eurocentric character of Marxist social theory. The features and specific experience of Eastern societies remained outside the competence of this theory. Its characteristic features were an accentuated economic determinism and the most radical forms of revolutionism, an apology for violence and class struggle. Elements of providentialism and social utopianism were also, to a certain extent, characteristic of Marxist doctrine [5, p. 126–130].

These and other shortcomings and negative features of classical Marxism became the subject of critical analysis, attempts to rethink and reinterpret in various forms and types of neo-Marxism. While maintaining the critical pathos of Marxist theory in relation to the exploitative essence of the capitalist world order, various representatives of neo-Marxist thought proposed their projects for rethinking the basic postulates of Marxism with the aim of adapting them to the new social conditions of the modern era, as well as criticising the shortcomings and erroneous predictions of classical Marxism.

Since the phenomenon of neo-Marxism is a rather complex and significantly variable set of philosophical ideas and socio-theoretical concepts, it makes sense to designate it as a kind of paradigm in the structure of social and humanitarian knowledge of the period of the 20th–21st centuries. Let us point out the most important stages in the formation of this paradigm in its Western European version. It is customary to distinguish such

three stages or three kind of intellectual formations: 1) assimilative neo-Marxism in the late 19 – early 20th centuries; 2) Western neo-Marxism in the 1920–80s; 3) post-Marxism in the 1980–90s and the first decades of the 21st century.

The specific feature of assimilative neo-Marxism was the emphasis on the socio-critical orientation of the theory of classical, or orthodox, Marxism. Therefore it is entirely legitimate to consider and qualify its main representatives (K. Kautskii, A. Bernstein, O. Bauer, K. Renner, G. Plekhanov and others) as Marxist «epigones».

The history of Western neo-Marxism begins in 1923, when two main works («Marxism and philosophy» by K. Korsch and «History and class consciousness» by D. Lukacs) were simultaneously published in German.

The main idea of these works was to return the regulatory practice of the liberation of the proletariat to the need to understand the revolution in its consciousness. Revolutionary practice should be inseparable from the philosophical understanding of reality, therefore, Marxism should be interpreted not as a set of empirical recipes for revolutionary action, but as a philosophical concept that continues the traditions of modern European philosophy and, above all, German idealism.

That is why the ideas of K. Korsch and D. Lukacs had an unconditional influence on the theorists of the Frankfurt school, whose creative work is associated with the further development of neo-Marxism in the 1930s. The activities of the Frankfurt school quite rightly connect with the organisational and institutional design of Western neo-Marxism. In the works of its representatives, such as M. Horkheimer, T. Adorno, H. Marcuse, F. Pollock, J. Habermas and many others a dialectic-humanistic version of neo-Marxism was developed. The philosophical methodological basis of it was critical social theory. This theory relied on the tradition of German idealistic dialectics and the critical analysis of the bourgeois political economy of K. Marx.

Representatives of the Frankfurt school radically revised the most important foundations of orthodox Marxism on the leading role of the proletariat as the subject of revolutionary action, on the dominant status of economic social relations and the leading role of the political superstructure in the life of society, on the progressive direction of the historical process and its completion in the form of the universal emancipation of the workers within the framework of the communist for-

mation. As a result, they propose a programme of total criticism of capitalist civilisation and culture which are based on the universalisation of the so-called technical rationality and instrumental reason. In this programme the most important values and social institutions of the later bourgeois society as a civilisation of total alienation are proclaimed as the object of criticism and radical denial: Christian religion, family, power, traditions, etc. According to J. Habermas, as one of the most prominent representatives of the second generation of the Frankfurt school, the most important characteristic of this society of «mature modernity» is the conflict between the system of social institutions, the repressive state machine, on the one hand, and the «life world of man», on the other hand. The possible prospect of resolving this conflict, according to the theorist, is associated with the establishment of communicative rationality in society, which presupposes the dominance of consensus and the achievement of mutual understanding between people on the principles of democratic liberalism.

In the 1920–30s neo-Marxism was developed in a number of Western European countries. So, in Italy the leader of the Italian Communist Party A. Gramsci in his widely known work «Prison notebooks», substantiates the central thesis of his concept «philosophy of practice», according to which modern Marxism is not a set of abstract philosophical schemes and constructions, but a genuine revolutionary practice, aimed at conquest of political power with the goal of creating a new humanistic civilisation.

In France during this period of time a trend of neo-Marxism was developed within the framework of so-called existentialist Marxism, which has been fully represented in the philosophy of J.-P. Sartre, in particular in his two-volume work «Critique of dialectical reason». Also, this type of Western neo-Marxism includes M. Merleau-Ponty, C. Castoriadis, H. Lefebvre, R. Garaudy and other French philosophers and intellectuals who united around the journals «Les Temps Modernes», «Socialisme ou barbarie», «Arguments».

For this version of Neo-Marxist philosophy, it is characteristic to develop an anthropological concept, based on the synthesis of the ideas of early K. Marx and existentialism. So, according to J.-P. Sartre, the only possible anthropology is Marxism, but in order to fully return man to it, one should turn to existentialism.

In the second half of the 20th century a new generation of European intellectuals increasingly began to turn to Marxism not only as an influential political ideology but also as a promising methodology for social researches.

The most important reason for such transformation was the obvious increasing of crisis processes in the development of capitalist modern society and the aggravation of global problems in the structure of technogenic civilisation. In these new conditions Western neo-Marxism is constituted in two main directions: humanistic neo-Marxism and scientific neo-Marxism.

The main ideas and conceptual foundations of the first direction of neo-Marxism were formed and shaped by the mid-1930s under the influence of neo-Hegelianism, phenomenology, existentialism and somewhat later structuralist and post-structuralist ideas and concepts. An important impetus to the development of this humanistic direction was given by turning to the early works of K. Marx, especially to his anthropological views, developed in the «Economic and philosophic manuscripts of 1844».

Representatives of this trend made the main emphasis on the problem of man as a free and responsible subject of historical action. The central themes of their philosophical works became the problems of overcoming the alienation of the personality in a modern industrial-oriented society, criticism of mass culture and one-dimensional man, possible ways of overcoming crisis processes and dysfunctions in the social institutions of the technogenic civilisation. The most significant and influential in this direction of neo-Marxism became the works of representatives of the Frankfurt school, followers of D. Lukacs, A. Gramsci, J.-P. Sartre.

Representatives of the second direction of neo-Marxism proposed a different interpretation of the Marxist doctrine of society, emphasising in it, first of all, the scientific and constructive-rational component. Their conceptual and methodological position consisted in purifying Marxism from abstract philosophising and speculative constructions. This position assumes giving Marxism the form of a scientific theory, based on the principles of rationality and social realism.

The most notable figure within this direction of neo-Marxism became French philosopher L. Althusser, author of the famous work «For Marx» and the book «Reading Capital» (co-authored with E. Balibar and J. Ranciere) published in 1965. He proposed to cleanse Marxism of the remains of Hegelianism and Feuerbachianism, as well as of the ideological leanings of abstract humanism. From his point of view the most important and significant thing in classical Marxism is the reconstruction of the objective logic of history and the justification of the basic laws of its progressive development.

The turning point in the development of neo-Marxism was the mid-1980s. During this period the so-called post-Marxism was formed as a relatively new direction within the framework of the socio-critical strategy of modern Western philosophy development. The main intention of post-Marxism was to rely on the results and achievements of linguistic philosophy, several structuralist theories, modern anthropology and ethnology to develop a new concept of discursive logic of the sociality [6, p. 68–72]. This intention manifested itself very distinctly in the creative work of Argentine political scientist E. Laclau and Belgian political philosopher Ch. Mouffe. Their main joint book «Hegemony and socialist strategy» published in 1985 is devoted primarily to the problem of radical modernisation of classical

Marxism. The main goal of this modernisation was to preserve the critical pathos of Marxist social philosophy but at the same time significantly transform its conceptual foundations based on the principle of economic determinism. From their point of view, the economy is not a special and dominant sphere of social life, but is a kind of discursive formation that depends to a decisive extent on the political situation and so-called discursive practices.

Along with the above-mentioned directions of Western neo-Marxism, it can also include a number of such intellectual and socio-political trends and concepts in which the emphasis on critical reflection in relation to modern society and its cultural standards is traditionally preserved. In particular, these are attempts to re-think Marxism in the spirit of postmodernist philosophy

(S. Žižek, J. F. Lyotard, J. Derrida, F. Jameson). The theorists of radical democracy and libertarian Marxism are also associated with the traditions and paradigm of neo-Marxism (D. Guerin, H. Steiner, R. Nozick, etc.). Marxist-oriented feminism, various environmental movements, representatives of antiglobalism also in many ways share ideas and the postulates of neo-Marxism paradigm.

Thus, even a brief and fragmentary analysis of the process of formation and contemporary modifications of the Western neo-Marxist paradigm allows to make a quite convincing conclusion that the obviously meaningful invariant of this paradigm is not a constructive but a reflexively-critical intention in relation to modern society and its culture.

Chinese version of neo-Marxism as a programme of practical materialism

On 17 May 2016, the President of the People's Republic of China, Xi Jinping, speaking at the meeting on the development of philosophy and social sciences, re-affirmed that Marxism remains the guiding theory. He stated: «In the history of human thought, no theory has exerted such a profound and extensive influence on the progress of human civilisation as Marxism has» [7, p. 10]. In his view, Marxist philosophy aligns with both global trends in the 21st century and the trajectory of modern China.

This strong emphasis on the role and significance of Marxism in shaping China's philosophical and ideological framework highlights the need to justify its priority status in the evolution of socio-political and philosophical thought. The focus, however, is not merely on popularising and applying the classical heritage of Marxism but on its creative development, adapted to Chinese realities. This is underscored by the following assertion: «The vital force of Marxism is not in the writings of K. Marx and F. Engels themselves, but in its attitude to practice» [8, p. 3]. Within China's contemporary intellectual and ideological landscape, neo-Marxism has emerged as a distinct and influential phenomenon, occupying a significant position.

To analyse the key elements of neo-Marxism, it is essential to outline its formation within Chinese philosophical and social thought, explore its conceptual foundations, and examine its stylistic characteristics. Broadly speaking, the development of neo-Marxism in China can be divided into three relatively independent stages.

The first stage of neo-Marxism in China is associated with the activities of Mao Zedong, who, in the 1930–40s, emphasised in various works and speeches the need to «concretise Marxism in China, to endow it with the necessary Chinese features» [9, p. 191]. Even earlier, in the 1920s, key figures of China's revolutionary democratic movement, such as Sun Yat-sen, Li Dazhao, and Ai Siqi, had repeatedly advocated for a systematic study

of Marxist theory and its necessary adaptation to the revolutionary movement in China.

At the 7th National Congress of the Communist Party of China (CPC) in 1945, Mao Zedong's philosophical thought was explicitly established as the guiding ideology and was incorporated into the CPC Constitution, marking the first significant historical leap in the sinicisation of Marxism. One of Mao Zedong's central theoretical assertions was that the leading social force of the socialist revolution in China should be the peasantry rather than the proletariat, contrary to the orthodox view of classical Marxism. In the late 1930s, he put forward the theory of new democracy, arguing for the necessity of a broad democratic alliance between the peasantry, working class, intelligentsia, and national bourgeoisie. This conceptual shift proved to be a highly productive ideological innovation, significantly contributing to the CPC's ultimate victory in the civil war. Mao Zedong's philosophical thought is described as «a philosophical summary that combines the universal principles of Marxism with the specific practices of the Chinese revolution», «the inheritance and development of Marxist philosophy in China», and «the sinicisation of Marxist philosophy» [10, p. 106].

From 1966 to 1972, the promotion of Mao Zedong's thought, including his philosophical ideas, took on extreme and irrational forms. His words were transformed into slogans, subject to absolutisation and sanctification. His work «On practice» was interpreted through the lens of voluntarism, while essay «On contradiction» was expounded in the spirit of a «philosophy of struggle». These interpretations were used at the time to justify Mao Zedong's theories of revolution under the proletarian dictatorship and to legitimise the practical implementation of the cultural revolution. In 1976, following Mao Zedong's passing, the cultural revolution was officially declared over.

A significant turning point occurred in early 1978 when the journal «Chinese Social Sciences» published

Zhu Guang Qian's article, «An overview of Renaissance to 19th-century Western bourgeois writers and art critics' views on humanism and human nature». In August of the same year the same journal published Zhu Xing's article «The young Hegel's thoughts on labour and alienation: an exploration of the problem of alienation». These articles, which touched upon themes of humanism and human nature – topics previously considered taboo – sparked intense debate among cultural figures and theorists. In 1979, a new Chinese translation of K. Marx's «Economic and philosophic manuscripts of 1844» was published, further deepening discussions on humanism [11, p. 256].

The emergence of practical materialism, which critically engaged with dialectical and historical materialism, was closely linked to the humanistic intellectual currents that arose after 1978. In December of that year, the 3rd Plenary Session of the CPC's 11th Central Committee initiated a new phase of re-evaluation and appraisal of Mao Zedong's philosophical thought. This marked the beginning of China's era of reform and opening up, a process that continues today. The defining characteristic of this period has been a gradual shift from the ideological dissemination of Mao Zedong's philosophy to its study within cultural and scientific frameworks, transitioning from a rigidly Marxist framework to a more open, multifaceted, and multilayered exploration.

The second stage in the development of neo-Marxism in China is associated with the leadership of Deng Xiaoping and his theory of the three representations. In this theory, he proposes a distinctive criterion for reforming socialist society in China, emphasising the need to achieve «three blessings»: 1) further development of productive forces and economic renewal; 2) strengthening the comprehensive national power of the socialist state; 3) raising the living standards of the people. Deng Xiaoping stated: «It is necessary to begin to integrate the universal principles of Marxism with the specific situation in the country. Go your own way, build socialism with Chinese characteristics» [12, p. 189].

The reform programme and the framework for building socialism with Chinese characteristics, introduced at the 12th National Congress of the CPC in 1982 under Deng Xiaoping's guidance, marked a departure from orthodox Marxist statements and broke with the previous strategy of administrative command management. However, it retained the fundamental role of the state and the CPC in the country's political and economic development, ensuring continuity within the ideological framework. This allowed Deng Xiaoping to repeatedly emphasise that his vision for China's social and economic reform remained aligned with traditional Marxist theory.

Following Deng Xiaoping's passing in 1997, it became increasingly evident that the remarkable success of socio-economic reforms was pushing China toward a potential «modernisation trap». In other words, these reforms raised the urgent issue of synchronising poli-

tical power with the new economic realities. Over the past 25 years, various approaches have been proposed to address this fundamental challenge in China's socio-political dynamics, all of which have been closely tied to the continued advancement of the reform and opening-up policy. Generally, these approaches have remained committed to the doctrine of the sinicisation of Marxism, treating it as an essential ideological foundation for China's systemic modernisation.

This trend is particularly evident in the speeches of Jiang Zemin and Hu Jintao, but it has become even more pronounced with the rise of a new generation of nationally oriented leaders under Xi Jinping. His programmatic article «On socialism with Chinese characteristics for a new era» is regarded by many Chinese political scientists and philosophers as the most recent and significant development in the sinicisation of Marxism.

In light of the aforementioned factors, the third stage of neo-Marxism's development in China is closely linked to the approval of a new political course and its philosophical and ideological justification following the 18th National Congress of the CPC in 2012, where Xi Jinping was elected General Secretary. This period is characterised by several key priorities in the evolution of China's philosophical and socio-political thought: the development and theoretical grounding of a new concept of social justice, social harmony, and national unity across all social strata and regions; an inquiry into the dialectical relationship between scientific, technical, and technological progress and the ideological and moral development of Chinese society; the formulation of a vision for China's global participation in shaping a fair system of international relations that balances national interests with the collective security and sustainable development of all nations; a systematic study of contemporary environmental challenges and the justification of strategies for a sustainable future of human civilisation; and an intensified engagement with the achievements and values of traditional Chinese philosophy and culture, aiming at their creative adaptation to modern social communication and the evolving spiritual culture of Chinese society.

A crucial aspect of Chinese neo-Marxism is its fundamental distinction from neo-Marxist thought in Western countries. Western neo-Marxism emerged as a complex intellectual movement that significantly contributed to the formation of a social-critical philosophical framework in the late 19th and early 20th centuries. By contrast, Chinese neo-Marxism is primarily oriented toward constructive and creative endeavours, adapting the core principles of Marxist philosophy to the practical demands of social transformation and addressing urgent economic, political, and environmental challenges. Consequently, the defining conceptual characteristic of Chinese neo-Marxism is its focus on resolving pressing issues related to the development and modernisation of contemporary Chinese society.

Accordingly, Chinese neo-Marxist philosophy is rooted in the theory of practical materialism. The adoption of this concept as a theoretical framework for the comprehensive modernisation of China's economy and social structure was preceded by an extensive and complex debate on practical materialism, which spanned more than two decades within the Chinese philosophical community. This discourse involved a critical reassessment of the rigid dogmatism inherited from Soviet philosophy of the 1930–40s.

The article «The philosophical flag of our era: practical materialism» encapsulates the core tenets of this philosophy, asserting that Marxist philosophy is, in essence, practical materialism. It argues: «Today, we reaffirm our commitment to practical materialism, partly because K. Marx's practical materialism has been historically distorted, and more importantly, because practical materialism embodies the spirit of our age, asserting human practice and elevating human subjectivity» [13, p. 85].

The establishment of practical materialism marks a revolutionary shift in philosophy, characterised by several fundamental transformations.

Firstly, the understanding of the world transitions from the principle of the object to the principle of the subject, reflecting a profound change in philosophical methodology. Karl Marx's principle of practice is, in essence, the principle of the subject. While the natural world exists objectively, the sensory world experienced by humanity is one that has been shaped through practice. Consequently, to comprehend phenomena, one must adopt human subjectivity as the standard, interpreting the world as an object through the lens of practical activity.

Secondly, the very structure of philosophy has undergone a transformation. To the two traditional starting points (thought and existence) third (practice) has been added, resulting in a tripartite structure of thought – practice – existence. This represents a fundamental reconfiguration of philosophical structure. The historical struggle between old materialism and idealism has become obsolete, as simplistic answers to the relationship between thought and existence no longer meet the demands of contemporary practical

activity. In this new tripartite structure, the question of the interaction between thought and existence remains, but in a more nuanced and complex form.

Thirdly, the construction of the philosophical system is now grounded not in the principle of matter but in the principle of practice, marking a decisive shift from a closed system to an open one. Practice determines the extent of human mastery over matter, consciousness, the world, and its governing laws. There is no longer a need to explain practice through the framework of matter. Instead, understanding must begin with practice itself. The world is envisioned as a blueprint or an engineering project – a construct continuously reshaped through human practice and evolving alongside it.

Lastly, there has been a shift in philosophy's central purpose from merely interpreting the world to actively transforming it, signaling a fundamental change in its objectives. This transformation underscores the active role of human agency in shaping reality, moving beyond passive observation and interpretation to an engaged, practice-driven approach to change. This evolution in philosophical thought highlights the importance of human creativity, initiative, and the potential for progress in striving for a more just and equitable society.

It is important to note that the theory of practical materialism reveals an organic connection with many ideas and values of traditional Chinese philosophy [14, p. 381]. Xi Jinping has repeatedly emphasised this in his articles and speeches [15, p. 126], arguing that the Chinese version of neo-Marxism must integrate the ethical and philosophical achievements of «all the beautiful elements of Chinese civilisation» (cit. from [16, p. 36]). Therefore, not only Confucianism but also the philosophies of Taoism, Legalism, and other classical Chinese schools should serve as vital sources for the theoretical, moral, and political foundations of neo-Marxism in its modern Chinese interpretation [17, p. 423]. This integration implies that traditional Chinese values, such as adherence to laws, sincerity in human relationships, diligence, duty, moderation in consumption, and tolerance, should become fundamental norms guiding the behaviour and activities of individuals in a modernising China [18, p. 9–10].

Socio-cultural status of the ideology of neo-Marxism in modern China

Neo-Marxism, as a critical inheritance and innovation of traditional Marxist theory, demonstrates its unique theoretical value and practical significance in contemporary China. One of its core ideas, advocating economic equality and social transformation, deeply aligns with certain aspects of China's socialist practices. By analysing the theoretical propositions of neo-Marxism and their concrete manifestations in contemporary China, we can better understand its crucial role in promoting economic and social development.

In political economy, neo-Marxism critiques traditional Marxism by asserting that the classical labour theory of value is incomplete. It advocates using the division between complex and simple labour as an entry point for research to achieve a more comprehensive labour value theory. Based on this, neo-Marxism champions economic equality and strives to advance need-based distribution. Particularly in resource and wealth allocation, it seeks to reduce exploitation driven by capital. Simultaneously, it promotes social transformation

and upgrades, thereby reshaping societal values and creating a new cultural paradigm. Through the principle of need-based distribution, neo-Marxism endeavours to construct a fairer social structure, thus creating equal economic opportunities for all members of society. «While the theoretical and practical foundations of neo-Marxism’s advocacy for economic equality and social transformation may not entirely align with China’s national conditions, the emphasis on fairness amidst economic and social development, especially under the premise of adhering to the socialist system while invigorating the market economy, reflects an enduring economic equality philosophy» [19, p. 98].

As of February 2024, the monthly disposable income of Chinese residents can be categorised into five tiers, each accounting for 20 % of the population (table). The annual and monthly disposable income of the highest tier is ten times that of the lowest tier, indicating the objective existence of income disparity in China, with a significant gap between high-income and low-income groups.

To address this substantial income disparity, the Chinese government first ensured the basic livelihood of low- and middle-income groups through its poverty alleviation campaign. As illustrated in fig. 1, during the seven years from 2013 to 2020, when the government vigorously pursued its poverty alleviation efforts, fiscal allocations from both central and local governments

for targeted poverty alleviation increased annually, reaching an enormous scale, ultimately leading to the successful completion of the campaign in 2020.

Building upon this foundation, China has continued to advance income distribution reforms. For instance, during the 3rd Plenary Session of the 20th Central Committee of the CPC in 2024, the Decision of the Central Committee of the CPC on further deepening reform and advancing Chinese-style modernisation was adopted, emphasising the need to improve the income distribution system and establish a coordinated institutional framework integrating primary distribution, redistribution, and tertiary distribution. Additionally, the Communiqué of the 3rd Plenary Session of the 20th Central Committee of the CPC underscored the commitment to urban-rural integration, calling for efforts to narrow the development gap between urban and rural areas. It positioned urban-rural integration as an essential requirement for Chinese-style modernisation, advocating for equal exchange and bidirectional flow of urban and rural resources to reduce disparities and promote shared prosperity.

In the new era, China has explicitly set the goal of achieving common prosperity, which extends beyond the distribution of material wealth to include the optimisation of social structures. These practices not only absorb the foundational principles of Marxism but also resonate with neo-Marxism’s emphasis on economic equality.

Five income brackets of Chinese residents

Bracket	Annual disposable income, yuan	Monthly disposable income, yuan	Share, %
Highest	95 055	7921	20
Upper-middle	50 220	4185	20
Middle	32 195	2683	20
Lower-middle	20 442	1704	20
Lowest	9215	768	20

Note. Compiled on the basis of National Bureau of Statistics of the People’s Republic of China data.

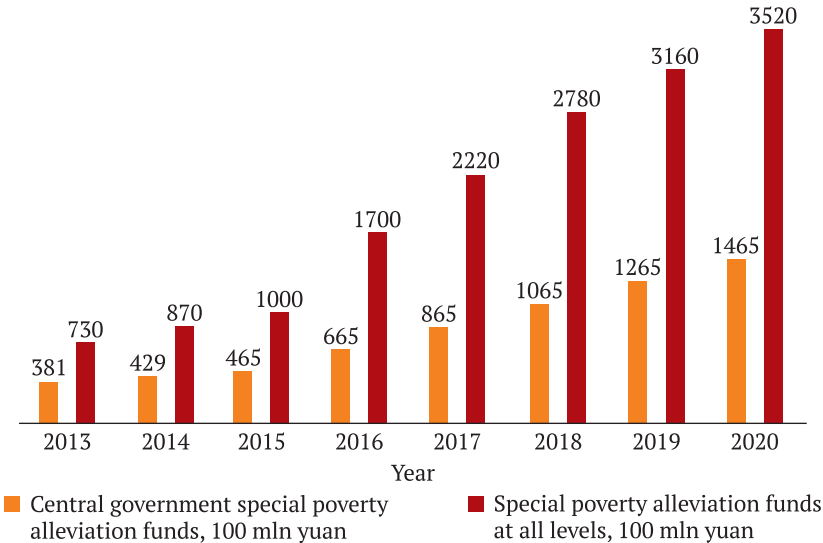

Fig. 1. Statistical data on fiscal allocations for poverty alleviation.
Source: White paper on China’s practice of human poverty alleviation
(https://www.sohu.com/a/459460196_161795)

As illustrated in fig. 2 and 3, China's urban population and urbanisation rate have continued to rise in the new era, reaching nearly 70 % by 2023. Simultaneously, the country's industrial structure has undergone profound upgrades and transformations, with the service sector expanding significantly. By 2020, the service industry had already surpassed both the primary and secondary sectors, accounting for more than 50 % of the total economic output.

This indicates that China's modernisation process is marked by profound social transformation, structural

adjustments, and economic shifts. «In particular, since the onset of the new era, China has steadfastly pursued reform and opening-up, integrating comprehensive and in-depth reforms while consistently adhering to a development-driven approach. By prioritising economic development as the driving force for both economic and social progress, China is undergoing a fundamental transition from a traditional agrarian society to a modern industrial and commercial society. This transformation, in essence, embodies a broader theory of social restructuring and reform» [20, p. 128].

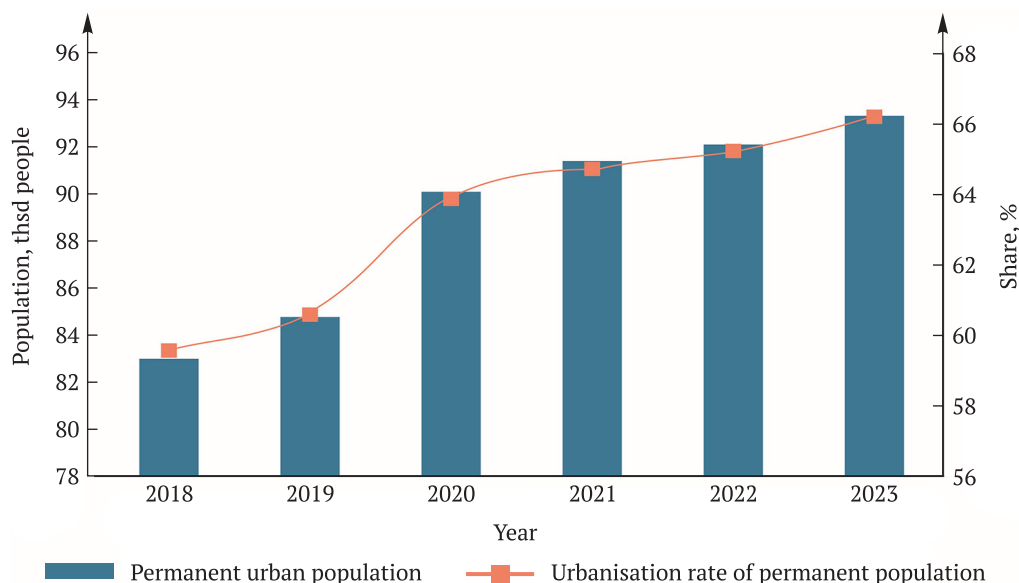

Fig. 2. Statistical chart of China's urban population and urbanisation rate in 2018–2023.
Source: Current status and environmental analysis of China's flat glass industry: policies and technologies supporting green and low-carbon market development (<https://www.chinabaogao.com/market/202404/704305.html>)

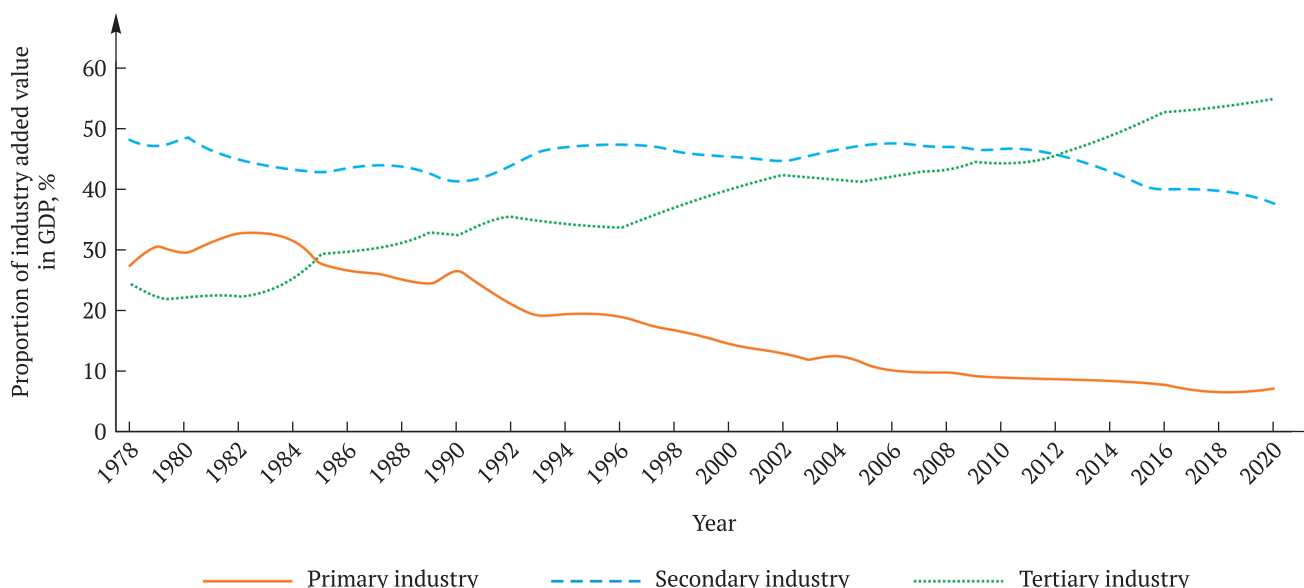

Fig. 3. Trends in China's industrial structure in 1978–2020.
Source: Development patterns and transformation directions of China's industrial structure in the digital era (https://www.sohu.com/a/456409601_455313)

In practice, this philosophy is evident in China's push for urban-rural integration and the improvement of its social security system. In recent years, China has significantly increased investments in rural areas, narrowing urban-rural income disparities, reflecting the profound implications of social transformation. For instance, through targeted poverty alleviation policies during the battle against poverty, the Chinese government resolved the basic livelihood issues of hundreds of millions of impoverished people, embodying the materialisation of economic equality. Additionally, the urbanisation process has been bolstered by reforms to rural land systems and the improvement of rural infrastructure, significantly enhancing the quality of life for rural populations and laying a solid foundation for urban-rural integration. These practices demonstrate the systematic and practical dimensions of social transformation on multiple levels.

Under the leadership of the CPC, the Chinese people have advanced reform and opening-up by leveraging changes in production relations to stimulate productivity and drive economic and social progress. While there are distinctions between these efforts and neo-Marxism's advocacy for economic equality and social transformation, they address the same fundamental issues of social development. Therefore, the series of practices and associated ideologies promoting economic equality and advancing social transformation in contemporary China can be regarded as manifestations of neo-Marxism in a Chinese context.

Neo-Marxism's concepts of socialised mass production, industrial sovereignty, and the industrialisation of geopolitical governance seek to redefine the relationship between industrialisation, the socialised mass produc-

tion system, and state power, asserting that industrial strength surpasses governmental authority or even equates industrial power with political power, serving as the driving force behind the geopolitical structuring of state governance. While these ideas may appear abstract, they find tangible expression in contemporary China.

As illustrated in fig. 4 and 5, China's R&D investment has steadily increased since the initiation of reform and opening-up. After surpassing Japan around 2008, the gap between China's R&D spending and that of the US has been progressively narrowing. Meanwhile, the number of high-tech enterprises in China has surged. As of September 2023, the total number of strategic emerging industry enterprises exceeded 2 million, while the number of high-tech enterprises reached 400 thousand by 2022. According to the 2023 Global unicorn list published by Hurun Research Institute, China had 316 unicorn companies, ranking second worldwide. Notably, 124 Chinese manufacturing enterprises made the list, surpassing the US in this category.

Clearly, as China rapidly transitions from a traditional agrarian society to a modern industrial and commercial economy, it has not entirely conformed to neo-Marxist notions of industrial sovereignty or the industrialisation of geopolitical governance. However, the impact of industrialisation and the socialised mass production system on the government and the state has undeniably intensified. As China's socialist market economy continues to expand and industrial structures undergo continuous upgrades, «the socialised mass production system is evolving with increasing precision and complexity in its internal division of labour, becoming ever more dependent on technological innovation as a key driver of growth» [21, p. 60].

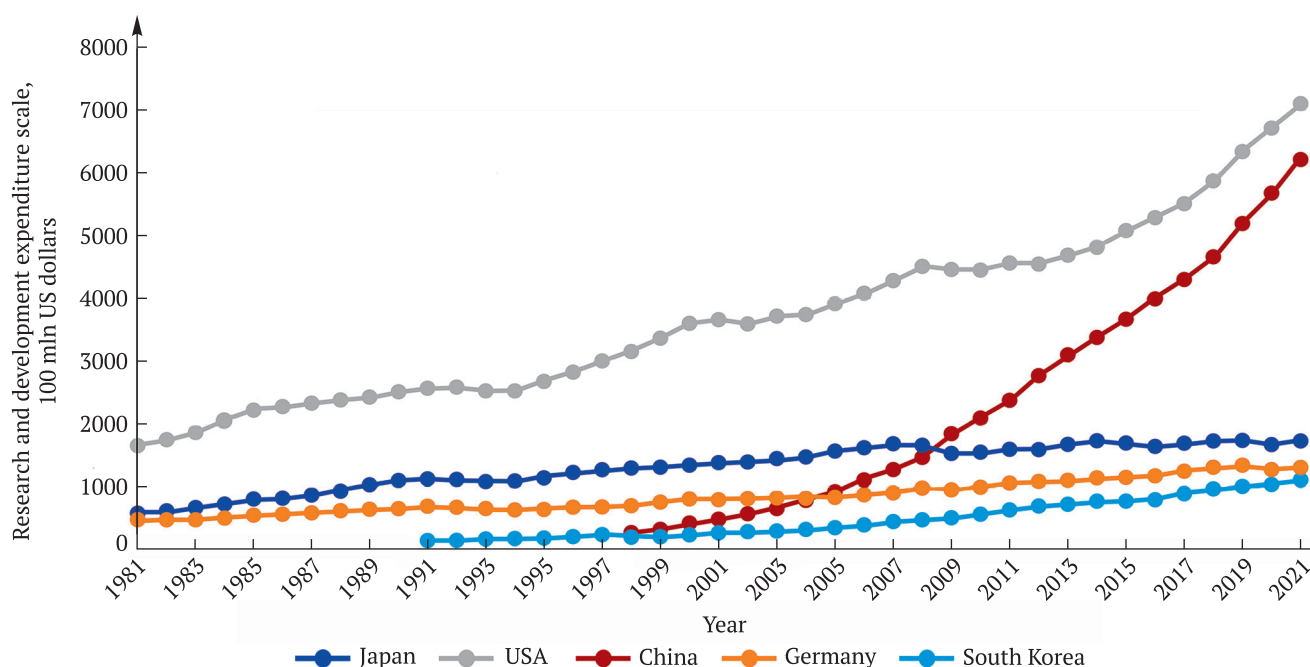

Fig. 4. Trends in R&D expenditure among the world's five leading R&D countries in 1981–2021.

Source: Has China fallen into the «middle-tech trap» amid the ongoing escalation of US chip sanctions?
(https://news.sohu.com/a/758931104_121124379)

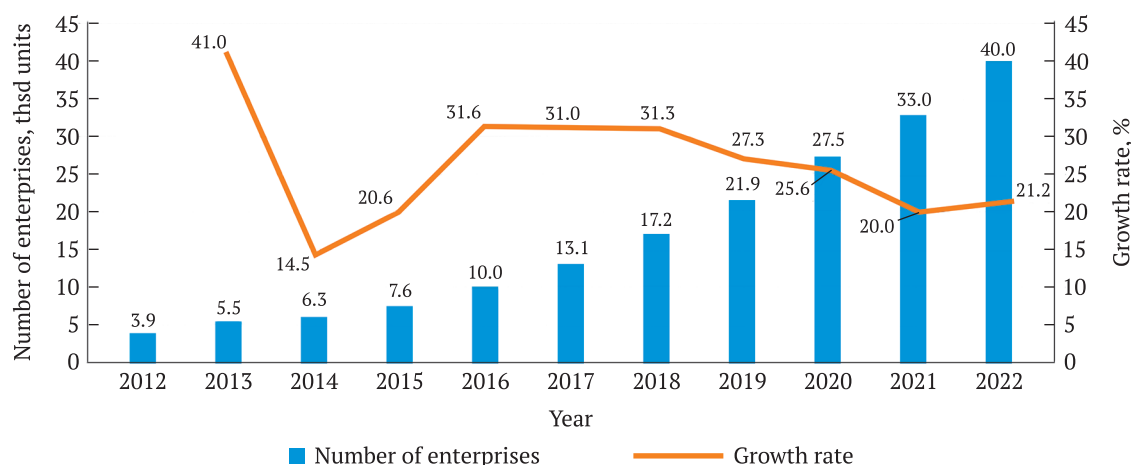

Fig. 5. Growth trends in the number of high-tech enterprises in China in 2012–2022.

Source: Theoretical framework, current status, and recommendations for technology-driven development of emerging industries (https://www.sohu.com/a/801103862_120052222)

Neo-Marxism's view of the government as an industrial organisation or an extension of industrialisation is an overly one-sided interpretation of state functions. However, its recognition of the growing role of the state in facilitating industrial upgrades aligns with China's strong emphasis on technological advancement and industrial modernisation, reflecting a broader convergence between theoretical critique and practical economic transformation.

The neo-Marxist redefinition of the relationship between industrialisation and government offers theoretical insights for China's reforms. According to neo-Marxism, industrial power is not only the core driver of economic development but also a significant force in reshaping social relationships. In China, with the gradual improvement of the market economy system, the role of industrial forces has become increasingly pronounced. For instance, the dominant position of state-owned enterprises in strategic industries and the flexibility of private enterprises in consumer markets together form the backbone of China's economic development. Meanwhile, the government seeks a balance between ensuring fair competition and improving efficiency through strengthened market supervision, optimised resource allocation, and the promotion of industrial clustering. This dual mechanism «government + market» not only continues the traditional Marxist model of state-led economic development but also concretely applies neo-Marxist concepts prioritising industrial forces.

In conclusion, the neo-Marxist theories on socialised production and the transformation of government functions find abundant practical manifestations in China's industrial upgrading and governmental reforms. Through the modernisation of government functions and the scientific guidance of industrial policies, China has not only achieved the optimisation and upgrading of its economic structure but also provided valuable references for global industrial development and government governance. While certain theoretical limitations of

neo-Marxist concepts exist, their profound insights into societal realities and their theoretical frameworks' practical verification in contemporary China fully demonstrate their intellectual value and practical significance in fostering economic and social development.

Neo-Marxism, as a critical and innovative system of thought, places significant emphasis on the principles of humanitarianism and a people-centered approach. This theory focuses on the subjectivity and existential value of the individual, responding to the neglect of individual needs and humanistic concerns in the traditional Marxist practice, which overemphasised collectivism. This intellectual movement emerged amidst profound reflections on the Soviet socialist model in the mid-20th century and has since demonstrated unique value and significance in the practice of contemporary China.

Since the onset of China's reform and opening-up, the principles of humanitarianism and a people-centred approach have gradually become key guiding principles in societal development and policy-making. Particularly in the process of modernisation under socialism with Chinese characteristics, the CPC has explicitly proposed a people-centred development philosophy, aligning closely with the humanitarianism advocated by neo-Marxism. In the practice of humanitarianism within policy guidance, the Chinese government has made substantial investments in addressing livelihood issues as part of its goal to build a moderately prosperous society. Notable initiatives include targeted poverty alleviation policies, promotion of urban-rural integration, and improvements in healthcare and educational security systems. These efforts not only reflect the development thought centred on people but also emphasise the importance of individual quality of life and dignity. Moreover, during the social and economic structural transformation, the Chinese government has adhered to the people-centred principle. Since the reform and opening-up, China has experienced a shift from a planned economy to a market economy. While this transition has resulted in significant

economic growth, it has also brought challenges, such as expanding income disparities. Therefore, while prioritising economic efficiency, the Chinese government has consistently emphasised social equity, proposed the expansion of the middle-income group and raising the living standards of low-income populations. This development model, balancing both efficiency and fairness, deeply reflects new Marxism's concept of social transformation centered on the individual. Furthermore, the Chinese government advocates for cultural development and the comprehensive development of individuals. In promoting economic development, China also places great importance on cultural construction and the enhancement of spiritual civilisation. Through the promotion of socialist core values, the cultivation of excellent Chinese traditional culture, and the advocacy for respecting and protecting individual rights, China has gradually built a social value system focused on the comprehensive development of individuals. This practice not only highlights the humanitarian spirit in

Marxist philosophy but also provides a valuable reference for other developing countries worldwide.

In advocating for humanitarianism and a people-centred approach, neo-Marxism has offered important intellectual resources for the reinterpretation and development of Marxist theory. Its emphasis on individual value and social fairness aligns profoundly with contemporary China's socialist modernisation practices.

While neo-Marxism's critique of traditional Marxism as disregarding human existence may not be entirely accurate, its emphasis on human-centred interpretations of Marxism offers theoretical inspiration for contemporary China. It aligns with the principles of reform and opening-up, the commitment to people-centric governance, and the reaffirmation of the CPC's mission to wholeheartedly serve the people. «Consequently, neo-Marxism's advocacy for humanitarianism and people-centric development finds resonance in the emphasis on people-first principles in China's socialist modernisation efforts» [22, p. 26].

Conclusions

Neo-Marxism, as a critical ideological framework, embodies profound reflection and innovation upon traditional Marxist theory. Within its theoretical structure, it emphasises humanism, economic equality, and social transformation, offering a fresh perspective for reevaluating and reinterpreting Marxism. When integrated with China's practical context, neo-Marxism demonstrates its distinctive influence and value in contemporary China.

Firstly, in its critique of the dogmatic tendencies of traditional Marxism, Chinese version of neo-Marxism introduces a philosophy centred on humanism. By highlighting the primacy of human agency and the importance of free choice, this concept has provided ideological inspiration for China's socialist modernisation. Throughout the process of reform and opening-up, the principle of human-centred development has been consistently upheld.

Secondly, the neo-Marxist theoretical propositions on economic equality and social transformation resonate significantly with China's reform practices. Through vigorous promotion of economic restructuring and social transition, China has narrowed the urban-rural divide, raised the income levels of disadvantaged groups, and achieved remarkable results in advancing economic equality. Simultaneously, the CPC has pragmatically applied fundamental Marxist principles, focusing on balancing equity and efficiency. This not only aligns with neo-Marxist economic ideals but also provides a platform for their practical validation.

Furthermore, neo-Marxism, by incorporating elements of Western modern philosophy (particularly Hegelian philosophy, existentialism, and liberalism) has innovatively expanded Marxist methodology. Its emphasis on the practical nature of philosophy and the application of dialectics to social and historical domains offers theoretical tools for addressing the complex social realities of contemporary China. In advancing Chinese-style modernisation, the establishment of a large-scale socialised production system, the acceleration of industrial upgrading, and the adjustment of governmental functions reflect this practical-minded approach.

Contemporary China, through the ongoing sinicisation of Marxism, has continually enriched its theoretical framework, endowing Marxism with distinct Chinese characteristics and contemporary relevance. The innovative thinking of neo-Marxism, which seeks to break away from dogmatism, also offers valuable insights for further developing Marxist theory in China.

In summary, neo-Marxism, as a modern critical ideology, has exerted a significant influence on contemporary China's social development and theoretical innovation. Its multifaceted contributions in the realms of economics, politics, education and philosophy have not only deepened the development of Marxist theory in China but also provided valuable experiences and insights for Marxist practices on a global scale.

References

1. Wang Baiwen, Li Zhaoyou. A probe into Erich Fromm's concept of the «new man». *Forward Position*. 2011;13:4–7. Chinese.
2. Wang Qiongzhi, Peng Jun. On the self-education of young marxists. *Modern Communication*. 2025;1:113–120. Chinese.
3. Zhang Kuiliang. The philosophical significance of «human-centred» thought. *Philosophical Research*. 2004;5:11–16. Chinese.
4. Осипов ИД, Погодин СН. *Философия марксизма. История и современность: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса*. Санкт-Петербург: Политех-пресс; 2018. 272 с.

5. Зеленков АИ, Новиков ВТ, Анохина ВВ, Лазаревич АА. *Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии*. Минск: БГУ; 2015. 327 с.
6. Оришева ОВ. *Политическое измерение социальной теории в постмарксизме*. Минск: РИВШ; 2007. 132 с.
7. Xi Jinping. *Remarks at the symposium on philosophy and social sciences (2016 May 17)*. Beijing: People's Publishing House; 2016. 29 p. Chinese.
8. Jiang Chunlei. An analysis of the «practice subject» in the innovation of Marxist theory. *Journal of Suzhou University of Science and Technology*. 2015;1:1–5. Chinese.
9. Mao Zedong. *Selected works of Mao Zedong. Volume 2*. Beijing: People's Publishing House; 1991. 444 p. Chinese.
10. Бурлацкий ФМ. *Мао Цзэдун, Цзян Цин и советник Дэн*. Москва: Эксмо-пресс; 2002. 384 с.
11. Обухова ОН. Основные этапы модернизационного строительства Китая. В: Мошелков ЕН, редактор. *Школа – 2005*. Москва: Общественно-политическая мысль; 2005. с. 254–258.
12. Deng Xiaoping. *Selected works of Deng Xiaoping. Volume 2*. Beijing: People's Publishing House; 1994. 259 p. Chinese.
13. Wang Yu, Chen Zhiliang, Yang Geng. The philosophical flag of our era: practical materialism. *Jianghai xue kan*. 1989; 2:79–87. Chinese.
14. Wendeng Yang, Haosheng Ye. Methodological implications of Marxist practical philosophy for psychology: a perspective from China. *Theory and Psychology*. 2013;23(3):371–390. DOI: 10.1177/0959354313486720.
15. Rošker JS. Modernization of Chinese philosophical methodology: Zhang Dainian's innovation and the challenges of neo-materialism. *Asian Studies*. 2021;9(2):121–141. DOI: 10.4312/AS.2021.2.121-141.
16. Wu Xian. Study on the thinking paradigm of Laozi from the perspective of Chinese philosophy. *Frontiers in Humanities and Social Sciences*. 2022;2(7):28–32.
17. Zhang Wei. Chinese philosophy as a kind of field philosophy. *Social Epistemology*. 2021;35(4):416–425. Chinese. DOI: 10.1080/02691728.2020.1752328.
18. Arun Bala. Chinese organic materialism and modern science studies: rethinking Joseph Needham's legacy. *Cultures of Science*. 2020;3(1):1–13. DOI: 10.1177/2096608320911316.
19. Heller A. *Xian dai xing li lun*. Li Ruihua, translator. Beijing: Commercial Press; 2005. 409 p. Chinese.
20. Morawski S. Vicissitudes in the theory of socialist realism: a little lesson in history not to be ignored. *Diogenes*. 1961; 9(36):110–136. DOI: 10.1177/039219216100903606.
21. Sheng Guorong, Jin Zhongzhe. A technological perspective on industrial ecology. *Science and Technology and Dialectical Philosophy*. 2007;3:57–61. Chinese.
22. Li Jifeng. Seeking the moral foundation of politics – the theoretical demands of eastern European neo-Marxism. *Social Scientist*. 2023;10:24–29. Chinese.

Received by editorial board 07.03.2025.

ЦИФРОВАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

А. К. АБДИНА¹⁾, А. А. УЫЗБАЕВА¹⁾, Е. Е. КУЧКО²⁾

¹⁾ИТ-университет Астаны, пр. Мангилик Ел, 55/11, 010000, г. Астана, Казахстан

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы стратегии, используемые в области цифровизации и цифровых технологий в Беларуси и Казахстане. Рассмотрены государственные программы, направленные на обеспечение цифровой включенности населения и равного доступа к цифровым технологиям как одного из ключевых аспектов устойчивого развития. Выявлены особенности решения вопросов цифрового развития и цифровой включенности на примере государственных программ Казахстана («Цифровой Казахстан» на 2018–2022 гг. и «Концепция цифровой трансформации» на 2023–2029 гг.) и Беларуси («Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» и «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.), которые создают определенные вызовы для образовательного и социального секторов. Подчеркнута приоритетность человекоориентированного подхода в стратегиях цифрового развития двух стран.

Ключевые слова: цифровая включенность; цифровая изоляция; цифровизация; цифровой разрыв; государственная программа.

DIGITAL INCLUSION OF THE POPULATION OF BELARUS AND KAZAKHSTAN

А. К. ABDINA^a, А. А. UYZBAYEVA^a, Е. Е. KUCHKO^b

^aAstana IT University, 55/11 Mangilik El Avenue, Astana 010000, Kazakhstan

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: E. E. Kuchko (avesol@yandex.ru)

Abstract. The article aims to analyse strategies in the field of digitalisation and digital technologies in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. The aim of the article is to analyse the state programmes of Belarus and Kazakhstan aimed at ensuring digital inclusion of the population and equal access to digital technologies as one of the key aspects of sustainable development. This study applied hermeneutic, comparative, historical analysis, and anthropocentric approach.

Образец цитирования:

Абдина АК, Уызбаева АА, Кучко ЕЕ. Цифровая включенность населения Беларуси и Казахстана. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2025;2:48–56.
EDN: HGAZPX

For citation:

Abdina AK, Uyzbayeva AA, Kuchko EE. Digital inclusion of the population of Belarus and Kazakhstan. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2:48–56. Russian. EDN: HGAZPX

Авторы:

Айнур Кананияновна Абдина – доктор философских наук, доцент; доцент школы общеобразовательных дисциплин.

Анар Асановна Уызбаева – кандидат философских наук; доцент школы общеобразовательных дисциплин.

Елена Евгеньевна Кучко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Ainur K. Abdina, doctor of science (philosophy), docent; associate professor at the school of general educational disciplines.

ainur.abdina@astanait.edu.kz

<https://orcid.org/0000-0002-1819-7492>

Anar A. Uyzbayeva, PhD (philosophy); associate professor at the school of general educational disciplines.

anar.uyzbayeva@astanait.edu.kz

<https://orcid.org/0000-0003-4354-705X>

Elena E. Kuchko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

avesol@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2376-4639>

As a result of the study, the peculiarities in addressing the issues of digital development and digital inclusion were identified on the example of the state programmes of Kazakhstan («Digital Kazakhstan» for 2018–2022 and «Concept of digital transformation» for 2023–2029) and Belarus («State programme for the development of digital economy and information society for 2016–2020» and «Digital development of Belarus» for 2021–2025), which create certain challenges for the educational and social sectors. The article emphasises the priority of a human-centered approach in the digital development strategies of the two countries.

Keywords: digital inclusion; digital exclusion; digitalisation; digital divide; government programme.

Введение

В эпоху информационных технологий значение цифровой включенности определяется глобальной цифровой трансформацией, которая затрагивает практически все стороны общественных взаимоотношений. Дискурс о цифровизации и роли технологий в модернизации общества охватывает широкий спектр тем, связанных с их влиянием на социальные, культурные и этические аспекты жизни. Этот дискурс представляет собой интенсивный диалог между оптимистическими взглядами на потенциал технологий и критическими оценками их рисков. Учитывая стремительное развитие цифровых технологий и их возрастающее воздействие на человека и социум, как в плане расширения возможностей пользователей, так и с точки зрения углубления существующего социального неравенства, рефлексия над данной проблемой предполагает необходимость урегулирования множества вопросов, вызванных

указанными процессами. Одна из ключевых проблем – это цифровой разрыв, т. е. неравенство в доступе к цифровым технологиям и возможностям их использования разными социальными группами, регионами или странами. В контексте необходимости цифровой включенности цифровой разрыв препятствует полноценному участию некоторых людей в современной цифровой экономике, образовании, здравоохранении и других аспектах жизни общества.

Основной исследовательский вопрос данной статьи формулируется следующим образом: «Как государственные программы, направленные на цифровую включенность, соотносятся с философскими и этическими концепциями современности?» Проблема рассматривается в контексте анализа общественных и государственных инициатив в Республике Беларусь и Республике Казахстан в области цифровизации.

Материалы и методы

В исследовании применялись герменевтический, сравнительный и исторический методы, а также антропоцентрический подход, контент-анализ государственных программ, статистических данных и философских рассуждений о цифровой включенности. Исследование опирается на официальные документы, законодательные акты и национальные программы цифровизации Казахстана и Беларуси, в том числе «Цифровой Казахстан» на 2018–2022 гг. и «Концепция цифровой трансформации» на 2023–2029 гг., «Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» и «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.,

национальные отчеты и оценки прогресса цифровой трансформации, публикуемые министерствами и правительственными учреждениями, статистические данные международных организаций по оценке показателей цифрового развития и уровня цифровой грамотности. Кроме того, в исследование включена научная литература о цифровой трансформации, цифровой включенности и подходах, ориентированных на человека, в цифровой политике и использовании цифровых практик. Научные статьи, отчеты об исследованиях и экспертный анализ обозначенного проблемного поля дают представление о социальных и этических последствиях цифровизации.

Обзор литературы

Ученые отмечают, что термин «цифровая включенность» является категориальным синтезом понятий «социальная включенность/инклюзия» и «цифровое неравенство» и обозначает «...социально выгодную позицию, достигнутую вследствие успешного освоения цифровых технологий, на основе воздействия механизмов социальной инклюзии, способствующую расширению участия в социальной жизни» [1]. При этом авторы исследования ссылаются также на концепт «цифровая изоляция» (цифровая исключенность), который характеризуется как соци-

ально неблагоприятное положение (с точки зрения образования, квалификации, трудоустройства и т. д.) вследствие отсутствия/нехватки доступа, цифровых навыков, мотивации, ощутимых результатов от использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), специфики социального статуса.

Термину «цифровая изоляция» уделяет большое внимание Е. Хельшпер. В своей статье [2] она подчеркивает сложность и многогранность отчуждения, соответственно, исследование цифрового неравенства не может основываться на индивидуальном

и статичном подходе, а должно предполагать, что оценки личных обстоятельств зависят от социального и временного контекста, следовательно, являются относительными. Е. Хельшпер [3] предлагает теоретическую модель, которая выдвигает гипотезу о влиянии друг на друга конкретных областей цифровой и социальной изоляции. Кроме того, исследователь обращает внимание на гендерный аспект цифровой изоляции. Е. Хельшпер и Б. Райсдорф [4] отмечают, что, во-первых, влияние социальных сетей на гражданское участие различается в зависимости от пола и, во-вторых, позитивное отношение женщин к личным, но не социальным выгодам от использования социальных сетей является сильным предиктором гражданского участия.

На сегодняшний момент цифровое неравенство – один из актуальных вопросов в цифровом дискурсе. Процесс теоретико-методологического осмысления цифрового неравенства начался во второй половине XX в. Первоначально это явление рассматривалось исключительно как экономическое различие по доступности технологий для групп населения, а со временем его стали понимать как более комплексное, системное, отражающее структурное социальное неравенство в условиях сетевого общества. Социологи отмечают, что цифровое неравенство трактуют не столько как качество личности, сколько как категориальные различия между группами людей. Выделяют три уровня цифрового разрыва: первый – доступ к технологиям; второй – владение цифровыми навыками; третий – использование технологий для повышения качества жизни. При этом акцент делается на важности не только технологической доступности, но и социального капитала, мотивации, интеллектуальных и профессиональных навыков, что оказывает значительное влияние на стратификацию общества. Исследователи отмечают, что рост доступности информационных технологий подтверждается улучшением показателей первого уровня цифрового неравенства, но сопровождается снижением среднего уровня цифровых навыков, что указывает на необходимость активно развивать образовательные и мотивационные программы. Кроме того, наблюдается постепенный рост числа пользователей цифровых технологий с целью повысить свой уровень жизни. Однако для устойчивого сокращения цифрового разрыва третьего уровня требуется дополнительная работа, направленная на развитие компетенций в области цифровой экономики [5].

Существует большое количество исследований, в которых изучаются проблемы цифрового неравенства. В специальном тематическом выпуске [6] собраны материалы об инициативах по внедрению цифровых технологий и о научных исследованиях из более чем 20 стран, отражающих многочисленные аспекты, включая различные типы инициатив, а также целевых аудиторий этих инициатив. Авто-

ры указанного выпуска стараются донести данные инициативы не только до академической аудитории, которая стремится расширить свое понимание цифровой включенности, но и до политиков и инициаторов цифровой включенности, которые стремятся расширить охват цифровыми технологиями как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В тематическом выпуске представлены исследования, посвященные аспектам цифровой включенности, охватывающие широкий круг стран, инициатив и групп населения. Приведем основные темы исследований:

- 1) факторы цифровой интеграции:
 - социальная поддержка и ее влияние на цифровое неравенство (Бельгия);
 - роль цифровой грамотности и устойчивых программ для малограмотного населения (Индия, Кения, Сенегал и др.);
 - влияние мобильных телефонов на социальный капитал (Руанда);
- 2) цифровая интеграция у уязвимых групп:
 - гендерные аспекты цифровой грамотности и перераспределение времени у женщин (Испания);
 - препятствия для цифрового обучения людей с ограниченными интеллектуальными возможностями (Германия);
 - особенности использования технологий пожилыми людьми и их влияние на повседневную жизнь (Австрия);
- 3) инициативы и программы:
 - так называемое движение создателей в Европе как способ демократизации цифровых знаний;
 - подходы к развитию цифровых навыков у школьников (США);
 - социализация молодежи через цифровые технологии (Испания);
 - многонациональные инициативы цифровой интеграции в Северной и Южной Америке и Карибском регионе.

Исследования показывают, что успешная цифровая инклюзия зависит от сочетания доступности технологий, цифровой грамотности населения и социальной поддержки. Для эффективного решения проблемы цифрового неравенства важны индивидуальный подход, учет особенностей конкретных групп и раннее внедрение программ цифрового обучения.

Анализ мировой научной литературы показывает, что область цифровой включенности изучалась большим количеством исследователей. Например, М. Перес-Эсколар и Ф. Канет [7] предлагают таксономию, описывающую феномен уязвимых людей и цифровой включенности, и считают, что критерии категоризации могут способствовать проведению дальнейших междисциплинарных исследований для изучения взаимосвязи, существующей между уязвимыми группами населения и включением их в цифровую жизнь.

Л.-Я. Тай, Х.-Т. Тай и Г.-С. Тан [8] в результатах своего исследования показывают, что в развивающихся странах отмечаются устойчивые различия в доступе к цифровым финансовым услугам и их использовании мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, городскими и сельскими жителями.

Некоторые ученые обращают внимание на разные способы использования интернета людьми, так как развитие цифровых технологий не ограничивается вопросами доступа (например, инфраструктура, скорость и стоимость); это компоненты гораздо более широкой и сложной концепции, того, что значит быть включенным. К. Борг и Л. Смит [9] исследуют, как австралийцы пользуются интернетом, применяя детальный подход к измерению поведенческих предпочтений в интернете. В результате телефонных интервью с 1584 респондентами для оценки поведенческих предпочтений в интернете, отношения к интернету, цифровой самооэффективности и доступа к нему ученые делают вывод о полезности уроков для адаптации программ по внедрению цифровых технологий к потребностям конкретных групп пользователей.

Еще одной важной темой является социальная интеграция беженцев, которая актуальна и для са-

мых беженцев, и для принимающих их обществ. А. Андраде и Б. Долин [10] пишут, что ИКТ все чаще рассматриваются как полезный ресурс в программах, которые предоставляют услуги по переселению или способствуют участию в жизни общества. Авторы выходят за рамки традиционного обсуждения проблемы цифрового неравенства и выясняют, что в действительности люди делают и чего достигают с помощью ИКТ. Опираясь на анализ использования ИКТ в конкретных целях более чем 50 беженцами, ученые предполагают, что ИКТ представляют собой ресурс, который дает реализовать пять возможностей: участвовать в информационном обществе, эффективно общаться, понимать новое общество, быть социально связанным и выражать культурную самобытность. Реализуя эти возможности с помощью ИКТ, беженцы проявляют самостоятельность и повышают свое благосостояние таким образом, чтобы эффективно функционировать в новом обществе и восстановить контроль над своей жизнью.

Как можно заметить, исследования в области цифровой инклюзии многообразны и имеют теоретическую и практическую значимость в различных сферах общественной жизни.

Анализ государственных программ цифровизации в Казахстане

В эпоху стремительного развития цифровых технологий для Казахстана все более важным становится вопрос цифровой инклюзии в целях обеспечения равного доступа всех граждан к этим технологиям. Доказательством этому служит проведенная в Астане в сентябре 2024 г. Азиатско-Тихоокеанская министерская конференция по цифровой инклюзии и трансформации. Ее организатором выступила Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) в сотрудничестве с правительством Казахстана. Основная тема конференции – преодоление цифрового разрыва в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обеспечение качественного формирования цифровых навыков, укрепление доверия и безопасности в цифровом пространстве, содействие созданию более инклюзивных цифровых экономик и обществ. В рамках конференции осуществляла работу сессия, посвященная увеличению полномочий и возможностей женщин в сфере ИКТ, т. е. преодолению цифрового гендерного неравенства¹. Помимо этого, в международных рейтингах показатели Казахстана в сфере ИКТ каждый год улучшаются (занимает 24-е место в мировом рейтинге электронного правительства; входит

в тройку лидеров среди стран Центральной и Южной Азии в рейтинге «Global innovation index – 2024»)².

Сегодня Казахстан входит в число 30 оцифрованных стран мира и занимает 8-е место по оказываемым онлайн-услугам. Такие высокие достижения – результат планомерной политики государства в области информационных технологий и реализации государственных программ по цифровизации.

В декабре 2017 г. была принята государственная программа «Цифровой Казахстан» на 2018–2022 гг. (далее – ГП «ЦК»). После завершения реализации этой программы в марте 2023 г. была утверждена Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 гг. (далее – Концепция ЦТ). Имеется множество отчетов и публикаций о результатах реализации ГП «ЦК», которые можно найти в открытом доступе. До недавнего времени существовал официальный сайт, где освещались события, мероприятия, статистика и отчеты, связанные с реализацией данной программы. Далее проанализируем важные и не затронутые ранее в этих документах аспекты.

¹Правительства и IT-специалисты усилят цифровую инклюзию и трансформацию [Электронный ресурс]. URL: <https://er10.kz/meroprijatija/lokalnye-meroprijatija/pravitelstva-i-it-jeksperty-usiljat-cifrovuju-inkluziju-i-transformaciju/> (дата обращения: 20.09.2024).

²Казахстан занял 24 место в мировом рейтинге электронного правительства ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://ortcom.kz/ru/novosti/1726638943> (дата обращения: 20.09.2024); Казахстан вошел в тройку лидеров-стран Центральной и Южной Азии в рейтинге Global Innovation Index-2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/kazakhstan-voshel-v-troyku-liderov-stran-centralnoy-i-yuzhnoy-azii-v-reytinge-global-innovation-index-2024-2685236> (дата обращения: 20.09.2024).

Как мы знаем, важнейшей составляющей любого государства выступает человеческий капитал. И будущее казахстанского общества зависит от уровня развития и качества его человеческого капитала. Однако развитие и ценность человеческого капитала во многом определяется конкурентоспособностью и качеством образования.

В государственной программе «Цифровой Казахстан» развитие человеческого капитала является четвертым приоритетом программы, после таких приоритетов, как цифровизация секторов экономики, переход к цифровому государству и развитие инфраструктуры для передачи, хранения и обработки данных. Развитие человеческого капитала связано с «трансформациями, включающими создание так называемого креативного общества для обеспечения перехода к новым реалиям – экономике знаний»³. Однако в документе не дается пояснение, что подразумевается под креативным обществом и экономикой знаний.

Согласно приоритету «развитие человеческого капитала» в данной программе были определены задачи повышения цифровой грамотности через формальное (в образовательных учреждениях) и неформальное образование (обучение и переподготовка)⁴. В задачах акцент делается только на трудоспособном населении Казахстана, тогда как люди с особыми потребностями, разных возрастных категорий, сельские жители или малообеспеченные слои населения не упоминаются.

Концепция ЦТ направлена на улучшение качества жизни людей через внедрение современных технологий⁵. В данной программе развитию человеческого капитала уделяется больше внимания, чем в предыдущей программе, и утверждается, что человеческий капитал является «ключевым фактором стимулирования инноваций», обозначая один из принципов программы – человекоцентричность.

В Концепции ЦТ в разделе анализа текущей ситуации подчеркивается, что потребность в ИКТ-кадрах растет с каждым годом, наблюдается значительное увеличение затрат на обучение сотрудников, связанных с разработкой и использованием ИКТ, уровень узконаправленных ИКТ-специалистов остается низким, возрастает необходимость в кадрах с современными навыками. В связи с этим в Концепции ЦТ целевыми показателями выступают поддержка

и продвижение школ программирования, а также подготовка высококвалифицированных ИКТ-кадров. На каждый год запланирована подготовка 350 тыс. человек, однако в индикаторах не указаны группы целевой аудитории.

В документе также говорится, что «будут разработаны механизмы стимулирования научно-исследовательской деятельности организаций Республики Казахстан, открыты школы предпринимательства, а также привлечены крупные международные ИТ-компании для создания их исследовательских центров»⁶. Однако последний аспект не нашел отражения в целевых показателях.

С внедрением Концепции ЦТ увеличено количество электронных государственных услуг как для физических, так и для юридических лиц, внедрены новые цифровые решения и платформы, в том числе платформы для систематизации запросов граждан Eotinish, QazTech и др., начата реализация проектов «Социальный кошелек», «Реестр отечественных товаропроизводителей», «Онлайн-нотариус», разработан Цифровой кодекс Республики Казахстан, введены новые нормативные требования для повышения качества связи и антифрод-системы для сокращения мошеннических звонков, утверждены законодательные нормы по цифровой трансформации, принята Концепция по развитию искусственного интеллекта на 2024–2029 гг. Развитие человеческого капитала поддерживается благодаря открытию центра Alem.AI на базе ЭКСПО Нур Алем, который станет ключевой площадкой для обучения специалистов, стимулирования научных инициатив и развития стартапов в сфере искусственного интеллекта⁷.

Однако как в ГП «ЦК», так и в Концепции ЦТ основной акцент сделан на молодежи и трудоспособном населении среднего возраста, что свидетельствует о недостаточном учете принципов включенности, несмотря на заявленный антропоцентричный подход в этих программах.

В данных документах одной из основных целей является нивелирование цифрового неравенства посредством повышения уровня компьютерной грамотности и обеспечения широкополосным доступом в интернет жителей сельских населенных пунктов по технологии волоконно-оптических линий связи.

Наличие персональных гаджетов, интернета, электронных услуг, реализация государственных

³Цифровой Казахстан: что изменилось в стране за год [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/tehnology/83781/tisirovoy-kazakhstan-chto-izmenilos-v-strane-za-god.html> (дата обращения: 28.09.2024).

⁴Там же.

⁵Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269> (дата обращения: 05.09.2024).

⁶Там же.

⁷Итоги полугодия: внедрение новых онлайн-сервисов, развитие инфраструктуры связи и искусственный интеллект [Электронный ресурс]. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-polugodiya-vnedrenie-novykh-onlayn-servisov-razvitiye-infrastruktury-svyazi-i-iskusstvennyy-intellekt-28917> (дата обращения: 05.11.2024).

программ – не показатель цифровизации и цифровой грамотности. С введением вышеупомянутых программ резко возрастает необходимость не только в формировании компьютерных навыков, но и в обучении правилам цифровой безопасности и принципам цифровой гигиены. Особенно уязвимыми в этом плане будут представители таких возрастных групп, как дети, подростки, пожилые, а также социально незащищенные слои населения, люди с ограниченными возможностями, эмигранты. С учетом резкого роста кибермошенничества недостаточно делать акцент только на курсах по компьютерной грамотности. Назрела острая необходимость повышать уровень цифровой (правовой) грамотности среди специалистов в сфере ИКТ, руководителей и населения, как это обозначено в Концепции ЦТ, обучать цифровой безопасности и интернет-гигиене в первую очередь уязвимые слои населения. Данный вопрос так же важен, как и вопрос о присоединении к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных⁸.

Несмотря на заявленные результаты реализации ГП «ЦК», высокие показатели индикаторов программы вызывают сомнения относительно прозрачности и корректности данных. При анализе отчетов о реализации программ наблюдаются расхождения, например в статистических данных об уровне цифровой грамотности населения (как подприоритета развития человеческого капитала). Так, согласно информации Счетного комитета уровень цифровой грамотности населения на конец 2020 г. составил 84,1 %, увеличившись на 4,5 % за последние три года. Однако, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, «менее 30 % имеют базовые навыки в области ИКТ». Согласно одним данным, за 2019 г., 43 % сельской местности были обеспечены интернетом⁹, тогда как согласно другим данным, по состоянию на 2024 г., – 41 %¹⁰.

Анализ государственных программ цифровизации в Беларуси

Беларусь, подобно Казахстану, выбрала курс на цифровизацию, определив его как одно из ключевых направлений развития страны: она развивает цифровую трансформацию, делая акцент на создании цифровой инфраструктуры, повышении цифровой грамотности населения, внедрении современных технологий в экономику, образование, государственное управление и другие сферы для повышения их доступности и эффективности.

Эксперты, изучая интернет-контент, сайты, мобильные приложения, отмечают их низкий уровень доступности для людей с особыми потребностями, а также указывают, что программа цифровизации в Казахстане не инклюзивна, дизайн электронного правительства, банковских мобильных приложений не соответствует национальным и международным нормативным документам, в частности международному стандарту WCAG 2.0 и WCAG 2.1. Политика Казахстана по защите прав инвалидов не учитывает их права на доступ к цифровым продуктам.

Некоторые целевые индикаторы программы не конкретны, отсутствует единая система оценки достигнутых результатов и запланированных мероприятий, что сигнализирует о необходимости пересмотреть критерии измеримости и оценки реализации программ цифровизации, улучшения методологии их оценки, системы мониторинга и их учета при принятии государственных программ в последующем. Несмотря на усилия по развитию инфраструктуры, все еще нужно обеспечить равный доступ к цифровым услугам всех слоев населения, включая сельских жителей и жителей отдаленных регионов. Следует повысить уровень цифровой грамотности населения, особенно пожилых людей и социально уязвимых групп. Возрастает необходимость в усилении мер по защите персональной информации граждан, повышении доверия к цифровым сервисам, популяризации интернет-гигиены и пропаганде цифровой безопасности. Следует показывать не только успехи, но и проблемные точки, что будет способствовать дальнейшему цифровому развитию страны.

В целом Казахстан демонстрирует значительные успехи в цифровой трансформации, ориентированной на улучшение качества жизни граждан. Однако для реализации антропоцентрического подхода необходимо продолжать работу над доступностью цифровой среды, образованием и безопасностью в цифровой среде.

Основные показатели цифровизации в международных рейтингах демонстрируют, что Беларусь является перспективным государством по уровню цифровой трансформации экономики и общества [11]. Позиция страны в международном рейтинге определяется по ряду показателей, таких как уровень доступа к широкополосному интернету и скорость передачи данных, уровень цифровой грамотности населения, наличие цифровых государственных

⁸Концепция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034061&pos=1;-16#pos=1;-16. (дата обращения: 15.10.2024).

⁹Цифровой Казахстан: что изменилось в стране за год [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/tehnology/83781/tsifrovoy-kazakhstan-chto-izmenilos-v-strane-za-god.html> (дата обращения: 28.09.2024).

¹⁰Новости Сената Парламента [Электронный ресурс]. URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/blog/948/news/details/31126> (дата обращения: 12.11.2024).

услуг, уровень использования цифровых технологий в различных отраслях экономики, инвестиций в развитие цифровой экономики и инфраструктуры, защиты информации и кибербезопасность. По отдельным показателям Беларусь занимает позиции выше, чем Казахстан и Россия [11].

Благоприятное воздействие для цифровой трансформации и достижения показателей в мировых рейтингах оказали принятые ранее программы. С 2016 по 2020 г. была реализована государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества, которая позволила создать необходимую информационно-коммуникационную инфраструктуру, способствовавшую развитию современных технологий электронного правительства и сервисов на их основе и осуществлению цифровой трансформации процессов в различных отраслях экономики. Дальнейшая стратегия цифрового развития отражена в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О Государственной программе “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы»¹¹.

Основными задачами программы выступали развитие ИКТ-инфраструктуры, внедрение электронных госуслуг, создание инновационной экосистемы, повышение уровня цифровой грамотности населения. Исходя из задач программы были запланированы и реализованы следующие мероприятия: обеспечение доступности широкополосного интернета, модернизация телекоммуникационных сетей и создание единого цифрового пространства для государственных и частных организаций, разработка и внедрение Единого портала электронных услуг, предоставляющего доступ к административным процессам и сервисам для граждан и бизнеса, создание и развитие Парка высоких технологий как центра инноваций ИКТ, поддержка стартапов и стимулирование инвестиций в ИКТ-сектор. Начата реализация проекта «Электронная школа», в рамках которой было разработано программно-методическое обеспечение для Республиканской информационно-образовательной среды¹².

Реализация данных мероприятий оказала положительный эффект на экономическое и социальное развитие Беларуси. Так, в 2018 г. экспорт ИКТ-услуг превысил долю импорта услуг в четыре раза, создание экосистемы для ИКТ-компаний стимулировало

рост стартапов и привлекло международные инвестиции, Единый портал электронных услуг предоставил гражданам доступ к более чем 300 сервисам, были упрощены процессы получения документов и регистрации, что способствовало повышению прозрачности госуслуг [12].

Следует отметить недостаточную антропоцентрическую направленность программы цифровизации. Изначально она была ориентирована на развитие технологий и не полностью учитывала потребности различных групп населения, включая пожилых людей, людей с инвалидностью и жителей сельских районов. Не все интернет-платформы адаптированы для пользователей с особыми потребностями. Несмотря на то что программа была ориентирована на сокращение цифрового разрыва, а также на высокий уровень проникновения интернета в населенные пункты, до настоящего времени имеется разрыв между городскими и сельскими регионами, поскольку программы обучения цифровой грамотности охватывали преимущественно молодежь и оставляли без внимания пожилых людей и другие уязвимые группы населения. Это привело к недостаточной адаптации электронных сервисов под реальные запросы пользователей.

В феврале 2021 г. была принята новая государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Целью данной программы выступает обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества. В рамках программы на 2023 г. реализовано 71 мероприятие. Среди основных достижений за 2021–2023 гг. можно выделить создание специализированных информационных систем, способствующих оцифровке данных, автоматизации бизнес-процессов и созданию электронных сервисов для граждан и организаций. Это такие автоматизированные информационные системы (АИС), как «Гуманитарная деятельность», «Награды», «Конфискат»¹³.

В 2024 г. программа была дополнена новыми инициативами, среди которых можно выделить перевод в электронную форму регистрации по месту жительства и обмен водительских удостоверений, модернизация государственной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц¹⁴. Годом

¹¹О государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 фев. 2021 г., № 66 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025.

¹²Информация о ходе выполнения Государственной программы в 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/informaciya-o-hode-vypolneniya-gosudarstvennoy-programmy-v-2019-godu> (дата обращения: 18.02.2025).

¹³Минсвязи: в Беларуси подведены итоги выполнения государственной программы в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/minsvyazi-v-belarusi-podvedeny-itogi-vypolneniya-gosudarstvennoy-programmy-v-2023-godu.html> (дата обращения: 18.02.2025).

¹⁴Какие цифровые проекты выполнены и что можно ожидать в 2024 году от государственной программы цифровое развитие Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/kakie-cifrovyie-proekty-vypolneny-i-chto-ozhidat-v-2024-godu-ot-gosudarstvennoy-programmy-cifrovoe> (дата обращения: 18.02.2024).

ранее, в ноябре 2023 г., был принят Указ № 381 «О цифровом развитии»¹⁵, который определяет приоритетные направления цифровизации до 2030 г., включая промышленность, образование, медицину, транспорт и другие сферы.

За период 2021–2023 гг. Беларусь достигла значительных успехов в цифровизации, реализовав ряд ключевых проектов и заложив основу для формирования цифровой инклюзии. Так, сайт «Правовой форум Беларуси» был модернизирован для повышения доступности и удобства использования, платформа учета льгот облегчила доступ к информации для граждан, нуждающихся в поддержке, модернизированная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц упростила подачу и отслеживание заявок¹⁶.

Многие цифровые проекты в рамках государственной программы ориентированы на массового пользователя, что ограничивает возможности персонализации. Системы недостаточно учитывают потребности уязвимых групп: людей с ограниченными возможностями и пожилого возраста, жителей сельской местности. Неравномерное развитие инфраструктуры в разных регионах страны (город, село) усложняет доступ к цифровым услугам. Создание

некоторых АИС, например «Конфискат», не имеет прямого влияния на интересы граждан и отражает в большей мере только административные цели государства.

Программа развития цифровой экономики и информационного общества в Беларуси на 2016–2020 гг. стала важным шагом на пути к цифровой трансформации страны. Она позволила укрепить позиции ИКТ-сектора, внедрить цифровые госуслуги и модернизировать инфраструктуру. Однако недостаточный учет антропоцентрического аспекта ограничил ее влияние на улучшение качества жизни всех групп населения.

Отметим, что человекоориентированный подход не стал в полной мере ключевым и при разработке программы цифровизации на 2021–2025 гг., несмотря на ощутимые результаты ее реализации в 2021–2023 гг. Для повышения цифровой включенности мало только автоматизировать процессы, необходимо также учитывать разные потребности каждого человека, обеспечивая доступность, удобство и безопасность цифровых решений. Для достижения более высоких результатов в будущем необходимо активно интегрировать человекоцентричный подход в разработку и реализацию подобных инициатив.

Заключение

В статье проведен анализ цифровой включенности населения и равного доступа к цифровым технологиям в социально-философском контексте с акцентом на государственные стратегии Казахстана и Беларуси. Результаты исследования демонстрируют, что, несмотря на социально-экономические различия стран, обе активно разрабатывают программы, направленные на сокращение цифрового неравенства и включение всех групп населения в цифровую трансформацию.

Анализ философского дискурса цифровой включенности в контексте указанных программ показывает, что обе страны рассматривают ее не только как инструмент социальной справедливости, но и как важный фактор устойчивого развития и укрепления человеческого капитала. Философский и социологический анализ цифровой включенности обогащает понимание ее этических и социальных оснований, подчеркивая важность соразмерности между технологическим развитием и гуманистическими ценностями.

Безусловно, информационные технологии упрощают жизнь людей, а реализация государственных программ по цифровизации дает обществу эту возможность. Вместе с тем анализ программы указывает на существование некоторых проблем, решению

которых следует уделить внимание. Необходимо больше учитывать особенности регионов, возрастных или социальных групп, разрабатывать мероприятия для включения в процессы цифровизации уязвимых групп (люди с инвалидностью, пожилые, сельские жители), адаптировать цифровые платформы к различным когнитивным и физическим потребностям, на постоянной основе проводить мониторинг оценки цифровых программ с обеспечением обратной связи и учета потребностей пользователей, концентрируясь на внедрении инфраструктуры и технологий (5G, электронные порталы), запланированные мероприятия должны быть адаптированы к потребностям населения.

Отсутствие антропоцентрического подхода в программах снижает их эффективность и усложняет достижение полной цифровой включенности.

На основе вышеизложенного для достижения цифровой включенности можно рекомендовать:

- разработать адаптивные интерфейсы для электронных услуг, цифровых сервисов, мобильных приложений;
- разработать образовательные курсы и программы по повышению цифровой грамотности населения для каждой категории граждан с учетом

¹⁵О цифровом развитии : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2023 г., № 381 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». Минск, 2025.

¹⁶Отчеты о ходе реализации Государственной программы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/otchety-o-khode-realizacii-gosudarstvennoy-programmy> (дата обращения: 18.02.2024).

возраста, социальной группы, экономического положения, имеющегося опыта в сфере ИКТ, гендера, регионального аспекта, особых потребностей;

- увеличить охват образовательными курсами и программами по цифровой грамотности, включая пожилых людей, жителей сельской местности и людей с особыми потребностями;
- обеспечить мониторинг общественного мнения о качестве и удобстве цифровых сервисов в целях ситуационной доработки, адаптации и модернизации действующих программ;
- увеличить инвестиции в развитие интернет-инфраструктуры в сельских районах;
- создать локальные центры цифровой грамотности и доступности в малых городах и деревнях.

Для дальнейшего совершенствования государственных стратегий цифровой включенности необходимы более глубокие исследования взаимосвязи между развитием цифровых технологий, культурным контекстом и социальными потребностями населения. Это позволит формировать более эффективные подходы к цифровизации, обеспечивая равные возможности для всех граждан, вне зависимости от их социального положения или места проживания.

Таким образом, философское и социологическое осмысление цифровой включенности создает базу для разработки цифровой стратегии, делая ее более ориентированной на человека и соответствующей принципам социальной справедливости.

Библиографические ссылки

1. Плотицкина НВ. Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020;58:216–226. DOI: 10.17223/1998863X/58/20.
2. Helsper EJ. The social relativity of digital Exclusion: applying relative deprivation theory to digital inequalities. *Communication Theory*. 2017;27(3):223–242. DOI: 10.1111/comt.12110.
3. Helsper EJ. A corresponding fields model for the links between social and digital exclusion. *Communication Theory*. 2012;24(2):403–426. DOI: 10.1111/j.1468-2885.2012.01416.x.
4. Helsper EJ, Reisdorf BC. The emergence of a «digital underclass» in Great Britain and Sweden: changing reasons for digital exclusion. *New Media & Society*. 2017;19:1253–1270.
5. Юдина МА. Влияние цифровизации на социальное неравенство. *Уровень жизни населения регионов России*. 2020;16(1):97–108. DOI: 10.1918/lsprr.2020.16.1.10.
6. Reisdorf B, Rhinesmith C. Digital inclusion as a core component of social inclusion. *Social Inclusion*. 2020;8(2):132–137. DOI: 10.17645/si.v8i2.3184.
7. Pérez-Escobar M, Canet F. Research on vulnerable people and digital inclusion: toward a consolidated taxonomical framework. *Universal Access in the Information Society*. 2023; 22(3):1059–1072.
8. Lee-Ying Tay, Hen-Toong Tai, Gek-Siang Tan. Digital financial inclusion: a gateway to sustainable development. *Heliyon*. 2022;8(6):e09766. DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e09766.
9. Borg K, Smith L. Digital inclusion and online behavior: five typologies of Australian Internet users. *Behaviour & Information Technology*. 2018;37(2):367–380. DOI:10.1080/0144929X.2018.1436593.
10. Andrade AD, Doolin B. Information and communication technology and the social inclusion of refugees. *MIS Quarterly: Management Information Systems*. 2016;40(2):405–416. DOI:10.25300/MISQ/2016/40.2.06.
11. Калиновская ИН. Анализ уровня цифровизации экономики Республики Беларусь и ее регионов. *Вестник Витебского государственного технологического университета*. 2023;2:82–94. DOI:10.24412/2079-7958-2023-2-82-94.
12. Ермакова ЭЭ. Цифровая трансформация экономики Беларуси. В: Омелянюк АМ, редактор. *Инновации: от теории к практике*. Брест: Брестский государственный технический университет; 2019. с. 157–161.

Статья поступила в редакцию 22.02.2025.
Received by editorial board 22.02.2025.

АМФИБОЛИЯ ИИ: ЗАПРЕТИТЬ НЕЛЬЗЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ 2.0

А. А. ПОТАПЕНКО¹⁾, А. А. ПОХОМОВА¹⁾, Л. В. ФИЛИНСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены актуальные среди академического сообщества вопросы применения искусственного интеллекта в образовании. На основе эмпирических данных, полученных в результате опроса студентов и преподавателей, а также глубинных интервью со студентами и преподавателями, анализируются практики использования искусственного интеллекта в учебной деятельности. Данные свидетельствуют о том, что студенты активно применяют нейросети для поиска информации, выполнения заданий, генерации идей, перевода текстов на иностранный язык, для проверки собственных знаний. Однако они сохраняют скептическое отношение к результатам деятельности искусственного интеллекта: средняя оценка доверия составляет 5,51 балла по 10-балльной шкале. Отмечено, что абсолютное большинство преподавателей замечает применение технологий генеративного искусственного интеллекта в студенческих работах, при этом сами они редко используют инструменты искусственного интеллекта. Подчеркнуто, что, кроме очевидных преимуществ применения искусственного интеллекта, существуют проблемы и риски, которые могут снижать качество подготовки специалистов с высшим образованием. Рассмотрен опыт университетов разных стран в попытке регламентировать применение искусственного интеллекта. Отмечена необходимость подготовки соответствующих документов, которые будут определять нормы и правила использования систем искусственного интеллекта в учреждениях высшего образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; образование; опыт применения искусственного интеллекта преподавателями и студентами; регламент использования искусственного интеллекта в системе высшего образования; академическая честность.

Благодарность. Коллектив авторов выражает благодарность профессорско-преподавательскому составу факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета за участие в опросе, а также студентам 2-го курса специальности «социальные коммуникации» за помощь в проведении глубинных интервью со студенческой молодежью.

Образец цитирования:

Потапенко АА, Похомова АА, Филинская ЛВ. Амфиболия ИИ: запретить нельзя использовать 2.0. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025; 2:57–68.
EDN: LYUXSJ

For citation:

Potapenko AA, Pokhomova AA, Filinskaya LV. AI amphiboly: forbid cannot use 2.0. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2:57–68. Russian.
EDN: LYUXSJ

Авторы:

Артём Андреевич Потапенко – студент факультета философии и социальных наук.

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Artsiom A. Potapenko, student at the faculty of philosophy and social sciences.

aapotapenko1@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0007-2110-0229>

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; head of the department of social communications, faculty of philosophy and social sciences.

pakhom@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-8627-953X>

Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

filinskalv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4133-5416>

AI AMPHIBOLY: FORBID CANNOT USE 2.0

A. A. POTAPENKO^a, A. A. POKHOMOVA^a, L.V. FILINSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Pokhomova (pakhom@bsu.by)

Abstract. The paper considers the actual issues of application of artificial intelligence (AI) in education, which have aroused increased interest among the academic community. On the basis of empirical data obtained through a survey of 3rd and 4th year students of Belarusian State University, lecturers of the faculty of philosophy and social sciences of BSU, as well as in-depth interviews with teachers and students, the practices of using AI in educational activities are analysed. The obtained data show that students actively use neural networks to search for information, perform tasks, generate ideas, translate information into a foreign language, and check their own knowledge, but they remain sceptical about the results of AI activity: the average confidence score is 5.51 points on a 10-point scale. It is stated that the absolute majority of lecturers notice the use of generative AI technologies in students' works. The lecturers themselves make little use of AI tools. It is emphasised that the obvious advantages of AI application are accompanied by problems and risks that can significantly worsen the quality of training of specialists with higher education. The experience of regulating the use of artificial intelligence in universities of different countries is considered. It is noted that it is necessary to prepare relevant documents defining the norms and rules for the use of AI systems in the system of higher education.

Keywords: artificial intelligence; education; experiences of teachers and students using artificial intelligence; regulations on the use of artificial intelligence in higher education; academic integrity.

Acknowledgement. The team of authors expresses its gratitude to the teaching staff of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University for participation in the survey of faculty members, as well as to the 2nd year students of the speciality «Social Communications» for their assistance in conducting in-depth interviews with student youth.

Введение

С 2024 г. в научном сообществе заметно усилилось внимание к проблемам развития и применения искусственного интеллекта (ИИ), его влияния на общество. Рост публикаций по указанной теме обусловлен стремительным внедрением ИИ-технологий в повседневную жизнь и необходимостью осмысливать их последствия для человека (например, какие изменения произойдут на рынке труда или какой объем дезинформации, подделок, дипфейков проникнет в социальную действительность). Особое внимание у исследователей вызывают вопросы использования ИИ в образовании: от персонализированных обучающих систем (чат-боты и виртуальные помощники, адаптивные интерактивные учебники), автоматизированной оценки работ, прогнозирования будущей успеваемости до автоматизации учебного процесса. Вопросы активного использования генеративного ИИ, нейросетей и трансформации традиционных подходов к обучению и воспитанию детей требуют не только пересмотра образовательных методик, переосмысления роли преподавателя, но и разработки новых этических и педагогических стандартов.

Анализ литературы и мнений экспертов, практиков о статусе и роли нейросетей демонстрирует

многоплановость данного феномена. Так, для его понимания необходимо уяснить:

- каковы онтологические основания деятельности, которые трансформируются под воздействием новых технологий [1];
- что значит дать/получить высшее образование в эпоху ИИ, возникнет ли опасность формирования взаимозависимости «машина – машина», связанная с развитием автономных агентов, в том числе в сфере высшего образования [2];
- какие требования следует предъявлять к преподавателю в период распространения ИИ¹ [3];
- какова должна быть политика образовательной организации относительно соблюдения студентами авторской этики и ИИ-плагиата [4];
- как необходимо трансформировать учебные материалы и задания с учетом возможности применения студентами ИИ для их выполнения; что надо изменить в учебных планах и в системе компетенций, как следует формировать культуру использования современных технологий [5];
- каким должен быть официальный регламент использования ИИ в высшем учебном заведении, нужен ли в связи с этим единый документ для учреждений высшего образования страны или следует учитывать специфику учебного заведения² [6].

¹Влияние искусственного интеллекта на образование // Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»: сайт. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadryii/2024_vliyanie_iskusstvennogo_intellekta_na_obrazovanie_ano_cifrovaya_ekonomika/ (дата обращения: 01.03.2025).

²НИУ ВШЭ первым из российских университетов разработал и утвердил Декларацию этических принципов использования ИИ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/937054242.html> (дата обращения: 10.03.2025).

Многоплановость рассматриваемого феномена требует междисциплинарного подхода и оперативного включения сообщества ученых в организацию и проведение исследований, которые позволят понять, как нейросети влияют на образовательные процессы, какие вызовы они создают и какие возможности открывают. Социологические исследования,

осуществляемые в мониторинговом режиме по единой методике в учебных заведениях Беларуси, дадут возможность выявить отношение студентов, преподавателей, администрации к использованию ИИ, разработать рекомендации для интеграции технологий в образовательную среду. Начало таким исследованиям было положено в 2024 г. [4; 7; 8].

Материалы и методы

В статье представлены результаты исследований, проведенных в Белорусском государственном университете (БГУ) в 2024 и 2025 гг. Авторы использовали следующие методы сбора информации: количественные (анкетный опрос студентов и преподавателей) и качественные (глубинные интервью со студентами и преподавателями). Анкетный онлайн-опрос студентов 3–4-го курсов 15 факультетов БГУ, Института бизнеса БГУ, Международного экологического института имени А. Д. Сахарова БГУ был проведен в ноябре – декабре 2024 г., объем выборочной совокупности составил 1359 респондентов. Цель исследования – изучение восприятия ИИ студентами БГУ, практик его использования в учебной и будущей профессиональной деятельности, а также выявление отношения молодежи к ИИ и ее мнения о преимуществах и рисках применения технологий ИИ, об уровне доверия к ним.

В феврале – марте 2025 г. был проведен опрос профессорско-преподавательского состава (ППС) факультета философии и социальных наук (ФФСН) БГУ. Объем выборочной совокупности составил 62 респондента. Цель исследования – изучить восприятие генеративного ИИ и практики его использования в образовательной и научной деятельности преподавателями указанного факультета, а также выявить мнение ППС о влиянии ИИ на академическую честность студентов, о необходимости регулировать применение ИИ при подготовке выпускной квалификационной работы (ВКР).

Сбор первичной социологической информации методом анкетного опроса был осуществлен посредством платформы Google Forms.

В марте 2024 г. и в 2025 г. авторы провели глубинные интервью с преподавателями ФФСН (4 человека) и студентами БГУ (12 человек) для детального изучения опыта применения ИИ разными участниками образовательного процесса, их отношения к регламентации нормативными документами применения ИИ в ходе решения профессиональных и учебных задач.

Кроме того, в рамках исследования был проведен эксперимент, направленный на изучение использования ИИ при выполнении письменных заданий студентами 3-го курса дневного и заочного отделений ФФСН, а также студентами 1-го курса экономического факультета³. Участникам эксперимента предложили написать эссе на заданную тему. После завершения работы преподаватель и студент 4-го курса ФФСН, выступившие в роли экспертов, проанализировали тексты на предмет наличия признаков использования ИИ. Для этого применялись методы качественного анализа текста.

На следующем этапе эксперимента студенты были опрошены для выяснения факта использования ИИ при подготовке эссе и установления перечня решаемых при этом задач: формулировка промпта, способ применения ИИ (генерирование идеи, разработка структуры текста, подготовка черновика, редактирование текста и др.). Данные, полученные в результате опроса, были сопоставлены с оценками экспертов (преподавателя и студента) для определения точности идентификации текстов, созданных с помощью ИИ.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим результаты анкетного опроса респондентов. Абсолютное большинство студентов 3-го и 4-го курсов БГУ (87,3 %) ответили, что приме-

няют ИИ. Наиболее активными пользователями являются представители экономического (93,4 %) и технического (91,3 %) профилей обучения⁴ (рис. 1).

³Эссе на тему «Хочу/не хочу, могу/не могу быть предпринимателем» студенты 3-го курса ФФСН писали в рамках дисциплины «Социология предпринимательства», студенты 1-го курса экономического факультета – при подготовке к семинарскому занятию на тему «Социальные группы и отношения».

⁴Для дальнейшего анализа респонденты были распределены по четырем профилям обучения: естественно-научный – студенты факультета географии и геоинформатики, химического, биологического факультетов, Международного экологического института имени А. Д. Сахарова, физического факультета; технический – студенты факультета прикладной математики и информатики, радиофизики и компьютерных технологий, физического, механико-математического факультетов; гуманитарный – студенты филологического факультета, факультетов философии и социальных наук, журналистики, международных отношений, социокультурных коммуникаций, юридического факультета; экономический – студенты экономического факультета и Института бизнеса БГУ.

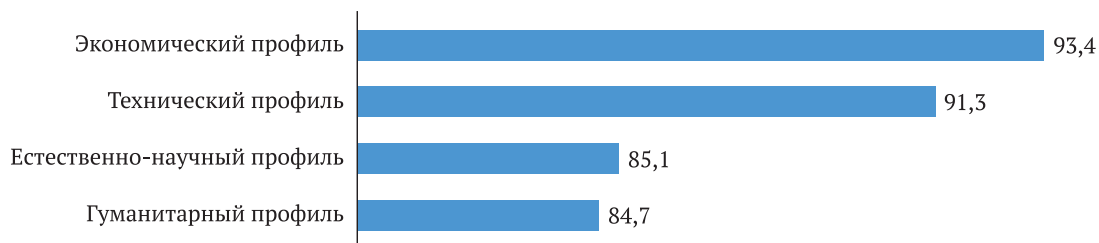

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам пользоваться ИИ?» в зависимости от профиля обучения, %

Fig. 1. Distribution of answers to the question «Have you had to use artificial intelligence?» according to the profile of education, %

Почти половина обучающихся (48,3 %) обращаются к ИИ ежедневно либо несколько раз в неделю; трое из четырех опрошенных используют бесплатные приложения/сервисы, а каждый десятый студент экономического профиля уже осваивает платные приложения.

Более половины опрошенных студентов БГУ (53,8 %) оценили важность использования ИИ в образовательном процессе на 8–10 баллов. Для оценки использовалась 10-балльная шкала, где 1 – совсем не важно, 10 – очень важно. Минимальные оценки (1–3 балла; не важно) выставили 8,5 % респондентов.

Значительная часть студенческой молодежи (45,4 %) хотела бы увеличить долю ИИ в своей жизни при его расширенных возможностях (рис. 2).

Для описания целей применения ИИ используем данные анкетного опроса студентов БГУ и глубинных интервью, а также информацию, полученную

в ходе эксперимента (рис. 3). Результаты исследования свидетельствуют о том, что чаще всего возможности нейросетей используются для образовательных целей, в том числе для поиска полезной информации (84,8 %), выполнения учебных заданий, в том числе для поиска ответов, систематизации материала (46,1 %), перевода информации на любой иностранный язык (28,0 %) и проверки собственных знаний, написания тестов (24,0 %). При написании курсовых/научных работ, эссе и выполнении профессиональной деятельности к ИИ обращаются соответственно 16,2 и 17,9 % опрошенных студентов. Среди других целей использования ИИ были названы: для творчества; для развлечения; беседу с чатом; для систематизации личных задач по пунктам; поиск интересных фактов; для составления меню и фитнес-программ⁵.

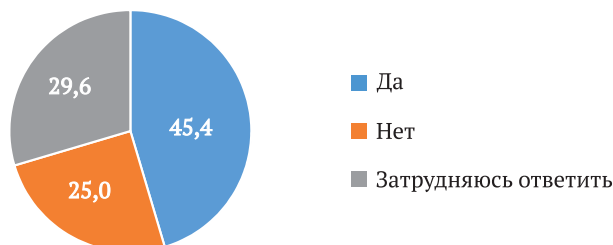

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Хотелось бы Вам увеличить долю ИИ в своей жизни при его расширенных возможностях?», %

Fig. 2. Distribution of answers to the question «Would you like to increase the proportion of artificial intelligence in your life with its enhanced capabilities?», %

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «С какой целью Вы используете ИИ?», %

Fig. 3. Distribution of answers to the question «For what purpose do you use artificial intelligence?», %

⁵Здесь и далее курсивом приведены высказывания респондентов.

Будущие экономисты и представители технического профиля обучения чаще других используют ИИ для выполнения профессиональной деятельности

(в рамках работы), проверки собственных знаний, написания тестов, написания курсовых/научных работ, эссе (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «С какой целью Вы используете ИИ?»
в зависимости от профиля обучения, %

Table 1

Distribution of answers to the question «For what purpose do you use artificial intelligence?»
depending on the profile of education, %

Цель использования	Профиль обучения			
	Естественно-научный	Технический	Гуманитарный	Экономический
Образовательная (поиск полезной информации)	87,1	90,3	80,5	83,1
Выполнение учебных заданий (поиск ответов, систематизация материала)	46,5	48,6	44,0	47,3
Написание курсовых/научных работ, эссе	12,9	20,9	13,9	20,5
Проверка собственных знаний, написание тестов	20,9	33,7	20,0	24,1
Выполнение профессиональной деятельности (в рамках работы)	14,2	22,2	14,2	27,6
Перевод информации на любой иностранный язык	31,9	29,5	23,9	29,5
Другое	2,1	0,8	2,5	1,8

Более информативной и разнообразной оказалась информация о способах написания эссе, полученная от студентов 1–3-го курсов, 80,2 % которых использовали нейросети. Приведем пояснения респондентов относительно решаемых с помощью ИИ задач.

1. Цели использования ИИ – генерация идей:

- ИИ помог создать план, структуру, «скелет», определить ключевые моменты, которые потом раскрывались, сформулировать выводы; Помог сформулировать предложение и оформить мысль;
- Я задавала огромное количество промптов, чтобы понять, как и о чем написать, возможно, было бы легче написать текст самостоятельно, без помощи ИИ;
- Использовал, чтобы перефразировать некоторые абзацы; Использовал общие утверждения, дополнял своими мыслями, исходя из жизненного опыта; Использовал для написания первого и заключительного абзацев; Сгенерировал несколько раз, прочитал, вдохновился и сам потом написал;
- ИИ подсказал несколько важных аргументов, но большую часть текста и заключение писала сама, так как эссе должно содержать эмоциональную окраску и личное отношение автора;
- Использовал в DeepSeek глубокое мышление R1⁶;
- Использовал ИИ для уточнения грамматики, улучшения структуры текста, но все идеи и приме-

ры мои; Использовал для вдохновения; Использовала ради кусочков идей; Я никогда не думал над темой эссе, а чат помог мне, за что я ему благодарен.

2. Применение ИИ для написания основного объема текста:

- Использовал для добавления красочности и увеличения объема; Добавил в мой текст синонимы; Попросила увеличить объем текста на 50–100 слов;
- Попросила написать эссе на заданную тему, а потом отредактировала самостоятельно текст с учетом моих черт характера; Использовал ИИ, чтобы он грамотно за меня построил текст с логическими переходами, а потом корректировал под себя, 30 % текста было изменено;
- Половина данного эссе была написана ИИ. Почему? Потому что не успевала дописать до конца и мысль не шла до конца. Стыдно мне? Да, потому что моих сил не хватило на написание двухстраничного эссе, а что уже говорить о курсовой?! В свое оправдание хочу сказать, что мы только учимся...;
- ИИ написал, а я убрал те мысли, с которыми был не согласен; Не успевал написать эссе, в 3 часа ночи попросил это сделать ИИ, но потом пришлось долго править, так как было много тавтологии;
- Почти полностью переписал сгенерированный текст, подбирая правильные слова и делясь своими мыслями;

⁶Глубокое мышление R1 в DeepSeek – это уровень обработки информации, который предполагает углубленный анализ, синтез и интерпретацию данных для решения сложных задач. R1 указывает на способность модели к многоуровневому мышлению, что позволяет ей эффективно работать с комплексными вопросами и предоставлять качественные, обоснованные данные.

• Эссе сгенерировалось за несколько секунд, но пришлось потратить минут 10–15 на рецензирование и редактирование, менял некоторые утверждения;

• Написал тезисы и дал задание – раскрой тему эссе, обязательно используя мои тезисы.

Не менее важно понять мотивы и аргументы опрошенных студентов, которые не использовали ИИ. Как правило, они указывали на возможность/способность справиться с задачей собственными силами, необходимость демонстрировать в процессе выполнения учебного задания усвоенные знания, приобретенные навыки, уважение к преподавателю, желание поделиться своими мыслями и идеями:

• Я не использовала ИИ, потому что изначально знала, как сформулировать свою мысль для написания, только однажды обратилась к гуглу; Пользовалась только поиском некоторых данных из сети Интернет и затем дала уже собственную оценку; Писала сама, но предварительно прочитала в сети Интернет эссе на похожие темы;

• Мне проще формулировать структуру самостоятельно, особенно когда тема касается меня самого, чувствовал, что ИИ мне не поможет, держал удар своими силами; Задание требовало субъективной оценки, которую за меня ИИ дать не может; При написании эссе на интересующие меня темы я, как правило, полагаюсь на собственные мысли и соображения; Мне было интересно высказать свое мнение; Честно писал своим умом на паре;

• Считаю, что собственный словарный запас наиболее интересно испытывать в рамках написания эссе на профессиональную тему;

• Никакими правилами не запрещено написание каких-либо работ с ИИ, но в целях обеспечения абсолютной честности, зная, что преподаватель будет читать этот текст, плохо так обманывать.

Главными преимуществами использования ИИ, по мнению студентов, является круглосуточная доступность (58,9 %), автоматизация процессов (56,8 %), скорость обработки запросов и получения ответов (54,0 %), разносторонность применения (51,7 %) (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие преимущества существуют при использовании ИИ?», %

Fig. 4. Distribution of answers to the question «What advantages are there in using artificial intelligence?», %

Среди основных проблем генеративных сервисов, о которых упоминали информанты, можно выделить следующие: «галлюцинации» – недостоверные сведения, бедность (предсказуемость) стилистики, логические противоречия, многократные повторы («эффект рыбки Дори»), много банальностей («эффект жвачки»), недостоверные ссылки. Большинство студентов уже понимают, что подготовить качественную выпускную работу за несколько промптов невозможно и мифом является утверждение «Можно не ориентироваться в теме, нейросеть сама все сделает». Это доказывают и результаты глубинных интервью со студентами: С одной стороны, это невероятное удобство и экономия времени, с другой – если полностью на него полагаться, можно потерять навык самостоятельного

мышления. Я однажды столкнулась с этим, когда писала эссе без интернета: оказалось, что я привыкла сначала спрашивать у генеративного ИИ, а потом уже думать; Вот как поисковику информации я бы ему не доверяла, потому что действительно были моменты, когда он просто меня нагло обманывал; Я использовала один ИИ, а моя одногруппница использовала другой, но в итоге у нас были идентичные предложения.

Результаты анкетного опроса студентов БГУ показали, что главными рисками при использовании ИИ являются неправильная интерпретация информации (68,8 %) и ее низкое качество (56,5 %). Причем наиболее «бдительными»/«строгими» при оценке рисков оказались студенты гуманитарного и технического профилей (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Какие риски существуют для современного общества при использовании ИИ?»
в зависимости от профиля обучения, %**

Table 2

**Distribution of answers to the question
«What risks are there for the modern society when using artificial intelligence?»
depending on the profile of education, %**

Риски	В целом по массиву	Профиль обучения			
		Естественно-научный	Технический	Гуманитарный	Экономический
Кибербезопасность	50,4	56,1	46,6	48,2	51,2
Неправильная интерпретация информации	69,2	67,1	71,2	72,2	56,6
Отсутствие конфиденциальности	26,5	25,7	28,1	25,3	28,0
Угроза замещения рабочих мест/безработица	43,9	36,3	37,9	49,1	48,9
Низкое качество информации	56,9	49,6	57,4	62,9	47,3
Затрудняюсь ответить	3,0	3,5	4,2	1,7	4,2

В рамках изучения отношения современной молодежи к цифровым технологиям студентам БГУ был задан вопрос «Насколько Вы доверяете результатам деятельности ИИ?». Для оценки использовалась 10-балльная шкала, где 1 – совсем не доверяю, 10 – доверяю полностью. Средняя оценка доверия результатам деятельности ИИ среди студентов 3–4-го курсов равна 5,51. Балл свидетельствует о том, что, помимо высокой востребованности ИИ среди студентов, к его результатам опрошенные относятся скептически.

Для дальнейшего анализа данные были сгруппированы следующим образом: оценка от 1 до 4 означала недоверие результатам, от 5 до 6 – нейтральное отношение, от 7 до 10 – доверие результатам. Для всех профилей обучения фиксируется примерно одинаковое нейтральное отношение к результатам деятельности ИИ (около 40 %). Больше всех доверяют ИИ будущие экономисты (38,2 %), самые скептически настроенные к результатам деятельности ИИ – гуманитарии: треть их (33,3 %) не доверяют нейросети (рис. 5).

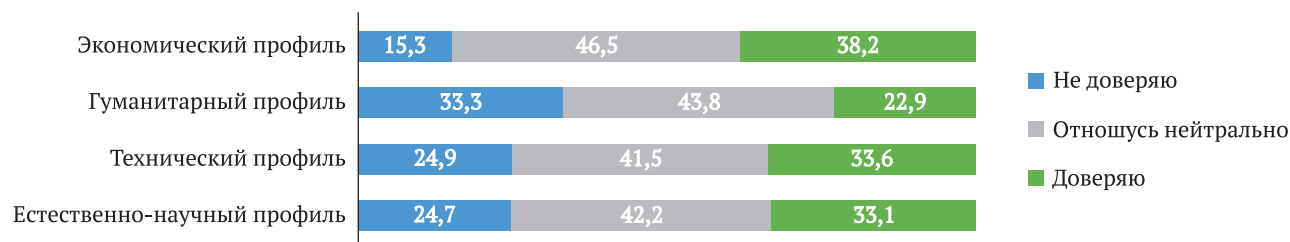

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете результатам деятельности ИИ?» в зависимости от профиля обучения, %

Fig. 5. Distribution of answers to the question «How much do you trust the results of artificial intelligence activity?» depending on the profile of study, %

В рамках глубинных интервью студенты высказали положительное отношение к практике применения ИИ преподавателями в их профессиональной деятельности: *Это очень хорошее дополнение к основному материалу, но как основной материал не думаю, что он может чем-то помочь преподавателю; Есть ощущение, что самим преподавателям не нужен чат GPT, потому что в своей сфере преподаватель будет знать больше, чем чат GPT.*

Положительными примерами использования преподавателями изображений, полученных благодаря ИИ, была визуализация научной терминологии, ге-

нерация набора идей для организации групповой работы и др. При этом, рассуждая о перспективах замены преподавателя в аудитории ИИ, студенты однозначно заявляют о том, что это маловероятно, так как живое общение и обратная связь слишком важны; преподаватель намного умнее, чем ИИ; все-таки ИИ еще не достиг человеческого мышления.

Результаты онлайн-опроса преподавателей БГУ показали, что только 27,4 % из них используют ИИ в своей деятельности, реже всего применяют данную технологию представители ППС, имеющие преподавательский стаж более 25 лет, – 9,1 % (рис. 6).

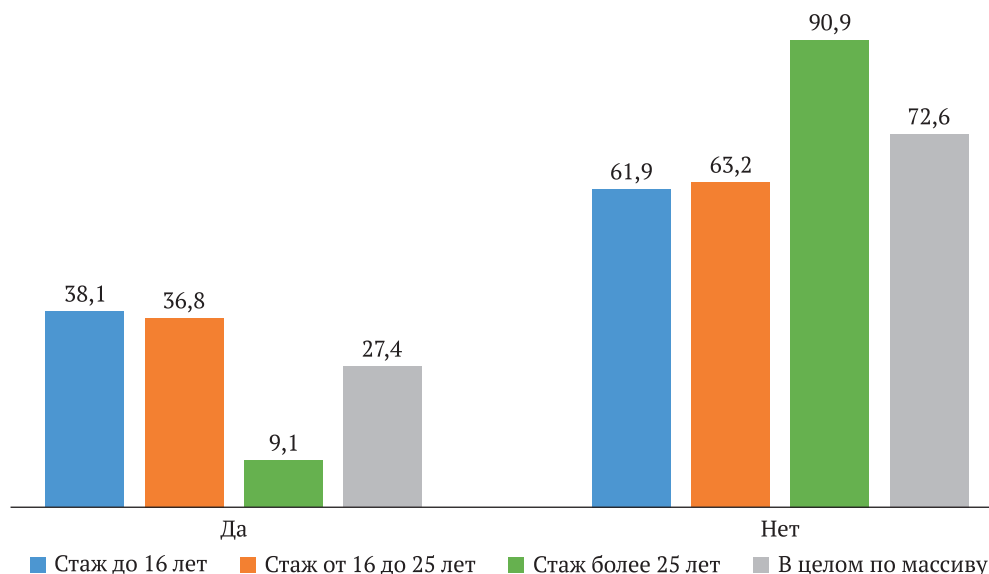

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Используете ли Вы генеративный ИИ в преподавательской деятельности?» в зависимости от стажа работы в университете, %
Fig. 6. Distribution of answers to the question «Do you use generative artificial intelligence in your teaching activity?» depending on the length of service at the university, %

Среди тех, кто имеет опыт применения ИИ в своей профессиональной деятельности, менее трети опрошенных преподавателей (29,4 %) используют

нейросеть ежедневно или несколько раз в неделю, большинство же (70,6 %) используют ИИ несколько раз в месяц и реже (рис. 7).

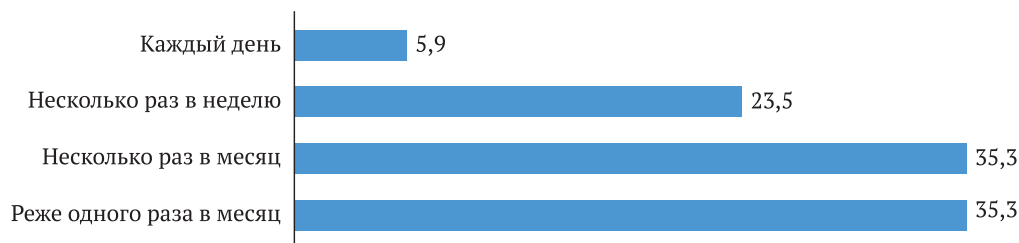

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы используете ИИ?», %
Fig. 7. Distribution of answers to the question «How often do you use artificial intelligence?», %

Как правило, у преподавателей перечень задач, которые решаются с помощью ИИ, невелик. Большинство опрошенных применяют ИИ для подготовки заданий, упражнений и тестов (52,9 %), перевода текстов с/на иностранный язык (52,9 %), для поиска литературы и необходимых материалов (52,9 %). В меньшей степени преподаватели используют ИИ для ускорения работы над контентом (35,3 %), например над презентациями, графиками, схемами, или для оптимизации работы по расшифровке аудиолекций и вебинаров (11,8 %) ⁷.

По мнению опрошенных преподавателей ФФСН, они довольно часто сталкиваются с применением генеративного ИИ в студенческих работах (80,6 %). Только 19,4 % респондентов отметили, что не замечают в работах признаков использования ИИ.

Применение ИИ наблюдают 20 % преподавателей в более чем половине студенческих работ, 42 % пре-

подавателей указали на наличие сгенерированного текста в 25–50 % студенческих работ, 28 % – в менее чем четверти студенческих работ. При этом, по мнению опрошенных, студенты чаще всего копируют лучшие части нескольких черновиков (24 %), написанных ИИ, либо сдают работу, полностью созданную ИИ (22 %). В 18 % случаев преподаватели допускают, что содержание созданной ИИ работы студент редактировал с учетом собственных идей и знаний.

В рамках глубинных интервью преподаватели отметили, что применение ИИ студентами становится все большей проблемой в условиях отсутствия этических стандартов и правовой регламентации такой практики: *У всех студентов разное понятие академической честности, кто-то ее действительно принимает и как бы интегрирует в свою учебную жизнь, кому-то может не до этого; Я считаю, что*

⁷Сумма ответов на вопрос более 100 %, так как вопрос предполагал несколько вариантов ответа.

человек превосходит ИИ в своей креативности, в своем сознании и, в принципе, в своем интеллектуальном потенциале. Да, мы, если рассматривать широко, не можем овладеть таким объемом информации, как ИИ, но важно не количество, а качество; Некоторые студенты решили, что вместо того, чтобы обратиться к интернету за информацией и искать реально существующие кейсы, а затем, анализируя их, прописывать то, что им необходимо, они просто использовали ИИ; Каждый раз хочется спросить: ребята, вы для чего пришли в университет? Осваивать технологии ИИ или развивать собственный интеллект.

В то же время в процессе интервьюирования студенты отмечали широкий перечень задач, которые решаются с помощью технологий ИИ. В учебной деятельности обучающиеся используют ИИ в следующих целях:

- экономия времени: Когда уже нет времени что-то искать, а очень нужно написать, и спать хочется, то обращаюсь к ИИ; Когда я совмещала учебу с работой, ИИ реально выручал – позволял быстрее подготовиться к парам и сдать задания в срок; Когда ты уже сидишь с третьей чашкой кофе на кухне в три часа ночи, очень-очень тяжело бывает дойти до какого-то глубокого, глубочайшего осмысления. В таких случаях ИИ выручал;

- поиск необходимой информации: Часто я использую ИИ для того, чтобы он мне нашел и выделил какую-то основную информацию;

- решение неинтересных учебных задач: Вот в этом году у меня было задание – десять рефератов по физкультуре, и в интернете мало данных. Пришлось помучить ИИ; Я бы сказала, что ИИ упрощает неинтересную для меня деятельность. Я имею в виду, что такой ценный ресурс, как время, ИИ экономит при выполнении неинтересных для меня заданий;

- упрощение лекционного материала, подготовка к экзаменам и зачетам: Когда нужно упростить материал, например, я копирую текст лекции, вставляю в генеративный ИИ и прошу объяснить проще; С кратким пересказом большого объема информации вполне себе справляется; Если предмет не дается с самого начала, как информатика, я могу запросить у ИИ алгоритм действий или краткую выжимку, чтобы быстрее понять тему; Там, где нужно в тезисах изложить информацию, чат (ИИ. – А. П., А. П., Л. Ф.) справляется хорошо – всегда структурировано;

- подготовка презентации: Мне нравится, что он подбирает хорошую, классную информацию и делает все в минималистичном и стильном оформлении;

- решение тестов: Наиболее полезным ИИ оказался в заданиях в тестовой форме. Когда даешь ему варианты ответа, он даже их аргументирует иногда;

- генерация идей: Для меня это экономит время для формирования фундамента мысли. ИИ может подкинуть мне идею, и дальше я начну развивать ее самостоятельно, потому что очень часто самый сложный этап в выполнении работы – это начать.

Кроме того, студенты применяют ИИ во внеучебной деятельности, решая задачи разной сложности: Чтобы решить, что подарить родителям, друзьям или своему партнеру... хочется чего-нибудь такого, чтобы удивить родителей, чтобы это было чем-то неожиданным; Можно попросить чат GPT составить тебе образ на какое-нибудь мероприятие или подобрать прическу по твоему типу лица; Я люблю спросить у GPT: «Вот у меня есть такой список продуктов, что я могу из этого списка продуктов приготовить?»; Еще я очень люблю пользоваться меню на неделю. Он (ИИ. – А. П., А. П., Л. Ф.) составляет тебе и расписывает конкретно, какие продукты ты можешь покупать. И ты можешь даже выставить определенный бюджет.

Искусственный интеллект в университетах: правила, ограничения, документы

В марте 2025 г. Министерство образования Республики Беларусь анонсировало совместную с Парком высоких технологий работу над методиками преподавания отдельных школьных предметов с использованием генеративного ИИ⁸. Помимо этого, с 2025/2026 учебного года планируется введение учебной дисциплины «Основы использования технологий ИИ» в учреждениях высшего образования⁹.

В условиях стремительного развития технологий ИИ высшие учебные заведения сталкиваются с необходимостью адаптировать образовательные процессы к новым реалиям. ИИ может выполнять

комплекс задач, однако его внедрение, как уже отмечалось, порождает ряд этических, академических и организационных вопросов.

По мнению большинства опрошенных преподавателей ФФСН (91,9 %), студенты должны указывать факт использования ИИ в своих работах для соблюдения академической честности. Особое значение это обстоятельство приобретает при подготовке и защите ВКР (дипломной работы или дипломного проекта). В данном случае, по мнению преподавателей (82,5 %), прежде всего должна указываться информация о том, как именно использовался ИИ

⁸Минобр к сентябрю утвердит правила использования ИИ в школах [Электронный ресурс] // Sputnik. URL: <https://sputnik.by/20250321/minobr-k-sentyabryu-utverdit-pravila-ispolzovaniya-ii-v-shkolakh-1094684891.html> (дата обращения: 24.03.2025).

⁹Студенты всех вузов Беларуси начнут изучать искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Sputnik. URL: <https://sputnik.by/20250319/studenty-vsekh-vuzov-belarusi-nachnut-izuchat-ii-s-2025-goda-1094622379.html> (дата обращения: 24.03.2025).

при написании выпускной работы, в том числе должна отражаться его роль в разработке структуры работы, формулировке тезисов, поиске и (или) переводе первоисточников и т. д. Опрошенные считают, что необходимо указывать на то, какие разделы были написаны с использованием ИИ, а также инструмент и версию ИИ (70,2 и 61,4 % соответственно). При всей неоднозначности применения ИИ в образовательном процессе большинство респондентов из числа преподавателей (69,4 %) считают, что следует разрешить использование генеративного ИИ при подготовке ВКР, но с ограничениями и условиями. Практически каждый пятый (19,4 %) высказался

за запрет использования ИИ в дипломной работе. Данный факт свидетельствует о следующем: вне зависимости от степени использования нейросетей преподаватели осознают неизбежность новой реальности – соседства с генеративным ИИ.

В преподавательской среде нет единого мнения относительно того, в каком разделе ВКР студентам необходимо указывать об использовании ИИ. Так, 47,4 % опрошенных полагают, что эту информацию лучше размещать во введении, по 40,4 % – в разделе, где описывается методология исследования, и в ссылках, 36,8 % – в списке использованной литературы (рис. 8).

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос
«Где должна быть указана информация об использовании ИИ?», %

Fig. 8. Distribution of answers to the question
«Where information on the use of artificial intelligence should be specified?», %

Разрабатывая регламенты и подходы, учреждения образования разных стран ищут ответы на вопросы, как обеспечить баланс между инновациями и сохранением академической честности, какие нормы и правила должны регулировать использование ИИ в образовании. Опыт регламентации применения ИИ в университетах варьируется в зависимости от культурных, правовых и технологических особенностей каждой страны. В одних странах акцент делается на определении строгих правил для предотвращения злоупотреблений, в других – обучающимся дается свобода действий, но ограничиваются возможности преподавателей. Кроме того, есть страны, где активно поощряются эксперименты с ИИ для повышения качества образования. Рассмотрим опыт применения и регламент отдельных вузов в России, Китае, Польше, Испании, Германии, Великобритании и США.

Российские университеты два последних года экспериментируют с внедрением ИИ в образовательный процесс студентов. Так, Национальный исследовательский университет «Высшая школа эконо-

мики» (НИУ ВШЭ; Москва) весной 2024 г. разрешил использовать при написании дипломной работы языковую модель YandexGPT 15 студентам гуманитарных специальностей («Философия», «Медиакоммуникации», «Востоковедение» и др.). Перечень решаемых при этом задач был ограничен: группа обучающихся могла использовать ИИ только для сбора и анализа данных, а также для обобщения и оформления материала. По мнению студентов, участвовавших в эксперименте, ИИ позволил сэкономить время для решения «творческих задач». В НИУ ВШЭ видят необходимость обучать сотрудников и преподавателей работе с инструментами ИИ¹⁰. В июне 2024 г. в данном вузе впервые в России утвердили Декларацию этических принципов создания и использования систем ИИ. Указанный документ рассматривается как отправная точка применения ИИ в образовательном процессе, определяя принципы этического и ответственного использования ИИ¹¹.

В Декларации установлены общие принципы, которыми должны руководствоваться преподаватели

¹⁰Как российские и зарубежные вузы внедряют ИИ в обучение студентов // Ведомости : сетевое изд. 2024. 6 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/11/06/1073238-kak-rossiiskie-vnedryayut> (дата обращения: 10.02.2025).

¹¹НИУ ВШЭ первым из российских университетов разработал и утвердил Декларацию этических принципов использования ИИ. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : сайт. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/937054242.html> (дата обращения: 12.02.2025).

и научные сотрудники, администрация, обучающиеся при создании и использовании систем ИИ на всех этапах их жизненного цикла, а также при формировании правил регулирования и разрешении конфликтов в указанной сфере: принцип приоритета человеческого общения, принцип информированности и обучающего использования, принцип академической честности, принцип прозрачности, принцип конфиденциальности и соблюдения интеллектуальных прав, принцип исключения предвзятости и дискриминации, принцип справедливой доступности, принцип разумного ограничения, принцип ответственного отношения к созданию и использованию ИИ¹².

В ряде московских учреждений высшего образования (Московский городской педагогический университет, Московский государственный технический университет имени Баумана, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ») студентам разрешено использовать генеративные инструменты на основе ИИ¹³.

Европейский парламент принял регламент относительно ИИ (Artificial Intelligence Act) в марте 2024 г. (вступил в силу 1 августа 2024 г.)¹⁴.

В Варшавском университете (Польша) среди требований к подготовке выпускной квалификационной работы указана необходимость согласовывать использование систем ИИ между научным руководителем и студентом, который готовит работу. При этом, если принято совместное решение о применении ИИ при подготовке и написании дипломной работы, научный руководитель обязан совместно со студентом определить цели, объем и способы использования ИИ, а также регулярно контролировать результаты работы студента. Инструменты, цели, способы использования ИИ в дипломной работе должны быть указаны во введении или в описании методов исследования. В регламенте подчеркивается необходимость соблюдения ключевого требования к выпускной работе – она должна представлять самостоятельное научное, художественное или практическое исследование, отражающее знания и аналитические способности студента¹⁵.

В Автономном университете Мадрида (Испания) для преподавателей и студентов разработано краткое руководство по надлежащему использованию генеративного ИИ. Рекомендации преподавателям

включают возможность применения ИИ для аннотирования сложных тем, разработки упражнений, создания словаря основных терминов, обучения студентов использованию конкретного инструмента ИИ, оказания помощи в создании промптов и др. При этом акцентируется внимание на поощрении критического мышления студентов и проявления ими креативности при работе с генерированным ИИ контентом. Отмечается, что преподаватели должны помогать дополнять информацию, полученную с помощью ИИ, данными из традиционных источников знаний¹⁶.

В Дортмундском университете прикладных наук (Германия) применение ИИ разрешено, однако преподаватели могут ограничить его использование при проведении экзамена или в иных похожих ситуациях. Также обязательным условием является необходимость указывать способ применения ИИ, разделы работы, подготовленные с его помощью, содержание промпта при использовании студентами ИИ в исследованиях¹⁷.

В 2023 г. в Оксфордском университете (Великобритания) были разработаны рекомендации для преподавателей с учетом рисков использования студентами ИИ. Предложено сократить объем тех заданий, которые потенциально можно выполнить с помощью ИИ, указывать студентам на необходимость приведения в выполняемых работах примеров из жизненного опыта. При этом для выполнения заданий по сбору и обобщению информации использовать инструменты ИИ не запрещено¹⁸.

В методических рекомендациях Мичиганского университета (США) указан перечень инструментов ИИ, которые могут использовать сотрудники и студенты для решения академических задач. Помимо этого, отмечается необходимость проверки результатов, полученных с применением ИИ, а также нежелательность или недопустимость указания персональных данных при работе с инструментами ИИ¹⁹.

В Фуданьском университете (Шанхай, Китай) разработано Положение об использовании инструментов ИИ в дипломных работах (утверждено в ноябре 2024 г.). Для содействия эффективному применению инструментов ИИ в образовательной практике и предотвращения академических рисков Положением ограничены цели использования ИИ, а также перечислены случаи, когда применять ИИ строго

¹²Декларация этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: сайт. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/937054455.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

¹³Как российские и зарубежные вузы внедряют ИИ в обучение студентов // Ведомости : сетевое изд. 2024. 6 нояб. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/11/06/1073238-kak-rossiiskie-vnedryayut?from=copy_text (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁴The EU Artificial Intelligence Act // EU Artificial Intelligence Act : website. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (date of access: 12.03.2025).

¹⁵Wytyczne URK dotyczące sztucznej inteligencji w procesie kształcenia // Uniwersytet Warszawski : website. URL: <https://www.uw.edu.pl/wytyczne-urk-dotyczace-sztucznej-inteligencji-w-procesie-kształcenia/> (date of access: 05.02.2025).

¹⁶Guía básica sobre el uso de la Inteligencia Artificial para docentes y estudiantes [Electronic resource]. URL: <https://www.uam.es/uam/media/doc/1606941290988/guia-visual-iagen.pdf> (date of access: 10.02.2025).

¹⁷Leitlinie KI in der Lehre / AI Guideline for Teaching [Electronic resource]. URL: https://www.fh-dortmund.de/medien/hochschule/Leitlinie_KI_FH_Dortmund_2024_02_14_Deutsch_English.pdf (date of access: 10.02.2025).

¹⁸AI and academic practice // University of Oxford : website. URL: <https://www.ctl.ox.ac.uk/ai> (date of access: 05.02.2025).

¹⁹Как российские и зарубежные вузы внедряют ИИ в обучение студентов // Ведомости : сетевое изд. 2024. 6 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/11/06/1073238-kak-rossiiskie-vnedryayut> (дата обращения: 10.02.2025).

запрещено: использование инструментов ИИ для выбора темы исследования (проекта), разработки структуры выпускной работы (проекта), исследовательских программ, инновационных методов, при формулировке гипотез исследования, осуществлении анализа данных, для генерации основного текста выпускной работы, перевода текста на иностранный язык, при содержании в квалификационной работе конфиденциального контента. Помимо этого, запрещено использовать ИИ для рецензирования выпускных работ студентов²⁰.

Ряд других университетов в Китае, в том числе Китайский университет коммуникаций, Тяньцзиньский университет науки и технологий, Фучжоуский

университет, регулируют использование студентами ИИ в выпускных работах (проектах). Высшая школа непрерывного образования требует от них указывать, использовался ли ИИ при написании работы, в случае его применения «необходимо описать метод и подробности использования, включая название модели/программного обеспечения/инструмента, версию и время использования»²¹.

Анализ опыта регламентации применения ИИ в выпускных работах позволяет не только понять, как разные страны справляются с вызовами цифровой эпохи, но и выделить лучшие практики, которые могут быть адаптированы для образовательных систем высшей школы, в том числе Беларуси.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что использование ИИ является распространенной практикой среди студентов БГУ, его применение осваивают и преподаватели. Активное использование ИИ в учебном процессе – от поиска информации до подготовки учебных работ – демонстрирует его востребованность как инструмента, облегчающего выполнение различных задач. Однако очевидные преимущества ИИ не могут скрыть серьезные вызовы и риски девальвации академических ценностей, а именно снижение когнитивных усилий студентов и утрату ими навыков критического анализа, подготовку поверхностных ВКР, снижение ценности диалога «студент – преподаватель», размывание границ авторства текста, нарушение этических норм академического сообще-

ства. Возможно, это только часть серьезных проблем внедрения ИИ в образовательный процесс.

Таким образом, в условиях ускоренной цифровизации система образования не может игнорировать потенциал ИИ, но его интеграция требует продуманной стратегии. Международный опыт показывает разнообразие подходов: от достаточно жесткого регулирования (Китай) до поощрения экспериментов (Россия, Испания, США и др.). Регламент использования ИИ должен включать описание допустимых форм и объемов применения ИИ в учебном процессе, механизмов проверки ВКР на академическую честность, форм и методов подготовки студентов и преподавателей к работе с цифровыми инструментами, а также систему мониторинга и оценки эффективности внедрения данных технологий в образовательную практику.

Библиографические ссылки

1. Шейнбаум ВС, Никольский ВС. Инженерная деятельность и инженерное мышление в контексте экспансии искусственного интеллекта. *Высшее образование в России*. 2024;33(6):9–27. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-9-27.
2. Резаев АВ, Степанов АМ, Трегубова НД. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта. *Высшее образование в России*. 2024;33(4):49–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62.
3. Филинская ЛВ. Преподаватель будущего: вооруженный искусственным интеллектом. В: Мысливец НЛ, редактор. *Наука и общество в условиях новых вызовов. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 сентября 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт социологии Национальной академии наук Беларуси; 2024. с. 196–198.
4. Сыроев ПВ. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом. *Высшее образование в России*. 2024;33(2):31–53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53.
5. Субботина МВ. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024;24(1):176–183. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-176-183.
6. Проворова ТА, Сергеева НА, Чехович ЮВ. Генеративный искусственный интеллект и современный университет: новые вызовы и возможности. *Высшая школа*. 2024;3:3–6.
7. Филинская ЛВ, Левицкая ИВ, Мисун АА. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;3:71–77. EDN: DUKHBW.
8. Алешковский ИА, Гаспаршвили АТ, Нарбут НП, Крухмалева ОВ, Савина НЕ. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024;24(2):335–353. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-335-353.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2025.
Received by editorial board 29.03.2025.

²⁰Положение Фуданьского университета об использовании инструментов ИИ в дипломных работах бакалавриата // Пекинская интерактивная энциклопедия сетевых технологий : электрон. энцикл. URL: https://www.baik.com/wikiid/7443369794232123446?baike_source=doubao&use_xbridge3=true&loader_name=forest&need_sec_link=1&sec_link_scene=im (дата обращения: 10.02.2025) (на кит.).

²¹Фуданьский университет вводит «шесть запретов» для регулирования использования ИИ в диссертациях // Sohu : website. URL: https://m.sohu.com/a/843498372_121118946/?pvid=000115_3w_a (дата обращения: 20.02.2025) (на кит.).

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.334.2

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ОБЩЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУССКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О. Н. ГАВРИЛИК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Аннотация. Выявлен идеальный образ социально-экономического устройства общества в представлениях современной студенческой молодежи. Эмпирической базой исследования выступили эссе студентов, в которых они описали в свободной форме желаемый образ социально-экономического устройства общества. Результаты исследования подтвердили, что понятие «социальная справедливость» является ключевым в формировании представлений людей о социальном порядке. Отмечено сочетание в сознании молодежи принципов разных социально-экономических моделей. Сделан вывод о ключевых составляющих желаемого образа социально-экономического устройства общества в представлениях современной студенческой молодежи: социальной справедливости, равенстве возможностей для всех социальных групп, сильной государственной поддержке уязвимых категорий населения, минимизации социального расслоения, доступности качественных товаров и услуг, устойчивом экономическом росте.

Ключевые слова: идеал; представления; студенческая молодежь; социально-экономическое устройство общества; социальные ожидания.

Образец цитирования:

Гаврилик ОН. Идеальный образ социально-экономического устройства общества в представлениях белорусской студенческой молодежи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;2:69–74. EDN: JMIZDI

For citation:

Haurlyk AN. The ideal image of socio-economic structure of society in the perceptions of Belarusian student youth. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2: 69–74. Russian. EDN: JMIZDI

Автор:

Оксана Николаевна Гаврилик – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры политологии и социологии факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Aksana N. Haurlyk, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of political science and sociology, faculty of history, communication and tourism.
gavrilik_on@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6465-5394>

THE IDEAL IMAGE OF SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE OF SOCIETY IN THE PERCEPTIONS OF BELARUSIAN STUDENT YOUTH

A. N. HAURYLIK^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus*

Abstract. The ideal image of the socio-economic structure of society in the perceptions of modern student youth was revealed. The empirical base of the study was the essays of students, in which they described in free form the desired image of socio-economic structure of society. The results of the study confirmed that the concept of «social justice» is key in the formation of people's ideas about social order. In addition, a combination of the principles of different socio-economic models in the minds of young people was noted. The conclusion is made about the key characteristics of the desired image of socio-economic structure of society in the perceptions of modern student youth: the presence of social justice, equality of opportunities for all social groups, strong state support for vulnerable categories of the population, minimisation of social stratification, availability of quality goods and services, sustainable economic growth.

Keywords: ideal; perceptions; student youth; socio-economic structure of society; social expectations.

Введение

На хозяйственную деятельность людей оказывают влияние не только материальные, но и духовные факторы, в том числе ценностные ориентации, социальные представления и ожидания. Они задают вектор действия человека, определяют выбор целей и средств для их достижения. Экономическая культура включает в себя экономическое сознание и экономическое мышление и оказывает значительное влияние на экономическое поведение индивида [1, с. 114–118].

Э. Дюркгейм считал, что коллективные представления лежат в основе общественного согласия. Среди них особую роль играют представления об идеальном обществе, в которых заложены нормативные модели, эталонные образцы, желаемые характеристики социально-экономических отношений. Они могут варьироваться в различных социальных группах, а их социологическое изучение позволяет получать актуальные данные о состоянии общественного сознания. Актуальность проведения исследования среди студенческой молодежи обоснована тем, что на ры-

нок труда выходят новые экономические субъекты, чьи интересы и потребности необходимо учитывать.

Ученые отмечают присутствие в сознании молодежи разнонаправленных устремлений: с одной стороны, выражены ориентации на индивидуализм, гедонизм, с другой – на заботу о других и снижение социально-экономического неравенства [2, с. 75]. Парадоксальность, гибридность сознания [3, с. 419], патерналистские установки и «запрос на усиление государства как производителя общественных благ» [4, с. 160] также характерны для молодого поколения.

Идеальные представления включают в себя смысловые универсалии, объединяющие членов сообщества, и выступают важнейшим фактором согласованного функционирования и развития социальной системы. В основе идеального образа общества лежат ценности поколения, жизненные ориентации, опыт, социальные ожидания. Для исследователя важно выявить и понять смыслы, отражающие представления молодежи о желаемых характеристиках общества и своем месте в нем.

Методология и методы исследования

Эмпирической базой исследования выступили 112 эссе студентов 1–3-го курсов факультета истории, коммуникации и туризма и юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, в которых они описали в свободной форме желаемый образ социально-экономического устройства общества. Респондентам необходимо было не составить прогноз развития конкретного государства, а раскрыть желаемые характеристики идеального социально-экономического устройства общества. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что в ближайшем будущем современной студенческой молодежи предстоит определять стратегию общественного развития страны, реализовывать

свой потенциал в инновационной экономике. Цель исследования – выявить идеальный образ социально-экономического устройства общества в представлениях современной студенческой молодежи.

Методологическим основанием исследования является феноменологический подход, в центре внимания которого находится человеческое сознание [5, с. 51], всегда выступающее как intersubjective сознание. Для изучения была взята социальная группа студентов университета, которые находятся в схожих обстоятельствах и «имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами и, следовательно, производить сходные практики и занимать сходные позиции» [6, с. 17]. Стояла цель выявить

нормативные представления, идеалы, образы в том виде, в каком они присутствуют в сознании молодежи. В связи с этим автор отказался от структурированного опроса и следовал логике качественной методологии, согласно которой сначала нужно погрузиться в мир смыслов изучаемых людей, а затем на базе собранного эмпирического материала приступить к конструированию понятий и концепций. Достаточность объема выборочной совокупности обоснована достижением теоретического насыщения, т. е. сбор данных происходил до тех пор, пока не прекратилась поступать принципиально новая информация. В результате были собраны 112 студенческих эссе.

Анализ ограничивается рамками социально-экономической сферы. Для лучшего понимания

особенностей экономической культуры молодежи необходимо знать, чего она хочет, к чему стремится и на что надеется. В последующем соотнесение нормативной модели экономической культуры студенческой молодежи, сформированной на государственном уровне, желаемого образа социально-экономического устройства общества и своего положения в нем, а также существующих характеристик экономической культуры позволит выявить степень соответствия всех трех компонентов, наличие расхождения отдельных параметров и даст возможность определить векторы дальнейшего совершенствования социально-экономической политики для повышения эффективности институциональных преобразований.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе эмпирического социологического исследования был осуществлен как качественный, так и количественный анализ текстов, который позволил выявить частоту встречаемости отдельных категорий. В первую очередь в эссе упоминаются слова «справедливость/справедливый» (76 раз, что составляет 10,4 % от выделенных автором содержательных доминант), «равенство/равный» (82 раза – 11,2 %), «устойчивость/устойчивый» (65 раз – 8,8 %). Слова «развитие» и «инновации» упоминались в общей сложности 101 раз (13,8 %). Актуальность для студентов вопросов, связанных с получением образования, обусловила частоту использования категорий «образование» (104 раза – 14,2 %), «доступ/доступный» (66 раз – 9 %), «качественный» (48 раз – 6,6 %), особенно в контексте рассуждений о необходимости доступного и качественного образования, медицинских услуг, жилья. Несмотря на то что в ближайшем будущем студентам предстоит выходить на рынок труда и значительная часть их жизни будет посвящена трудовой деятельности, в их рассуждениях о желаемом социально-экономическом устройстве общества слова «работа/работать» встречаются 38 раз (5,2 %), «трудоустройство/труд» – только 10 раз (1,4 %). Среди других значимых категорий – «свобода» (упоминается 25 раз), «гармоничный» (17 раз), «неравенство» (16 раз), «стабильный» (14 раз), «ответственность» (11 раз), «доверие» (7 раз), «баланс» (6 раз), «солидарность» (6 раз), «сотрудничество» (5 раз), «эффективность» (5 раз). Проявляется стремление молодежи к благополучной жизни, о чем свидетельствует частота использования слов «благополучие» (11 раз), «процветание» (10 раз), «благополучие» (9 раз).

Что включает образ социально-экономического устройства общества в представлениях современной студенческой молодежи? На первом месте согласно упоминаниям в эссе указаны социальная справедливость и равенство. Представления молодых людей

о социальной справедливости включают равные возможности для всех категорий граждан, независимо от их социального статуса, пола, национальной и профессиональной принадлежности, а также равный доступ к качественному образованию, медицинскому обслуживанию, обеспечению жильем, трудоустройству. Можно привести следующий пример интерпретации категории «справедливость» студентами: *В таком обществе каждый человек должен иметь равные возможности для реализации своего потенциала, независимо от своего происхождения, пола или социального статуса. Это предполагает доступ к качественному образованию, медицинскому обслуживанию и трудовой деятельности. Социальные программы должны быть направлены на поддержку более уязвимых групп населения, чтобы минимизировать разрыв между богатыми и бедными*¹.

Часто встречается высказывание респондентов о том, что желаемое социально-экономическое устройство общества представляет собой динамичную систему, которая основывается на принципах справедливости и равенства. Результаты исследования подтверждают, что понятие «социальная справедливость» является ключевым в формировании представлений людей о социальном порядке.

Молодежь позитивно относится к различиям в доходах сообразно затраченным усилиям, однако негативно воспринимает большую разницу в социально-экономическом положении населения, деление общества на бедных и богатых: *Общество должно стремиться к устранению неравенства; В будущем я вижу общество, где нет ни бедных, ни богатых в традиционном понимании.*

Средством минимизации отрицательных последствий социального расслоения является обеспечение равного доступа всех членов общества к качественному образованию, которое открывает возможности для социальной мобильности: *Легкий доступ*

¹Здесь и далее курсивом приведены высказывания респондентов.

к качественному образованию и повышению квалификации для разных слоев населения; Хотела бы поддержания обучения на протяжении жизни для адаптации к очень быстро меняющемуся миру.

В эссе встречается предложение о том, что профессиональное образование должно быть обязательным, чтобы пополнить рынок труда высококвалифицированными специалистами. По мнению студентов, фундаментом совершенного общества выступает практико-ориентированное образование, которое развивает критическое мышление, креативность и командную работу, а также социальную ответственность.

Одной из доминант в сознании студентов является убеждение в необходимости следовать принципам устойчивого развития. Это объясняется широким использованием данного понятия. Так, в рамках учебной программы по социологии отдельное место занимает рассмотрение вопросов достижения целей устойчивого развития. Часто данный термин подразумевает ориентацию экономической системы на долгосрочные цели, экологическую устойчивость и осознанное поведение по отношению к своему здоровью и окружающей среде, рациональное потребление ресурсов, заботу о природе, использование экологически чистых технологий и возобновляемых источников энергии: *Экономическая политика направлена на рациональное использование природных ресурсов и снижение количества выбросов, в целом на экологию; Устойчивость подразумевает под собой защиту природных ресурсов и развитие «зеленых» технологий.*

Экономическая устойчивость подразумевает, что *прибыль не противопоставляется общественному благополучию и сохранению природы.* Даже предлагается *ввести поощрение за правильное отношение к земле (ко всему живому).*

При описании респондентами идеального образа социально-экономического устройства общества нередко встречаются три составляющие: 1) доступ к качественному образованию, здравоохранению, обеспечению жильем; 2) экологичное поведение, направленное на сохранение окружающей среды; 3) активное участие граждан в принятии решений.

По результатам республиканского социологического исследования 2023 г., большая часть населения (77,9 %) поддерживает модель социальной политики, при которой государство обеспечивает достойный уровень жизни всех граждан [7, с. 214]. Для молодежи, особенно учащейся, данная ориентация более характерна, чем для других возрастных групп [7, с. 215]. Это подтверждают и данные настоящего исследования: студенты предъявляют высокие требования к программам социальной поддержки (от предоставления помощи уязвимым категориям населения до обеспечения всех социальных слоев). Инклюзивность общества, устранение неравенства, борьба с экономическими преступлениями, ликвидация бедности, дискриминации и бездомности

являются приоритетом социально-экономического развития.

Социальные представления задают направление поведению человека и помогают выстраивать отношения с другими людьми. Студенты убеждены, что все общественные подсистемы должны функционировать гармонично: *Должен быть баланс между эффективностью и справедливостью. Это достигается через социально-ориентированную рыночную экономику; Гармоничное сосуществование людей, природы и технологий; [Общество] должно основываться на принципах солидарности и сотрудничества, а не конкуренции.*

В сознании студентов присутствует ориентация на сотрудничество, взаимопомощь, социальную сплоченность, развитие волонтерского движения. По их мнению, в обществе люди должны заботиться друг о друге и поддерживать доверительные отношения: *Хотелось бы иметь не только сообщества, где люди поддерживают друг друга, а в целом, чтобы люди были разумны в своих действиях и словах. Общество, основанное на взаимопомощи и уважении к культурному разнообразию, которое создает среду для более глубоких связей; Дружный союз всех стран; Для меня желаемый образец социально-экономического устройства – сотрудничество, где люди помогают друг другу для достижения общих целей; Я бы хотела, чтобы была программа социальной солидарности, т. е. общество, где люди заботятся друг о друге, поддерживают социальные программы и инициативы, направленные на помощь уязвимым группам населения.*

Кроме того, в представлениях молодежи доминируют императивные ожидания от государства по обеспечению наиболее комфортных условий для жизни, вплоть до бесплатной еды и воды. Респонденты считают, что качественное образование, медицинские и культурные услуги, работа общественного транспорта должны полностью финансироваться из государственного бюджета: *Доступ к ресурсам, таким как вода, еда и жилье, должен быть гарантирован для всех; Гарантированный базовый доход: любой гражданин получает определенную сумму от государства независимо от обстоятельств; Помощь людям с тяжелыми/врожденными заболеваниями и предоставление лекарств должно быть бесплатным. Помощь бездомным животным за счет государства; Полное содержание ветеранов государством; Полностью бесплатная медицина, которая финансируется государством.*

Результаты социологических исследований свидетельствуют о распространенности в молодежной среде ценности потребительства, ориентации на быстрое достижение успеха при минимальных усилиях, завышенных ожиданий от жизни и государства [8]. Выражение потребительских установок прослеживается в следующих высказываниях: *Идеальное социально-экономическое устройство общества – это когда все не работают и у всех много денег, и все счастливы, и каждый год ездят на море; Каждый будет делать то, что нужно для него самого.*

Общество будет свободно от всех правил. Главное делать, что хочешь; У каждого хорошо оплачиваемая работа, больше льгот; Общество, где каждый занимается тем, чем хочет, не испытывая нужды в чем-либо.

В сознании молодежи присутствуют и представления о роли трудовой деятельности в жизни общества: *Будущее – за качественным трудом, реализующим человеческий потенциал в творчестве и интеллектуальной деятельности. Они включают в себя обеспечение достойных условий труда, справедливой заработной платы и возможность карьерного роста, небольшой разрыв в уровне заработной платы сотрудников, стимулирование молодых людей раньше начинать трудовую деятельность. Интересно предложение о том, что рабочее место людей определялось бы умной машиной, которая могла бы подбирать профессию согласно умениям, навыкам и природным данным человека.*

Молодое поколение поднимает вопросы укрепления доверительных отношений между различными социальными группами и институтами: *Важно построить крепкие доверительные отношения между гражданином и государством; Необходимо создать доверительную атмосферу между рабочими людьми и профсоюзами; Социальное партнерство между государством, бизнесом и гражданским обществом.*

Проблема доверия актуальна для белорусского общества. По данным социологических исследований, 40,3 % жителей страны считают, что большинству людей можно доверять, в то время как 54,5 % не склонны проявлять такое доверие [9, с. 168], а один из самых низких индексов доверия у доверия партнеров по бизнесу [10, с. 318–319].

Относительно особенностей экономического устройства студенты полагают, что государство должно оказывать значительное влияние на регулирование экономических процессов, при этом стимулировать частную инициативу, обеспечивать социальную защиту населения, использовать прогрессивное налогообложение. В числе приоритетов экономического развития – снижение уровня инфляции, безработицы, стабилизация цен, рост ВВП и доходов граждан: *Снизить уровень безработицы в одном случае и нехватку кадров в другом. Модель общества должна быть построена на стабильном экономическом росте и эффективном производственном процессе; Я вижу общество, где экономические колебания минимальны, а доступ к финансам прост и понятен для каждого; Освобождение большей части населения от налогов, облагаться ими должны богатые люди; Экономика основана на разнообразных отраслях, что снижает риски и повышает устойчивость к внешним шокам.*

Экономическая безопасность означает, что общество должно быть защищено от экономических кризисов и нестабильности. В сознании молодежи наблюдается сочетание принципов разных социально-экономических моделей. Приведем одно из характерных предс-

тавлений: *Хотелось бы строительство экономической модели по принципу «от каждого по возможности, каждому по потребности». Но с этим я максимально против общей «уравниловки», те, кто не работают, не должны получать все остальные блага цивилизации; Сведение роли денег к минимуму.*

Особое внимание студенты уделяют поддержке предпринимательства, созданию наиболее комфортных условий для бизнеса: *В таком обществе поддерживается малый и средний бизнес, что создает рабочие места и способствует разнообразию экономической деятельности; Необходимо стимулирование создания малого бизнеса путем поддержки. Кроме того, студенты отмечают преимущества государственно-частного партнерства.*

Развитие местных сообществ и городской инфраструктуры также представляется для студенческой молодежи очень важным: *Грамотно спроектированные города, которые должны обеспечивать максимальный комфорт для жизни, начиная от расположения жилых домов и заканчивая прочей инфраструктурой. Помимо этого должна обеспечиваться качественная и хорошо продуманная логистика между всеми регионами страны.*

Для студентов актуален вопрос стимулирования научных, инновационных разработок: *Поддержка научных исследований и технологических разработок для решения социальных и экономических проблем; Общество, в котором наука и технологии развиваются в интересах всех; Общество, в котором ценятся знания и инновации; Государство должно финансировать научную деятельность молодежи, ведь на самые лучшие идеи порой не хватает средств.*

Перечень желаемых характеристик общественно-го устройства включает высокий уровень образования и культуры: *Хотелось бы, чтобы люди больше уделяли времени на образование, духовные ценности и... на сферу культуры. Отмечается необходимость развития патриотических и нравственных качеств молодежи. У молодого поколения выражен запрос на свободу выбора жизненных стратегий, самореализацию и творчество, социальную мобильность, поддержку экономического, культурного разнообразия и расширение спектра образовательных программ. Кроме того, подчеркивается важность инициативности, участия населения в общественной жизни, повышения ответственности за личное и коллективное благополучие: Идеальное общество – это система равных возможностей, поощряющая инновации и ценящая вклад каждого члена общества; Мой желаемый образ социально-экономической структуры общества – это мир и созидание в справедливости, счастье, труде; Общество, где каждый вносит свой вклад в дальнейшее развитие и будущее.*

Таким образом, в представлениях студентов встречаются различные типы ожиданий – ценностные, инновационные, амелиористские (ориентированы на улучшение существующего положения),

кумулятивно-преемственные (связаны с накоплением достижений и передачей их новым поколениям) [11, с. 212]. Они проявляются в следующем:

1) ценностные – в ожидании справедливости, равенства возможностей, толерантности, социальной солидарности;

2) инновационные – в экономическом развитии и росте благосостояния населения, во внедрении новых технологий и социальных программ;

3) амелиористские – в расширении поддержки уязвимых категорий населения, людей с ограничен-

ными возможностями, повышении качества и доступности предоставляемых услуг: *Улучшение условий для людей с дополнительными социальными потребностями; В целом мы живем в хорошо развитом обществе, но нужно не только поддерживать это, но и стараться с каждым днем улучшать, открывать что-то новое, не бояться пробовать;*

4) кумулятивно-преемственные – в сбережении окружающей среды для будущих поколений: *Ресурсы должны использоваться разумно, с учетом интересов будущих поколений.*

Заключение

Желаемый образ социально-экономического устройства общества в представлениях современной студенческой молодежи включает в себя следующие ключевые характеристики: социальная справедливость, равные возможности для всех социальных групп, сильная государственная поддержка уязвимых категорий населения, минимизация социального расслоения, легкий доступ к качественным товарам и услугам, устойчивый экономический рост. Кроме того, у молодежи выражен запрос на гармонию, мир, солидарность, сплоченность, толерантность, доверие, высокий уровень жизни и ее разнообразие, создание максимально комфортных условий для са-

мовыражения, творчества, социальной мобильности, личностного развития. В то же время в сознании молодого поколения сочетаются разнонаправленные ориентации: такие ценности, как свобода, конкуренция, частная инициатива, сосуществуют с желанием увеличить ответственность государства за благосостояние граждан. Это подчеркивает необходимость углублять знания молодежи о реальных механизмах функционирования экономики, формировать у нее положительные ориентации на трудовую деятельность, повышение квалификации, использование своего потенциала не только в личных интересах, но и на благо общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Соколова ГН. *Экономическая социология*. Минск: Навука і тэхніка; 1995. 255 с.
2. Александрова ОА, Алексеева ОА, Алипперова НВ, Бурдастова ЮВ, Ванькина ИН, Вершинина МА и др. *Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания*. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; 2024. 351 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-433-8.2024.
3. Великая НМ, Ирсетская ЕА. Идеологические основания конструирования образа будущего в сознании современной студенческой молодежи. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;2:414–429. EDN: QOCGKO.
4. Токарев АА. Массовое сознание российской молодежи: образ будущего. *Полис. Политические исследования*. 2024; 6:154–169. EDN: URHNAF.
5. Мотрошилова НВ. *Принципы и противоречия феноменологической философии*. Бородай Ю, редактор. Москва: Высшая школа; 1968. 128 с.
6. Бурдье П. *Социология социального пространства*. Шматко НА, редактор. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2007. Социальное пространство и генезис «классов»; с. 14–49. (Gallicinium).
7. Назарова ДВ. Социальная политика и восприятие социальной справедливости в Беларуси: по материалам социологического исследования. *Социологический альманах*. 2024;15:211–225.
8. Алейникова СМ, Богомаз ОВ, Надточаева НВ, Старичёнок ВВ, Сухотский НН. *Ценностный портрет современного белорусского общества: аналитический проект*. Алейникова СМ, редактор. Минск: Друк-С; 2021. 56 с.
9. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Белов АА, Бельский АМ, Воднева АК и др. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна – 2018*. Данилов АН, Булышко ДМ, редакторы. Минск: БГУ; 2019. 191 с.
10. Котляров ИВ, Шавель СА, Смирнов ВЭ, Бабосов ЕМ, Лашук ИВ, Балич НЛ и др. *Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение*. Минск: Белорусская наука; 2017. 392 с.
11. Шавель СА. *Социосферная стратегия развития общества*. Минск: Белорусская наука; 2022. 387 с.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2025.
Received by editorial board 04.06.2025.

УДК 316.346.2

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ, РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЧЖАО ЛИЦЗЯФЭН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Демографическое развитие Китая и Беларуси сталкивается со значительными проблемами, включая отрицательный прирост населения, снижение рождаемости и старение населения. В Китае переход к новой демографической реальности осложняется дисбалансом в соотношении полов, культурными установками и последствиями политики одного ребенка на одну семью. Экономические факторы, урбанизация и изменения в структуре семьи влияют на репродуктивное поведение, при этом многие женщины предпочитают получение образования и построение карьеры рождению детей. Понимание этой динамики важно для решения демографических проблем и содействия устойчивому развитию общества в Беларуси, Китае и Казахстане.

Ключевые слова: снижение рождаемости; репродуктивное поведение; гендерная дискриминация; сравнительный анализ.

MODELS OF WOMEN'S REPRODUCTIVE BEHAVIOUR IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: COMPARATIVE ANALYSIS

ZHAO LI JIAFENG^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The demographic development of China and Belarus faces significant challenges, including negative population growth, declining fertility, and aging populations. In China, the transition to a new demographic reality is complicated by skewed sex ratios, cultural attitudes, and the effects of the one-child policy. Economic factors, urbanisation, and changes in family structure influence reproductive behaviour, with many women choosing education and careers over having children. Understanding of these dynamics is important for addressing demographic challenges and promoting sustainable development in Belarus, China, and Kazakhstan.

Keywords: decreased birth rate; reproductive behaviour patterns; gender discrimination; comparative analysis.

Образец цитирования:

Чжао Лицзяфэн. Репродуктивное поведение в Китайской Народной Республике, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025; 2:75–82 (на англ.).
EDN: KXKRUH

For citation:

Zhao Li Jiafeng. Models of women's reproductive behaviour in the People's Republic of China, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan: comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2:75–82.
EDN: KXKRUH

Автор:

Чжао Лицзяфэн – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат социологических наук, доцент Е. В. Лебедева.

Author:

Zhao Li Jiafeng, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
zhaolijiafeng@gmail.com

Introduction

China's demographic development is characterised by negative population growth, imbalance in the sex ratio, and aging of the demographic structure, which are typical for the demographic transition period. China's demographic transition is characterised by the following trends: great difficulty in changing fertility attitudes, lack of a stable external environment for population development, no large-scale population outflow, stability in the composition of major ethnic groups, and susceptibility of the population to chronic diseases. After the demographic shift caused by the decline in mortality and fertility, the proportion of the working-age population tends to increase in different countries, and the growth rate exceeds that of both the elderly and child populations. This indicates a relative surplus of labour and a high labour force participation rate, while reducing the burden of productivity on the population, which ultimately favours economic development. Researchers are concerned about the changing attitudes of modern women towards childbearing [1]. Chinese sociologists in their works often touch upon the topic of the two-child policy [2] or corporate ethics regarding gender discrimination in the employment of women [3], the financial issue of childbearing in urban China is also studied [4].

Women's reproductive behaviour in China is shaped by many factors, including cultural, economic, social, and political ones. Chinese culture has traditionally

placed a high value on family and procreation. This can influence decisions about the number of children to have and how to raise them. Since 1979, China has had a birth control policy known as the one-child policy. Although it was repealed in 2015, the effects of this policy are still felt, with women's reproductive decisions influenced by fears about the economic and social consequences of having children. As women's education levels and professional employment levels increase, there is a tendency to postpone having children. Many women choose to focus on their careers first, which can lead to a decrease in the overall number of children. The high costs of raising children, education, and housing also play a significant role in fertility decisions. Many young couples view financial stability as a key factor. In recent decades, there has been a trend toward fewer traditional multi-generational families and more family units with one or two children. This also influences reproductive behaviour. Access to health services, including reproductive health, also influences women's decisions about childbearing. Women are increasingly seeking medical care and family planning. More women are actively participating in public life and politics, which can also influence their reproductive decisions. In recent years, the Chinese government has taken steps to stimulate fertility by offering various support measures for families, including financial assistance and improved access to kindergartens and schools.

Results and discussion

The aim of the article is to identify and compare the factors influencing reproductive decisions, as well as to understand the socio-economic, cultural and political contexts that shape these decisions in China and Belarus.

The main objectives of the research will be to study the current legislation in the field of reproductive health and family policy in China and Belarus. Conduct a comparative analysis of the data obtained.

This comparative analysis can help to better understand how different cultural and social contexts influence women's reproductive behaviour, as well as suggest ways to improve the reproductive health and well-being of women in both countries.

As Belarus and China celebrate 31 years of diplomatic relations and strengthen their all-weather strategic cooperative partnership, it is important to examine the theory and current situation of population development in the country.

Belarus and China share some similar cultural processes that may influence reproductive behaviour:

1) both countries are influenced by traditional values that emphasise the importance of family and children. In such cultures, there is often pressure on young people to start a family and have children;

2) in Belarus and China, economic conditions play an important role in decisions about childbearing. In conditions of economic instability or high costs of raising children (e. g., education and health care), couples may delay or reduce the number of children;

3) both countries are experiencing urbanisation, with people moving from rural areas to cities in search of better opportunities. This may influence reproductive behaviour, as urban life often comes with higher housing and child-rearing costs, which may lead to lower fertility rates;

4) in recent decades, there has been an increase in educational attainment, especially among women. Higher education may lead women to delay motherhood in favour of a career, which is also observed in both Belarus and China;

5) policies related to family life and childbearing may also have similarities. For example, China had a long-standing one-child policy that had a strong impact on reproductive behaviour, although it has been relaxed in recent years. Belarus also has programmes and initiatives aimed at supporting families and increasing the birth rate;

6) the influence of social networks and media on public opinion and perceptions of family and childbearing

can also be observed in both countries. This can shape ideas about what an «ideal» family should look like and how many children one should have.

These cultural processes can interact and have a complex impact on reproductive behaviour in Belarus and China. Belarus is currently in the late stage of demographic transition, with a steady decline in fertility rates and a negative population growth rate. However, Belarus is still in the demographic dividend period, with a relatively high average education level, high labour force participation rate, steadily improving health status, and a good economic development status.

A stable population size and a reasonable population structure are necessary prerequisites for economic development, political stability, cultural prosperity and national well-being. However, during its demographic transition, Belarus has experienced various events, such as the collapse of the Soviet Union, geopolitical crises and the COVID-19 pandemic. Its population growth is not due to a stable socio-economic development environment and external factors. Within the country, there is an imbalance between various elements of the population system, such as a mortality rate higher than the birth rate, population aging, an unbalanced gender structure (with more women than men) and lower life expectancy of men per capita, which still exists even in the third phase of transition. Compared with the demographic transition of other European countries, the demographic transition process of Belarus has both common features and certain specific features. In recent years, the population of Belarus has gradually switched from positive growth to negative growth and is facing a new problem of accelerated aging before the economic level of the country reaches the level of developed countries. Belarus has unique characteristics as an ageing country, but its population ageing is less pronounced compared to developed European countries. Changes in reproductive culture are not only caused by economic factors, and a comprehensive population support policy has helped Belarus achieve population stability.

Reproductive behaviour patterns in Belarus, as in many countries, have changed significantly over the past decades. These changes are influenced by various social, economic and cultural factors. Here are some current trends and prospects for reproductive behaviour in Belarus:

1) declining fertility. Belarus, like other Eastern European countries, has experienced declining fertility. Factors contributing to this include economic uncertainty, urbanisation and changing family structures;

2) changing family structures. There has been a noticeable shift from traditional family patterns to more diverse structures. For example, the number of single-parent families and unmarried cohabitation has increased;

3) postponing childbearing. Many individuals and couples choose to delay having children due to educational goals, career advancement and financial considerations. Women are increasingly entering the workforce and prioritising their professional development before starting a family;

4) increasing contraceptive use. Access to and use of contraceptives has improved, resulting in greater control over reproductive choices. This, coupled with increased awareness of family planning options, continues to influence reproductive behaviour;

5) public policy and family support. The Belarusian government has implemented policies to encourage higher fertility rates, such as financial incentives, maternity leave, and childcare support. These initiatives reflect efforts to address demographic challenges;

6) cultural attitudes. Cultural attitudes towards reproduction and family have changed. Traditional views are being challenged by modern views on relationships and gender roles. Young people often prioritise personal freedom and individualism;

7) women's empowerment. Women's empowerment through education and career opportunities has led to changes in reproductive behaviour. Women assert their rights to make choices about their bodies, marriage, and childbearing;

8) health and awareness. Increased awareness of reproductive health issues, including sexually transmitted infections and maternal health, influences reproductive choices. There is increasing focus on informed decision-making and access to health services;

9) influence of technology. The use of technology, including social media and reproductive health apps, is shaping young people's approaches to relationships and reproduction. These tools provide access to information, resources, and support networks;

10) future outlook. As Belarus continues to undergo social and economic change, reproductive behaviour is expected to continue to evolve. Trends toward smaller families, greater gender equality, and improved access to reproductive health services are likely to shape future generations¹.

Reproductive behaviour in Belarus is influenced by a combination of declining fertility, changing family structures, educational and career priorities, and government policies that support families. As societal norms continue to evolve, reproductive patterns are likely to adapt to reflect broader changes in Belarusian society.

China has introduced many policies that are designed to help young families. However, these measures have not had a significant effect. In this regard, experts have made a number of suggestions, and this issue needs to be considered from several angles.

1. The cost of marriage and childbirth. When talking about marriage and childbirth, one cannot help

¹State support of the family in the Republic of Belarus // President of the Republic of Belarus : website. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/zashhita-naselenija/podderzhka-semi> (date of access: 10.12.2024) (in Russ.).

but mention the cost of marriage and childbirth. Although there are mismatches in different regions, the basic material conditions are the same: bride price and a house.

Unlike the older generation, who paid more attention to character and personality, young people are more progressive in their thinking and strive for material things and reality. Material conditions are an important criterion for ensuring future living expenses and raising children, but it is extremely difficult for young people to save enough money for a wedding house and dowry without relying on their family.

Let's talk about the cost of raising children. Raising children of the older generation can be described in the words «free range». As long as the child is not injured, does not die of hunger, lives and grows well, then the child is considered well-mannered. Modern society emphasises refined scientific education, which not only focuses on all-round development but also pays attention to all-round quality, so the cost of raising children naturally increases.

According to the 2023 China birth cost report, the cost of raising a child in the country has increased by 10 % compared with 2022. Raising a child from birth to undergraduate admission costs about 680 thsd yuan. Among them, Shanghai, Beijing and Zhejiang are the three regions with the highest child-raising costs: 1.01 mln yuan, 936 thsd yuan and 855 thsd yuan respectively. In the eyes of ordinary people, this number can be considered an astronomical figure.

2. Women's will. In the process of raising children, a woman's desire to have children cannot be ignored. In modern society, many women value independence, not only personal freedom, but also relative economic independence. They worry that having children will limit their self-development and hinder their career advancement.

According to a recent study, raising children will significantly reduce the number of paid working hours of women. In the period from 0 to 4 years, the paid working hours of mothers decreased by an average of 15 hours per week when their children were born.

Over the next 1, 2, 3 and 4 years, paid working hours will be reduced by 12.5, 5, 7 and 1 hour respectively. Caring for children forces women to sacrifice their careers and not be able to devote themselves to work as fully as men.

This has led to discrimination in the workplace against «baby moms», which is a «motherhood penalty» in women's careers. The «maternity penalty» refers to the difficulties that women face in the workplace, such as worsening working conditions, blocked career opportunities, lower incomes, etc., as they need to take care of children after giving birth.

According to the Global gender gap report – 2022 published by the World Economic Forum, there is a widespread gender pay gap in the Organisation for Economic Co-operation and Development member countries. A 2021 study conducted in 25 European countries found that 60 % of the gender pay gap is due to the maternity penalty. With this data, it is not difficult to understand why more than 70 mln women remain childless throughout their lives.

3. Positivity and negativity. A psychological study found that psychological capital scores were significantly positively correlated with young people's willingness to have children.

The concept of psychological capital is following: a positive psychological state that a person displays in the process of growth, including some dimensions. They are self-efficacy (confidence), hope, optimism, and resilience. Self-efficacy refers to a person's confidence in his or her ability to achieve something, hope is that a person will continue to pursue his or her ideals and goals, optimism refers to a person's positive perception and expectation of the future, resilience is a person's ability to remain persistent and rational in the face of difficulties.

Among them, optimism is especially affecting young people's willingness to have children. While not marrying and not having children will cause some harm to society, causing problems such as increased social burden, disappearing demographic dividend, decreased innovation and creativity, and weakening the family pension function, to solve the problem of population aging, it is still necessary to address the root causes of economic costs, life difficulties, and other problems, and to encourage young people to change their thinking².

The characteristics and problems that Belarus faces in the period of demographic transition are different from those of other Eastern European countries. Income decline, employment difficulties, deteriorating health status of the population, gender imbalance and others are the main problems and challenges that Belarus has faced since independence in terms of population and development. These problems have been extremely unfavourable for the economic and social development of Belarus, while the aging of the population and the increase in dependency ratios continue to put pressure on its economic and social development. However, compared with its neighbouring countries, Belarus still has a relatively high population quality and a lower overall dependency ratio, and its human capital level is relatively good. It is still in the period of demographic dividend, which is favourable for the further development of the national economy. Solving the population problems in Belarus requires scientific development of comprehensive plans to achieve population development

²Family social support // Committee on Labour, Inactivity and Social Protection of the Brest Regional Executive Committee : website. URL: <https://komtsz.gov.by/index.php/osnovnye-napravleniya-deyatelnosti/gosudarstvennaya-sotsialnaya-podderzhka/informatsionnyj-razdel/3926-sotsialnaya-podderzhka-semi> (date of access: 15.11.2024) (in Russ.).

in the context of sustainable social development. In terms of family and fertility policy, further support for families is needed, with the main objective being to create a widely accepted fertility culture and value system, and to encourage families to have more children. In addition, improving health and reducing mortality require promoting healthy lifestyles, raising the standard of living of residents, improving hygiene and environmental conditions, and encouraging positive changes in behaviour and lifestyle among Belarusians.

Several key findings emerge from the analysis of the demographic situation in Belarus are following:

1) Belarus is facing a steady decline in population, which is associated with both low birth rates and high aging rates. This has a negative impact on the country's socio-economic development;

2) the projected increase in the proportion of older people in society (up to 24 % by 2050) creates additional social and economic problems. The changing age structure and age pyramid of the population must be taken into account;

3) the decline in fertility is associated with economic uncertainty, changes in family structure, later childbearing and more active use of family planning methods. This suggests the need to adapt public policy to the new conditions;

4) empowering women is implemented through education and labour activity changes reproductive preferences. Initiatives to support gender equality should be further developed;

5) current measures of state support for fertility – from financial incentives to creating conditions for childcare – emphasise the importance of the state role in addressing demographic issues;

6) addressing the problems of population decline and aging requires a comprehensive approach, including improving living conditions, promoting a healthy lifestyle and supporting families with children;

7) Belarus maintains a relatively high quality of population and level of human capital compared to other Eastern European countries, which provides certain advantages for development³.

Overcoming the current demographic problems of Belarus requires a deeper understanding and adaptation of policies to changing conditions, as well as active involvement of the population in social and economic processes.

For a more in-depth comparative analysis, we can add Kazakhstan. China and Belarus have similar trends in traditions and worldviews, while Kazakhstan, formerly part of the USSR, has a different approach to the

family. Following social guarantees and benefits in Belarus, China and Kazakhstan are aimed at supporting families, especially those raising disabled children, as well as large families. In Belarus they are following:

1) basic labour guarantees for both parents, including stepmothers and stepfathers;

2) the possibility to divide parental leave for children under 3 years between the parents;

3) additional days off and shorter working hours for parents of children with disabilities or large families;

4) employer's obligation to plan leave for employees with pregnant wives;

5) awards for mothers who have raised five or more children;

6) childcare benefits, including increased payments for families in radioactively contaminated areas;

7) social support for single parents and large families⁴.

In China these guarantees and benefits are following:

1) duration of maternity leave from 90 to 180 days depending on the region;

2) dependence of maternity benefits on salary and length of service;

3) support for low-income families and access to free education;

4) local social assistance programmes and additional benefits for large families⁵.

In Kazakhstan the situation is a bit different:

1) duration of maternity leave is 126 days (70 before childbirth and 56 after it);

2) dependence of maternity benefits on the average salary;

3) monthly child benefits and the maternity capital programme;

4) access to social services, including education and health care;

5) tax incentives for parents and the possibility of paternity leave [5].

Each country has its own unique measures to support families, adapted to local conditions and needs.

In the study «Growing inequality and reproductive health in transition economies: Kazakhstan and Belarus» N. Danilovich analyses the impact of market-oriented reforms on women's access to health services in Kazakhstan and Belarus. In Kazakhstan, reforms aimed at improving the efficiency of health care have reduced the availability of health services for vulnerable groups, particularly low-income women. In contrast, Belarus maintains a centralised approach to health care, which provides greater access to health services regardless of income and education level [5]. The study highlights that market reforms aimed at reducing budget

³Family policy in the Republic of Belarus // Children's legal site. URL: <https://mir.pravo.by/edu/roditel/gosudarstvennaya-podderzhka-semey/> (date of access: 17.12.2024) (in Russ.).

⁴State support of the family in the Republic of Belarus // President of the Repub. of Belarus : website. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/social/zashhita-naselenija/podderzhka-semi> (date of access: 10.12.2024) (in Russ.).

⁵The General Office of the State Council issued the «Notice on accelerating the improvement of the fertility support policy system promotes the construction of a fertility-friendly notice on several measures for social development // The State Council of the People's Repub. of China : website. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202410/content_6983486.htm (date of access: 25.12.2024) (in Chin.).

expenditures can negatively affect access to basic economic services if vulnerable groups are not supported. In Kazakhstan, the level of education significantly affects access to reproductive care, while in Belarus this factor is not as critical due to the socialist model of health care. N. Danilovich also emphasises that the relationship between household income and women's self-assessed health in Kazakhstan confirms the influence of socio-economic factors on health perception. In Belarus, no such relationship is observed, indicating higher satisfaction with the healthcare system [5]. The findings highlight the need for reforms in Kazakhstan to improve access to healthcare for women with low income and education, as well as the importance of the role of the state in ensuring equal access to resources. The work offers an in-depth understanding of differences in health policies and their impact on reproductive health, emphasising the need for a comprehensive analysis of systemic factors affecting reproductive health in countries with transition economies.

Belarus is currently experiencing a demographic transition characterised by a steady decline in fertility rates, negative population growth, and an aging population structure. This mirrors trends observed in many Eastern European countries but presents unique challenges due to socio-economic factors. In contrast, China and Kazakhstan exhibit different demographic patterns influenced by their distinct policies and socio-economic environments.

To construct reproductive model's characteristic of women in China and Belarus, we will consider the reproductive behaviour of women in each of the selected countries.

Let's look at women's reproductive behaviour in China. It is shaped by many factors, including cultural, demographic, economic, and political. Let's describe each of these aspects in more detail.

Cultural factors are following:

1) traditional values (Chinese culture traditionally values family, procreation, and women's roles as mothers, however, as the social context changes, these values are beginning to change);

2) Confucianism (it emphasises the importance of family relationships and responsibilities to the family, which can influence the choice of the number of children and their upbringing);

3) modern ideals (as women become more educated and economically independent, their views on marriage and motherhood change, which can lead to a decrease in the birth rate).

Demographic factors are following:

1) aging population (the increasing proportion of elderly people in the population puts pressure on young families to provide care for the elderly);

2) urban migration (migration from rural areas to cities leads to lifestyle changes and a decrease in the birth rate due to the high cost of living in cities);

3) sex ratio (the one-child policy has led to a gender imbalance, which also affects reproductive behaviour).

Economic factors are following:

1) economic independence (women's higher levels of education and careers contribute to their economic independence, which can influence decisions about the number of children);

2) cost of raising children (high costs of education and health care for children can force families to delay or forgo having children);

3) government programmes (economic incentives such as child benefits can motivate families to have more children).

Political factors are following:

1) the one-child policy (it was in effect in China from 1979 to 2015 and had a significant impact on reproductive behaviour by limiting the number of children in families);

2) changes in family policy (with the transition to a two-child policy and then a three-child policy in recent years, there has been a change in attitudes toward fertility, but the influence of old norms is still felt);

3) legislation and women's rights (legislative initiatives aimed at protecting women's rights and supporting families can contribute to changes in reproductive behaviour and women's reproductive behaviour in China is the result of a complex interaction of various factors, and understanding it requires taking into account cultural, demographic, economic and political contexts).

Women's reproductive behaviour in Belarus, as in any other society, is influenced by many factors. Let's consider the cultural, demographic, economic and political aspects that can influence this behaviour.

Cultural factors are following:

1) traditions and values (certain cultural traditions in Belarus related to family and childbearing can influence the decision on the number of children, for example, the traditional role of a woman as a mother and housewife);

2) religious beliefs (Orthodoxy, as the main religion in the country, can influence attitudes towards abortion and contraception);

3) social norms (society's expectations regarding the age at which a woman should become a mother and the number of children can influence reproductive decisions).

Demographic factors are following:

1) age structure (changes in the age structure of the population can influence the birth rate, for example, an increase in the number of women of reproductive age can lead to an increase in the birth rate);

2) migration (emigration of young and working-age people can reduce the birth rate as young people leave in search of better living conditions);

3) family structure (an increase in single-parent families or families with one child can influence the overall number of children women decide to have).

Economic factors are following:

1) economic situation (in conditions of economic instability, families may postpone having children);

2) employment level (problems with employment and low wages can reduce women's desire to have children or to have more children);

3) access to services (the availability of health and social services, such as maternity hospitals and day care centres, can influence the decision to have children).

Political factors are following:

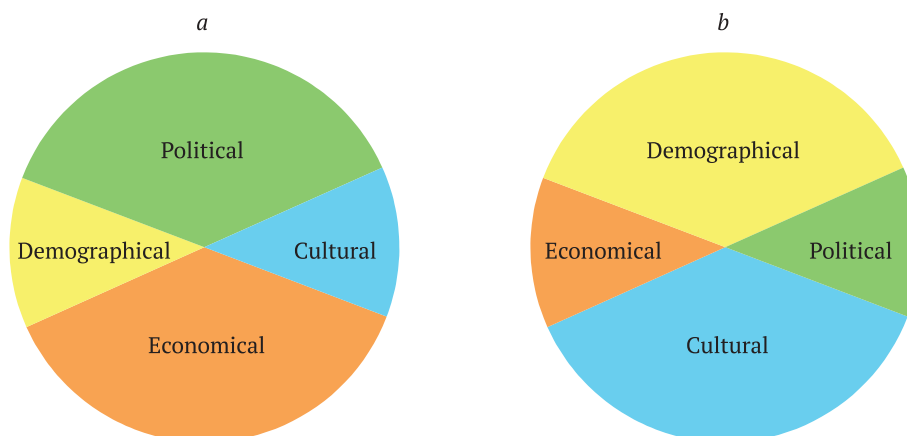
1) government policies on families (family support programmes, such as child benefits, tax credits and other measures can stimulate fertility);

2) legislation (laws regarding abortion, contraception and women's rights can significantly influence reproductive behaviour);

3) education and information (education policy and the availability of information on reproductive health also play an important role in shaping reproductive attitudes).

These factors interact with each other to create a unique picture of women's reproductive behaviour in Belarus.

Based on the above mentioned factors, we obtain models of reproductive behaviour of women in China and Belarus (see figure).

Aspects influencing reproductive behaviour of woman in China (a) and Belarus (b)

As we can see from the models, different factors initially influence women's behaviour. An interesting fact is that in China, the economic factor ranks last, while the political factor comes to the fore. In Belarus, the situation is the opposite: the economic issue comes to the fore, while the cultural factor ranks last. This may be due to the country's geopolitical position and the constant influence of both Eastern and Western culture.

To solve the demographic problems in China and Belarus, a comprehensive and multifaceted approach to improving reproductive behaviour is needed. A combination of economic, social, political and cultural measures will create a more supportive environment for young families, which in turn will contribute to an increase in the birth rate and an improvement in the quality of life.

Improving women's reproductive behaviour in China can be achieved through a comprehensive approach that includes the following recommendations:

1) education and information. Improving sexual and reproductive education among young and adult women will help them better understand their reproductive rights and options including information on family planning, contraception, and pregnancy health;

2) access to health services. Ensuring access to quality health services, including gynecological examina-

tions, family planning counseling, and pregnancy support services can include both public and private health facilities;

3) family support. Introducing programmes that support families with children, such as financial benefits, tax breaks, and affordable housing, can encourage women to decide to have children;

4) promoting gender equality. A programme to improve the status of women in society, including equal opportunities in education and careers, can help women feel more confident about motherhood and reproductive health;

5) flexible working conditions. Providing flexible working hours and telecommuting opportunities can help women better balance work and family responsibilities;

6) social campaigns. Conducting public campaigns to change public opinion on reproductive rights and the role of women in society can promote a more positive perception of motherhood;

7) mental health support. Providing women with access to psychological counseling can help them cope with the emotional and psychological aspects of motherhood.

These measures can help improve women's reproductive behaviour in China and create a more supportive environment for decision-making about motherhood.

Improving women's reproductive behaviour in Belarus can be achieved through a comprehensive approach that includes the following aspects:

1) education and information (providing access to quality information on reproductive health, family planning methods, and the consequences of various decisions). It is important to conduct educational programmes in schools and universities, as well as organise seminars and trainings for women of all ages;

2) access to health services (increasing the availability and quality of health services related to reproductive health). This includes ensuring free access to consultations, preventive examinations, contraception, and reproductive health services;

3) support for motherhood (creating programmes that support mothers, including funding, maternity leave, and

childcare services). This will help women make more confident decisions about pregnancy and raising children;

4) social support and equality (promoting initiatives aimed at improving social support for women, as well as equality in family and professional relationships). This may include programmes to combat discrimination and violence, as well as support for women's career development;

5) discussing and changing public stereotypes (working to change public opinion and stereotypes related to women's reproductive behaviour). It is important that women feel free to choose their reproductive rights and can speak openly about their desires and needs.

These measures can help improve women's reproductive behaviour and create a more supportive environment for their reproductive health decisions.

Conclusions

Demographic developments in China and Belarus reveal significant challenges and trends, particularly with regard to negative population growth, population aging, and evolving reproductive behaviour. The demographic transition in China has been marked by declining fertility, imbalanced sex ratios, and persistent cultural attitudes toward family and childbearing shaped by historical policies such as the one-child policy. Although this policy was repealed in 2015, its long-term effects continue to influence women's reproductive choices, often delaying childbearing due to economic pressures, career aspirations, and the high costs associated with raising children. In contrast, Belarus faces similar demographic challenges characterised by declining fertility and population aging, yet maintains relatively higher levels of human capital compared to other Eastern European countries. Economic instability, changing family structures, and evolving social norms contribute to reproductive behaviour in Belarus, where delayed childbearing and a shift toward more diverse family patterns are common. Moreover, the Belarusian government has implemented various policies to support families and encourage higher fertility rates, including financial incentives and improved access to childcare.

Both countries face common socioeconomic challenges, such as urbanisation and rising costs of living, which affect reproductive decisions. While Belarus is experiencing negative population growth, China is struggling with the consequences of its past population control measures, leading to an urgent need for policies that effectively promote family growth and support women's roles in both the family and professional spheres.

In addition, a comparative analysis with Kazakhstan reveals different approaches to family support and reproductive health. Kazakhstan exhibits a relatively stable demographic profile, supported by higher fertility and immigration rates, but faces its own challenges regarding access to healthcare for vulnerable groups.

As both China and Belarus are going through their own demographic transitions, addressing economic, cultural, and policy-related factors is critical to promoting reproductive health and family well-being. Tailored approaches that take local conditions into account, such as increasing economic stability and enhancing gender equality, can provide pathways to better demographic outcomes.

References

1. Zhang Si. Changing attitudes of modern women towards childbearing from the perspective of «dinky» families. *The World of Labour Protection*. 2017;20:23–24.
2. Li Syusun, Cheng Simin, Fan Fan. Two-child policy and school district bonuses – a policy evaluation analysis based on population policy changes. *Financial Studies*. 2021;93–104.
3. Chen Yan. A corporate ethics perspective on gender discrimination in women's employment. *Research on Training Courses*. 2019;22:273–283.
4. Lyu Tszindzhu. How expensive is it for women to have children in urban China? *Population Research*. 2020;44:33–43.
5. Danilovich N. Growing inequalities and reproductive health in transitional countries: Kazakhstan and Belarus. *Journals of Public Health Policy*. 2010;31(1):30–50. DOI: 10.1057/jphp.2009.47.

Received by editorial board 17.02.2025.

УДК 516.4.063

АДАПТАЦИЯ ОПРОСНИКА ИГРОВОГО РАССТРОЙСТВА, РАЗРАБОТАННОГО АМЕРИКАНСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИЕЙ, ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾, В. А. КАРПИЕВИЧ²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный технологический университет, ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Существует тесная взаимосвязь между аддиктивным поведением по отношению к технологиям и психическими расстройствами. Зависимость от интернет-игр является новым диагнозом, который включен в 11-е издание Международной классификации болезней как психическое расстройство, приводящее к личностным и социальным нарушениям. По сравнению с другими видами интернет-поведения чрезмерное увлечение видеоиграми может вызывать тревогу, депрессию, академическую прокрастинацию и привести к ухудшению качества сна. Для диагностики игрового расстройства члены Американской психиатрической ассоциации (АПА) разработали 9 критериев, на основе которых был создан опросник. Данный опросник был переведен на немецкий, французский, итальянский, испанский, португальский, турецкий, китайский, японский, корейский и другие языки, однако его перевод на русский язык отсутствует. Цель настоящего исследования заключается в адаптации опросника игрового расстройства, разработанного членами АПА, для русскоязычного социума, а также в его сокращении, доказательстве валидности и надежности короткой версии опросника. Основой работы служат результаты онлайн-анкетирования 703 респондентов ($M = 19,9$; $SD = 5,2$), в частности 370 женщин (52 %) и 333 мужчин (48 %). В исследовании используются опросник игрового расстройства (АПА), короткая версия опросника зависимости от смартфона (В. П. Шейнов), короткая версия опросника прокрастинации (В. П. Шейнов, А. С. Девицын), опросник зависимости от социальных сетей (В. П. Шейнов, А. С. Девицын) и госпитальная шкала тревоги и депрессии. Короткая версия адаптированного опросника игрового расстройства позволит сопоставлять результаты, полученные в ходе опроса русскоязычных респондентов, с результатами, выявленными при опросе нерусскоязычных респондентов.

Ключевые слова: игровое расстройство; опросник Американской психиатрической ассоциации; адаптация; русскоязычный социум; валидность; надежность.

Образец цитирования:

Шейнов ВП, Карпиевич ВА. Адаптация опросника игрового расстройства, разработанного Американской психиатрической ассоциацией, для русскоязычного социума. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;2:83–90.
EDN: KYTOGA

For citation:

Sheinov VP, Karpievich VA. Adaptation of the gaming disorder questionnaire developed by the American Psychiatric Association for the Russian-speaking society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;2:83–90. Russian.
EDN: KYTOGA

Авторы:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства факультета повышения квалификации и переподготовки.

Виктор Александрович Карпиевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Authors:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), PhD (physics and mathematics), full professor; professor of the department of psychology and pedagogical excellence, faculty of advanced training and retraining.

sheinov1@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>

Viktor A. Karpievich, PhD (history), docent; associate professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology.

karpievich68@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-6198-618X>

ADAPTATION OF THE GAMING DISORDER QUESTIONNAIRE DEVELOPED BY THE AMERICAN PSYCHIATRIC ASSOCIATION FOR THE RUSSIAN-SPEAKING SOCIETY

V. P. SHEINOV^a, V. A. KARPIEVICH^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskowskaja Street, Minsk 220007, Belarus

^bBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

Corresponding author: V. P. Sheinov (sheinov1@mail.ru)

Abstract. There is a close relationship between addictive behaviour towards technology and mental disorders. Internet gaming addiction is a new diagnosis included in the 11th edition of the International classification of diseases as a mental disorder leading to personal and social impairments. Compared to other types of Internet behaviour, excessive enthusiasm for video games can cause anxiety, depression, academic procrastination and lead to a deterioration in sleep quality. For the diagnosis of gaming disorder members of the American Psychiatric Association (APA) developed 9 criteria on the basis of which a questionnaire was created. This questionnaire has been translated into German, French, Italian, Spanish, Portuguese, Turkish, Chinese, Japanese, Korean and other languages, however, its translation into Russian language is absent. The aim of the present study is to adapt the gaming disorder questionnaire developed by APA members for the Russian-speaking community, as well as to shorten it and to demonstrate the validity and reliability of the short version of the questionnaire. The basis of the work consists of the results of an online survey of 703 respondents ($M = 19.9$; $SD = 5.2$), including 370 women (52 %) and 333 men (48 %). The study utilises the gaming disorder questionnaire (APA), the short version of the smartphone addiction questionnaire (V. P. Sheinov), the short version of the procrastination questionnaire (V. P. Sheinov, A. S. Dziavitsyn), the social media addiction questionnaire (V. P. Sheinov, A. S. Dziavitsyn) and the hospital anxiety and depression scale. The short version of the adapted gaming disorder questionnaire will allow for comparison of the results obtained from Russian-speaking respondents with those identified from non-Russian-speaking respondents.

Keywords: gaming disorder; American Psychiatric Association questionnaire; adaptation; Russian-speaking society; validity; reliability.

Введение

В настоящее время цифровые технологии, в том числе интернет-игры и социальные сети, являются неотъемлемой частью жизни многих людей, особенно представителей молодого поколения. Индустрия видеоигр включает большое число разработчиков, сотрудников сопутствующих сфер (таких как продавцы, поставщики, представители сервисного обслуживания, персонал компьютерных клубов, игровых заведений и т. д.) и игроков из разных стран мира. За последние 9 лет число геймеров увеличилось на 1,32 млрд человек. Установлено, что в 2024 г. проводили время за видеоиграми 3,32 млрд человек (практически половина населения планеты). По прогнозам к концу 2026 г. число пользователей, увлекающихся видеоиграми, возрастет до 3,68 млрд человек¹. Наибольшее количество геймеров проживает в Японии и Великобритании: в этих странах посвящают время видеоиграм более 58 % жителей. Значительную часть игроков, а именно 38 % людей от числа геймеров во всем мире, представляет молодежь от 18 до 34 лет². Если рассматривать ситуацию в гендер-

ном плане, то в 2022 г. около 40 % людей от общего количества игроков на персональных компьютерах и консолях являлись женщинами³. Следует отметить, что доля женщин-геймеров медленно растет.

Вклад игровой индустрии в мировую экономику является ощутимым, что подтверждается данными, опубликованными в интернет-источниках. Исследования свидетельствуют о том, что в 2023 г. объем глобального рынка видеоигр достиг 184 млрд долл. США, что на 0,6 % больше по сравнению со значениями за 2022 г. С 2019 по 2023 г. продажи видеоигр увеличились на 36 %⁴. Можно сделать вывод о том, что интерес к данному рынку будет только возрастать. В 2022 г. в США геймеры потратили на игры 55,5 млрд долл. США. В 2025 г. сектор компьютерных игр должен был увеличиться на 46,7 млрд долл. США. Согласно прогнозам в 2025 г. объем рынка мобильных игр мог достичь 138 млрд долл. США.

Время, уделенное видеоиграм, является показателем, вызывающим интерес и определенную тревогу. В среднем люди играют 8,45 ч в неделю. Больше

¹Сколько людей играют в видеоигры? (2025) // Инклиент : сайт. URL: <https://inclient.ru/video-games-stats/?ysclid=m349poai-rq97821177> (дата обращения: 02.11.2024).

²Dimitrievski M. 33 evolutionary gaming statistics of 2024 // Truelist : website. URL: <https://truelist.co/blog/gaming-statistics/> (date of access: 02.11.2024).

³Компьютерные и видеоигры (мировой рынок) // TAdviser : портал. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_\(мировой_рынок\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Компьютерные_и_видеоигры_(мировой_рынок)) (дата обращения: 02.11.2024).

⁴Там же.

всего времени на видеоигры тратят жители Китая и Вьетнама: первые играют в среднем 12,39 ч в неделю, вторые – около 10,16 ч в неделю⁵.

По мнению людей практически всех возрастных категорий, самым популярным жанром видеоигр является шутер (*shooter*). По различным оценкам особенно распространен жанр шутера от первого лица (*first-person shooter*). Его отличительной чертой является то, что игроки видят мир глазами своего персонажа, перемещающегося в трехмерном пространстве. Наиболее популярными шутерами от первого лица являются игры серии *Call of Duty*, а также игры *Counter-Strike: Global Offensive*, *Doom*, *Quake*, *Team Fortress 2* и *Halo*. На втором по популярности месте находятся игры приключенческого жанра (игры серий *The Legend of Zelda*, *Tom Raider*, *Grand Theft Auto*, *God of War* и т. д.), в частности игры ужасов на выживание (игры серии *Resident Evil*) и приключенческие боевики – метроидвании (*metroidvania*).

В обзоре, опубликованном британским сообществом *GamesIndustry*, проанализировано состояние рынка видеоигр в 2023 г. и представлен рейтинг наиболее популярных из них. В США в топ-10 вошли игры серии *Call of Duty*, а также игры *Madden NFL 24*, *Diablo 4*, *Mortal Kombat 1* и т. д. В Великобритании лидерские позиции также заняла футбольная серия игр от корпорации *Electronic Arts*. Самыми кассовыми играми года стали игра *Monopoly Go!* от компании *Scopely* и игра *Honkai: Star Rail* от компании *MiHoYo*. От продаж первой и второй игр было получено 2,0 и 1,5 млрд долл. США соответственно⁶.

В 2024 г. самой популярной компьютерной игрой в мире стала игра *Fortnite*. Также в топ-10 вошли игры *Minecraft*, *Roblox*, *Counter-Strike 2 & GO*, *The Sims 4*, *League of Legends*, *Call of Duty: Modern Warfare II* (*Call of Duty: Modern Warfare III*, *Call of Duty: Warzone 2.0*)⁷.

Интерес к видеоиграм обусловлен еще и тем, что в ходе дигитализации культуры они стали базой для «конвергенции различных культурных продуктов» [1, с. 67]. Так, игра *Final Fantasy XV*, выпущенная в 2016 г. японской компанией *Square Enix*, содержит анимационные ролики, а весь игровой процесс сопровождается музыкальными композициями, записанными при участии оркестра и хора [1, с. 67–68]. Можно считать, что многие современные видеоигры представляют собой сложные проекты, включающие различные культурные составляющие.

Популярность проведения времени за видеоиграми объясняется тем, что эта деятельность является не только средством релаксации или получения удовольствия, но и видом спорта. По данным портала *Esports Earnings*, в 2024 г. в мире насчитывалось более 142 тыс. людей, занимавшихся киберспортом. Наибольшее число профессиональных игроков в компьютерные игры (более 27,9 тыс. человек) находится в США. В пятерку стран со значительным количеством киберспортсменов также вошли Китай (8,9 тыс. человек), Германия (6,5 тыс. человек), Франция (6,2 тыс. человек) и Корея (5,8 тыс. человек). Россия заняла 6-е место в рейтинге (5,4 тыс. человек)⁸. Количество киберспортсменов продолжает возрастать, чему способствует проведение множества чемпионатов, привлекающих многочисленных спонсоров.

Увеличение числа геймеров вызывает тревогу у специалистов. По их оценкам, от 1 до 10 % жителей стран Северной Америки и Европы имеют расстройство, вызванное зависимостью от интернет-игр (*Internet gaming disorder*, IGD). Например, около 0,3–1,0 % взрослых людей из Великобритании, США, Германии и Канады имеют диагноз IGD. В Южной Корее эта проблема объявлена кризисом в области общественного здравоохранения, от которого страдают более 600 тыс. детей. Самый высокий уровень игровой зависимости выявлен в Иране: здесь ее имеют 22,8 % человек. В целом в мире данная проблема отмечается у 8,4 % детей и подростков⁹.

Распространенность зависимости от смартфонов изучена широко. Немногочисленны работы, которые посвящены выявлению взаимосвязи между зависимостью от смартфона и психологическим дистрессом, расстройством, связанным с интернет-играми. За последнее десятилетие исследования в данной области существенно возросли. Они продемонстрировали тесную связь между аддиктивным использованием технологий и сопутствующими психическими расстройствами.

Новый диагноз IGD, включенный в 11-е издание Международной классификации болезней [2], обозначает психическое расстройство, приводящее к личностным и социальным нарушениям [3]. Американская психиатрическая ассоциация (АПА) определила его как потенциальное психическое расстройство и признала, что немного известно о распространенности, обоснованности и кросс-

⁵Сколько людей играют в видеоигры? (2025) // Инклиент : сайт. URL: <https://inclient.ru/video-games-stats/?ysclid=m349poai-prq97821177> (дата обращения: 02.11.2024).

⁶Семенов А. Игровая индустрия 2023 в цифрах – инфографика от GamesIndustry // App2Top : сайт. URL: <https://app2top.ru/industry/igrovaya-industriya-2023-v-tsifrah-infografika-ot-gamesindustry-213589.html?ysclid=m348ryv8b7670813552> (дата обращения: 02.11.2024).

⁷Сколько людей играют в видеоигры? (2025) // Инклиент : сайт. URL: <https://inclient.ru/video-games-stats/?ysclid=m349poai-prq97821177> (дата обращения: 02.11.2024).

⁸Highest earnings by country // Esports Earnings : website. URL: <https://www.esportsearnings.com/countries> (date of access: 02.11.2024).

⁹Dimitrievski M. 33 evolutionary gaming statistics of 2024 // Truelist : website. URL: <https://truelist.co/blog/gaming-statistics/> (date of access: 02.11.2024).

культурной надежности критериев, предлагаемых для определения IGD [4]. Недавно проведенные международные исследования показали, что уровень распространенности IGD в мире близок к 2 % [2].

В ходе выполнения работы [5] было выявлено, что 20,8 % студентов колледжей чаще играют в онлайн-игры, 43,9 % респондентов предпочитают смотреть короткие видеоролики, 35,3 % человек имеют иное интернет-поведение. По сравнению с другими видами интернет-поведения увлечение онлайн-играми и просмотром коротких видеороликов может стать причиной тревоги, депрессии и академической прокрастинации. По мере увеличения времени, посвящаемого названным видам интернет-поведения, тревога и депрессия усиливались [5].

Авторы исследования [6] установили, что депрессия положительно связана с IGD. В работе [7] отмечено, что у лиц с IGD вероятность стресса, тревоги и депрессии выше, чем у лиц без IGD.

Прокрастинация представляет собой серьезную проблему, распространенную среди молодежи. Как указано выше, ее может вызывать зависимость от видеоигр, что обусловлено их способностью давать обратную связь и мгновенно приносить удовлетворение [8]. Установлено, что взаимосвязь между прокрастинацией и временем, проведенным за видеоиграми, является слабopоложительной ($r = 0,122$) [8]. У молодых людей с IGD отмечен более высокий уровень прокрастинации [9]. Исследование [10] также показало, что социальная тревога и прокрастинация имеют положительную связь с IGD.

При проведении работ [11–13] была обнаружена положительная связь игрового расстройства с зависимостью от социальных сетей. Кроме того, авторы публикаций [14–15] подтвердили прямое влияние зависимости от смартфона на появление IGD ($p < 0,001$). Опубликованные в 2018–2021 гг. 13 эмпирических исследований показали наличие положительных связей низкого или среднего уровня между IGD и зависимостью от социальных сетей и смартфона [16].

Следует отметить, что IGD вызывает проблемы со сном [17]. Зависимость от интернет-игр связана с незащищенностью от манипуляций [18], что приводит к виктимизации [19], ухудшению асертивности [20] и уменьшению уверенности в себе [21].

Критерий принадлежности к мужскому полу положительно связан с аддиктивным поведением по отношению к видеоиграм [13]. Мужчины являются патологическими игроками в большей степени, чем женщины; они проводят больше времени за видеоиграми [22]. Обнаружено, что в тестах на IGD мужчины набирают значительно больше баллов, чем женщины [3].

Возраст обратно пропорционален вероятности появления игровой зависимости [13]. Повышение частоты обращения к играм и (или) посвящаемого им времени ежедневно указывает на рост аддикции, в то время как увеличение уровня образования, который обычно соответствует большему возрасту, – на ее снижение [22].

Для диагностики игрового расстройства члены АПА разработали 9 критериев, на основе которых был создан опросник. Данный опросник был переведен на немецкий, французский, итальянский, испанский, португальский, турецкий, китайский, японский, корейский и другие языки, однако его перевод на русский язык отсутствует. Русскоязычные авторы разработали ряд оригинальных опросников для диагностики IGD, но эти опросники не позволяют сравнивать полученные результаты с теми результатами, которые обнаружены зарубежными специалистами.

Цель данного исследования заключается в адаптации опросника игрового расстройства, разработанного членами АПА, для русскоязычного социума, а также в его сокращении, доказательстве валидности и надежности короткой версии опросника. В настоящее время актуальна установка на сокращение количества заданий в опросниках. Исследования показали, что чем больше вопросов, тем хуже качество получаемых ответов при тестировании как в офлайн-режиме [23], так и в онлайн-режиме [24].

Материалы и методы исследования

Сбор данных. Основой исследования послужили результаты онлайн-анкетирования 703 респондентов ($M = 19,9$; $SD = 5,2$). В нем участвовали 370 женщин (52 %) и 333 мужчины (48 %).

Методика исследования. В работе использовались опросник игрового расстройства, разработанный членами АПА [25], короткая версия опросника зависимости от смартфона [26], короткая версия опрос-

ника прокрастинации [27], опросник зависимости от социальных сетей [28] и госпитальная шкала тревоги и депрессии [29]. Дополнительно респондентам был задан вопрос, есть ли у них проблемы со сном.

Статистический анализ. Оценка результатов осуществлялась с использованием пакета программ *SPSS Statistics 22.0*. Выводы ориентированы на уровень статистической значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

Исходная версия опросника игрового расстройства, разработанного членами АПА, была профессионально переведена с английского языка на русский.

Проверка осуществлялась путем обратного перевода на английский язык с привлечением его носителя. Разночтения устранялись с помощью сравнения

русского варианта опросника с его немецким и французским вариантами. Опросник включает 9 вопросов, на которые нужно дать ответ «да» или «нет».

1. Много ли времени Вы проводите думая об играх, даже когда Вы не играете, или планируя следующие игровые сеансы?

2. Чувствуете ли Вы беспокойство, раздражительность, истерику, злость или грусть, когда пытаетесь сократить или прекратить игру или когда у Вас нет возможности играть?

3. Считаете ли Вы, что Вам нужно играть все больше времени, играть в более увлекательные игры или использовать более мощное оборудование, чтобы испытать те же возбуждение, азарт и интерес, что и раньше?

4. Считаете ли Вы, что Вы должны играть меньше, но не можете сократить количество времени, которое Вы тратите на игры?

5. Теряете ли Вы интерес или ограничиваете участие в других развлечениях из-за игр?

6. Продолжаете ли Вы играть, даже если знаете о негативных последствиях (недосыпание, опоздание в школу или на работу), тратите слишком много денег, спорите с другими или пренебрегаете важными обязанностями?

7. Лжете ли Вы семье, друзьям или другим людям о том, сколько играете, или пытаетесь помешать Вашей семье или друзьям узнать, сколько времени Вы провели за играми?

8. Играете ли Вы, чтобы забыть о личных проблемах или ослабить чувство вины, тревогу, депрессию?

9. Рискуете ли Вы потерять значимые отношения, работу, образование или карьерные возможности из-за игр?

Проверка адаптированного опросника игрового расстройства на однородность. Однородность исходной версии опросника оказалась приемлемой: коэффициент α -Кронбаха равен 0,747. Программа улучшения однородности пакета *SPSS Statistics 22.0* предложила исключить из опросника пункты № 8 и 6. После удаления пункта № 8 значение коэффициента α -Кронбаха составило 0,783, после удаления пунктов № 8 и 6 оно стало равным 0,785. Увеличение значения коэффициента α -Кронбаха свидетельствует об улучшении однородности опросника.

Проверка короткой версии адаптированного опросника игрового расстройства на дискриминативность. Проверка переменных по критерию Колмогорова – Смирнова показала, что одни переменные отвечают нормальному распределению, а другие не соответствуют ему. Возможные связи между переменными следует устанавливать с помощью параметрической корреляции (корреляции по Пирсону) и непараметрической корреляции (корреляции по Кендаллу), поскольку последняя позволяет выявлять линейные и нелинейные связи. Применение корреляции по Пирсону возможно, поскольку изучаемая выборка является довольно большой.

Представленная в табл. 1 корреляция пунктов опросника с его итоговым показателем свидетельствует о том, что дискриминативность всех пунктов является высокой.

Таблица 1

Корреляция пунктов короткой версии адаптированного опросника игрового расстройства с его итоговым показателем по Пирсону и Кендаллу

Table 1

Correlation of the short version of the adapted gaming disorder questionnaire items with its final score according to Pearson and Kendall

Номер пункта	Корреляция по Пирсону		Корреляция по Кендаллу	
	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)	Коэффициент корреляции (τ)	Уровень значимости (p)
1	0,655*	0,000	0,549*	0,000
2	0,614*	0,000	0,445*	0,000
3	0,653*	0,000	0,506*	0,000
4	0,570*	0,000	0,465*	0,000
5	0,605*	0,000	0,467*	0,000
7	0,653*	0,000	0,458*	0,000
9	0,629*	0,000	0,426*	0,000

Примечание. Символом * отмечены значения $p \leq 0,01$.

Проверка валидности короткой версии адаптированного опросника игрового расстройства. Для доказательства валидности опросника было необходимо проверить наличие связей игрового расстрой-

ства с такими актуальными явлениями, как тревога, депрессия, прокрастинация, зависимость от социальных сетей и смартфона (табл. 2), а также с такими критериями, как проблемы со сном, пол и возраст (табл. 3).

Таблица 2

Корреляция игрового расстройства с тревогой, депрессией, прокрастинацией, зависимостью от социальных сетей и смартфона

Table 2

Correlation of gaming disorder with anxiety, depression, procrastination, social media addiction and smartphone addiction

Явление	Корреляция по Пирсону		Корреляция по Кендаллу	
	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)	Коэффициент корреляции (τ)	Уровень значимости (p)
Тревога	0,326*	0,000	0,244*	0,000
Депрессия	0,353*	0,000	0,271*	0,000
Прокрастинация	0,172*	0,000	0,150*	0,000
Зависимость от социальных сетей	0,490*	0,000	0,319*	0,000
Зависимость от смартфона	0,337*	0,000	0,258*	0,000

Примечание. Символом * отмечены значения $p \leq 0,01$.

Таблица 3

Корреляция игрового расстройства с проблемами со сном, полом и возрастом

Table 3

Correlation of gaming disorder with sleep problems, sex and age

Критерий	Корреляция по Пирсону		Корреляция по Кендаллу	
	Коэффициент корреляции (r)	Уровень значимости (p)	Коэффициент корреляции (τ)	Уровень значимости (p)
Проблемы со сном	0,265*	0,000	0,214*	0,000
Пол	0,039	0,300	-0,080*	0,006
Возраст	-0,201*	0,000	-0,185*	0,000

Примечание. Символом * отмечены значения $p \leq 0,01$.

Информация, содержащаяся в табл. 2, свидетельствует о конструктивной валидности опросника относительно указанных явлений, поскольку она соответствует установленным ранее данным о наличии положительных связей игрового расстройства с тревогой [5; 7; 10], депрессией [5–7], прокрастинацией [8–10], зависимостью от социальных сетей [11–13] и смартфона [14; 15],

При использовании короткой версии адаптированного опросника выявлена отрицательная нелинейная связь игрового расстройства с критерием принадлежности к женскому полу, так как корреляция по Пирсону является статистически незначимой, корреляция по Кендаллу – статистически значимой. В ряде исследований отмечено, что аддиктивное увлечение видеоиграми отрицательно связано с критерием принадлежности к женскому полу [2; 13; 22] и критерием возраста [13; 22], в то время как с проблемами со сном оно коррелирует положительно [17]. Эти факты подтверждают конструктивную валидность опросника в отношении названных критериев.

Проверка надежности короткого адаптированного опросника игрового расстройства. Опросник проверен на предмет его однородности (внутренней

согласованности), дискриминативности, а также надежности повторного тестирования (ретеста).

Однородность опросников количественно оценивается коэффициентом α -Кронбаха. После удаления из опросника пунктов № 8 и 6 значение коэффициента стало равным 0,785. Полученное значение отвечает принятой норме внутренней согласованности (выше значения 0,7).

Процедура сокращения опросника увеличила и показатели общей дискриминативности его пунктов, поскольку пункты № 8 и 6 характеризовались самыми низкими показателями и по Пирсону, и по Кендаллу. После удаления этих пунктов в опроснике остались лишь те пункты, дискриминативность которых была существенно выше значения 0,4.

Таким образом, психометрические показатели сокращенной до 7 пунктов версии опросника оказались лучше, чем данные показатели исходной версии опросника. Полученные результаты отвечают цели создания короткой версии опросника, которая заключалась не только в получении более удобного в практическом плане инструмента для измерения психометрических показателей, но и в улучшении их характеристик.

Ретестовая надежность опросника проверена с интервалом в месяц. В ретесте приняли участие 97 респондентов. Корреляция между первым тестом (исходный опросник) и вторым тестом (короткий

опросник) равна 0,710 ($p < 0,001$). Полученный результат свидетельствует о хорошей ретестовой надежности опросника, поскольку показатели превышают значение 0,7.

Заключение

В результате настоящего исследования была сконструирована короткая версия опросника игрового расстройства, исходная версия которого, разработанная членами АПА, была адаптирована для русскоязычного социума. Короткая версия опросника удовлетворяет основным критериям валидности и надежности, его психометрические показатели

лучше, чем у исходной версии опросника. Опросник позволит проводить исследования с помощью более удобного инструмента с лучшими психометрическими характеристиками, а также сопоставлять результаты, полученные в ходе опроса русскоязычных респондентов, с результатами, выявленными при опросе нерусскоязычных респондентов.

Библиографические ссылки

1. Карпиевич ВА. Конвергенция культурных индустрий. *Человек в социокультурном измерении*. 2022;2:63–69.
2. Hofstedt A, Mide M, Arvidson E, Ljung S, Mattiasson J, Lindskog A, Söderpalm-Gordh A. Pilot data findings from the Gothenburg treatment for gaming disorder: a cognitive behavioral treatment manual. *Frontiers in Psychiatry*. 2023;14:1162492. DOI: 10.3389/fpsyt.2023.1162492.
3. Zhu L, Zhu Yu, Li Sh, Jiang Yu, Mei X, Wang Yu, et al. Association of Internet gaming disorder with impulsivity: role of risk preferences. *BMC Psychiatry*. 2023;1:754. DOI: 10.3390/ijerph20043633.
4. Przybylski AK, Weinstein N, Murayama K. Internet gaming disorder: investigating the clinical relevance of a new phenomenon. *American Journal of Psychiatry*. 2017;3:230–236. DOI: 10.1176/appi.ajp.2016.16020224.
5. Xia LL, Li JD, Duan F, Zhang J, Mu LL, Wang LJ, et al. Effects of online game and short video behavior on academic delay of gratification-mediating effects of anxiety, depression and retrospective memory. *Psychology Research and Behavior Management*. 2023;16:4353–4365. DOI: 10.2147/PRBM.S432196.
6. Yin M, Huang Sh, Yu Ch. Depression and Internet gaming disorder among Chinese adolescents: a longitudinal moderated mediation model. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;4:3633. DOI: 10.3390/ijerph20043633.
7. Calvario MKJC. Association of Internet gaming disorder to depression, anxiety and stress among Filipino adolescents in selected public high schools in Pasay city. *Health Sciences Journal*. 2023;2:100–111.
8. Nordby K, Løkken RA, Pfuhl G. Playing a video game is more than mere procrastination. OSF 4r7eg_v1 [Preprint]. 2018 [cited 2025 November 2]: [18 p.]. Available from: https://osf.io/preprints/osf/4r7eg_v1.
9. Yeh YCh, Wang PW, Huang MF, Lin PCh, Chen ChSh, Ko ChH. The procrastination of Internet gaming disorder in young adults: the clinical severity. *Psychiatry Research*. 2017;8:258–262. DOI: 10.1016/j.psychres.2017.04.055.
10. Choo YE. *The relationship between social anxiety, procrastination, self-esteem and Internet addiction among university students in Malaysia* [dissertation]. Kampar: Universiti Tunku Abdul Rahman; 2022. IX, 92 p.
11. Moreno M, Riddle K, Jenkins MC, Singh AP, Zhao Q, Eickhoff J. Measuring problematic Internet use, Internet gaming disorder, and social media addiction in young adults: cross-sectional survey study. *JMIR Public Health and Surveillance*. 2022;1:27719. DOI: 10.2196/27719.
12. Krishnan A, Chew PKH. Impact of social media addiction and Internet gaming disorder on sleep quality: serial mediation analyses. *Psychiatric Quarterly*. 2024;2:185–202. DOI: 10.1007/s11126-024-10068-9.
13. Andreassen CS, Billieux J, Griffiths MD, Kuss DJ, Demetrovics Z, Mazzoni E, et al. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: a large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*. 2016;2:252–262. DOI: 10.1037/adb0000160.
14. Yilmaz R, Sulak S, Griffiths MD, Yilmaz FGK. An exploratory examination of the relationship between Internet gaming disorder, smartphone addiction, social appearance anxiety and aggression among undergraduate students. *Journal of Affective Disorders Reports*. 2023;11:100483. DOI: 10.1016/j.jadr.2023.100483.
15. Zhang M, Chi Ch, Liu Q, Zhang Yu, Tao X, Liu H, et al. Prevalence of smartphone addiction and its relation with psychological distress and Internet gaming disorder among medical college students. *Frontiers in Public Health*. 2024;12:1362121. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1362121.
16. Casale S, Musicò A, Spada MM. A systematic review of metacognitions in Internet gaming disorder and problematic Internet, smartphone and social networking sites use. *Clinical Psychology & Psychotherapy*. 2021;6:1494–1508. DOI: 10.1002/cpp.2588.
17. Wong HYa, Mo HY, Potenza MN, Chan MNM, Lau WM, Chui TK, et al. Relationships between severity of Internet gaming disorder, severity of problematic social media use, sleep quality and psychological distress. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;6:1879. DOI: 10.3390/ijerph17061879.
18. Шейнов ВП, Девидын АС. Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций». *Системная психология и социология*. 2022;1:70–80. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.6.
19. Sheinov VP. Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults. *Russian Psychological Journal*. 2018;2–1:69–85. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.1.5.
20. Шейнов ВП. Ассертивное поведение: оценки и свойства. *Российский психологический журнал*. 2014;4:55–67.
21. Шейнов ВП. Уверенность в себе и психологический пол. *Системная психология и социология*. 2016;3:54–59.

22. Esposito MR, Serra N, Guillari A, Simeone S, Sarracino F, Continisio GI, et al. An investigation into video game addiction in pre-adolescents and adolescents: a cross-sectional study. *Medicina*. 2020;5:221. DOI: 10.3390/medicina56050221.
23. Herzog AR, Bachman JG. Effects of questionnaire length on response quality. *Public Opinion Quarterly*. 1981;4:549–559. DOI: 10.1086/268687.
24. Galesic M, Bosnjak M. Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey. *Public Opinion Quarterly*. 2009;2:349–360. DOI: 10.1093/poq/nfp031.
25. Higuchi S, Osaki Yo, Kinjo A, Mihara S, Maezono M, Kitayuguchi T, et al. Development and validation of a nine-item short screening test for ICD-11 gaming disorder (GAMES test) and estimation of the prevalence in the general young population. *Journal of Behavioral Addictions*. 2021;2:263–280. DOI: 10.1556/2006.2021.00041.
26. Шейнов ВП. Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*. 2021;1:97–115. DOI: 10.38098/ipran.opwr.2021.18.1.005.
27. Шейнов ВП, Девицын АС. Короткая версия опросника прокрастинации: надежность, валидность, факторная структура. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;2:68–76. EDN: ACSCVZ.
28. Шейнов ВП, Девицын АС. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*. 2021;2:41–55. DOI: 10.25688/2223-6872.2021.38.2.04.
29. Морозова МА, Потанин СС, Бениашвили АГ, Бурминский ДС, Лепилкина ТА, Рупчев ГЕ и др. Валидация русскоязычной версии госпитальной шкалы тревоги и депрессии в общей популяции. *Профилактическая медицина*. 2023;4:7–14. DOI: 10.17116/profmed2023260417.

Статья поступила в редколлегию 09.11.2024.
Received by editorial board 09.11.2024.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Светлана Никифоровна
БУРОВА

Svetlana Nikiforovna
BUROVA

7 июня 2025 г. отметила свой юбилей Светлана Никифоровна Бурова, известный белорусский социолог, крупный специалист в области социологии брака и семьи, кандидат юридических наук, доцент.

Более полувека своей жизни Светлана Никифоровна посвятила работе в Белорусском государственном университете, который по-настоящему стал для нее родным домом и единственным местом работы. Здесь она получила высшее юридическое образование и навсегда связала свою жизнь с социологией – в то время возрождающейся наукой. Никогда не жалела о сделанном выборе и постоянно стремилась соответствовать высоким требованиям науки. Благодаря таланту и трудолюбию добилась международного признания, продолжила дело своих учителей – Николая Григорьевича Юркевича и Георгия Петровича Давидюка.

Родилась Светлана Никифоровна 7 июня 1945 г. в г. п. Россоны Витебской области. После окончания в 1971 г. юридического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина работала в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований

(ПНИЛСИ) БГУ младшим, а затем и старшим научным сотрудником, заведовала отделом проблем советской семьи. После ухода из ПНИЛСИ БГУ профессора Г. П. Давидюка исполняла обязанности заведующего. Светлану Никифоровну всегда отличало запредельное трудолюбие, обязательность, самостоятельность мышления, человеколюбие и твердость в отстаивании интересов дела. С 1991 г. и до выхода на заслуженный отдых она работала доцентом кафедры социологии БГУ. В 2008 г. Светлане Никифоровне было присвоено ученое звание доцента по специальности «социология».

Основные научные интересы С. Н. Буровой – социология брака и семьи, методология и методы социологических исследований. В 1991–1996 гг. она выступила одним из учредителей, исполнительным директором и научным руководителем некоторых исследовательских проектов социологической службы «Общественное мнение» (Минск). С 2000 г. – член Национального совета по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь. Имеет широкое международное признание, руководила крупными международными и национальными научными

проектами, известный общественный деятель. За заслуги в международном женском движении в 2007 г. на Всемирном совете YWCA в Кении была удостоена звания «Почетный женский лидер» («Honoring Women Leaders»).

Первая монография «Социология и право о разводе» увидела свет в 1979 г. Всего опубликовано более 200 научных и учебных работ, энциклопедических изданий, вышедших не только на родине, но и в России, Англии, Голландии, Китае, Турции и других странах. Сегодня студенты активно используют пособия Светланы Никифоровны, которые освещают проб-

лемы семьи, энциклопедии, подготовленные при ее активном участии и под ее редакцией.

С. Н. Бурова имеет признанный авторитет в научных кругах страны, среди сотрудников университета, ее искренне любят и уважают коллеги и студенты. Награждена нагрудным знаком «Отличник образования Республики Беларусь».

Искренне поздравляем Вас, дорогая Светлана Никифоровна, с юбилеем и желаем здоровья, счастья, благополучия и радости жизни на долгие годы!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

**Виктор Павлович
ШЕЙНОВ**

**Viktor Pavlovich
SHEINOV**

3 мая 2025 г. исполнилось 85 лет Виктору Павловичу Шейнову, известному белорусскому ученому, доктору социологических наук (2000), кандидату физико-математических наук (1968), профессору (2003), академику Международной академии информационных технологий (2004), профессору кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы.

Виктор Павлович – классический профессор: человек интеллигентный, отзывчивый, увлеченный, необыкновенно трудолюбивый, аналитик. Если захватит новая идея, то его не остановить, пока не реализует. Книга в жизни профессора – предмет одушевленный и просто необходимый, а выход собственного издания – это праздник!

В. П. Шейнов родился в г. Ярославле (Россия). С отличием окончил математическое отделение Московского государственного областного университета. Работал старшим преподавателем, заведующим кафедрой высшей математики Шуйского государственного педагогического института; доцентом, заведующим кафедрой теории функций и деканом математического факультета Красноярского государственного университета; доцентом кафедры высшей математики Белорусского государственного политехнического института; профессором кафедры гуманитарных дисциплин Минского института управления. С 1999 г. по настоящее время – профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы.

Профессор В. П. Шейнов является автором более 400 научных работ, в том числе 21 монографии (6 изданы за рубежом на английском языке) и более 40 книг научно-практической направленности. В докторской диссертации «Управление конфликтами в социальных группах и организациях» (2000) В. П. Шейнов обосновал разработанную им теорию

перманентного системного управления конфликтами и реализующую ее технологию, ввел в научный оборот конструкты «конфликтоген», «случайный конфликт», «неслучайный конфликт», формулы случайных и неслучайных конфликтов. Диссертацию защитил с оценкой «отлично». В издательстве «Питер» в серии «Мастера психологии» вышло 3-е издание его монографии «Управление конфликтами», в издательстве «АСТ» в 2024 г. – 4-е издание.

В монографии «Психологическое влияние» профессор теоретически обосновал и верифицировал общую модель психологического влияния (воздействия), раскрывающую сущность любого воздействия и его психологические механизмы. Показал, что каждое из известных 14 видов влияний является реализацией этой модели и все важнейшие результаты, полученные для них, объясняются данной моделью. Монография «Психологическое влияние» выдержала шесть изданий в России и Беларуси, опубликована в двух томах на английском языке в немецком академическом издательстве.

Профессор В. П. Шейнов показал распространенность и социальную опасность манипуляций, раскрыл их психологический механизм, предложил универсальную систему защиты от манипуляций и показал ее эффективность. Монография «Психология манипулирования» выдержала четыре издания. Он ввел в научный оборот конструкт «скрытое управление». Книга «Скрытое управление человеком», в которой ученый описал разработанный им эффективный вид психологического воздействия, выдержала 27 изданий.

На сегодня общий тираж книг В. П. Шейнова приближается к миллиону экземпляров. Издательства представляют юбиляра как «одного из самых читаемых отечественных ученых».

В своих трудах В. П. Шейнов разработал, доказал надежность и валидность, внедрил в практику такие

новые тестовые методики, как оценка степени незащищенности от манипуляций, тест ассертивности, методика оценки виктимизации взрослых, опросник коммуникативных умений для подростков и взрослых, короткая версия опросника прокрастинации. Ранее им были представлены в обновленном виде с лучшими психометрическими характеристиками и с факторной структурой следующие методики: короткая версия опросника самоконтроля в общении, сокращенная версия опросника самоуважения, короткая версия опросника макиавеллизма, сокращенная версия опросника застенчивости, опросник самооценки подростков и взрослых, опросник незащищенности от кибербуллинга, короткая версия опросника импульсивности. Перечисленные методики активно используются исследователями в России, Беларуси, Украине, Литве и Армении.

Свой юбилей профессор В. П. Шейнов встретил с множеством планов, как всегда за компьютером. Он вдохновлен новыми проектами, активно публикует статьи и книги, выступает на конференциях с актуальными пленарными докладами, проводит мастер-классы.

Виктор Павлович активно читаемый автор «Журнала БГУ. Социология». Междисциплинарный подход в его статьях и книгах – результат ежедневного процесса самообразования и, конечно, стремления В. П. Шейнова разобраться в сложных жизненных коллизиях современного общества, а также искренней любви к психологии и социологии. Научный поиск профессора всякий раз приоткрывает некие тайны человеческого бытия, рождает новое в отражении реальности, причем очень важное и значимое в поиске ответов на вызовы времени.

В. П. Шейнов интересен в любой аудитории, его глубокие знания, богатый жизненный опыт, лекторское мастерство увлекают и завораживают слушателей.

Редколлегия журнала, друзья, коллеги, ученики, многочисленная аудитория читателей и слушателей искренне поздравляют Вас, дорогой Виктор Павлович, с юбилеем и желают Вам здоровья, новых книг, удачи во всех начинаниях!

С юбилеем!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

Чтобы помнили...

IN ORDER TO REMEMBER...

ЛИДИЯ ГЕОРГИЕВНА НОВИКОВА
(к 70-летию со дня рождения)

LIDIA GEORGIEVNA NOVIKOVA
(on the 70th anniversary of her birth)

Лидия Георгиевна Новикова (09.05.1955–08.05.2008) спустя 17 лет после неожиданной смерти – почти неизвестный белорусский социолог. Дитя оттепели, дочь выдающегося ленинградского профессора химии Георгия Ивановича Новикова, вобравшая в себя все лучшее, что могли дать человеку 1960-е гг. в СССР. Безусловно, она талант, причем многогран-

ный. Л. Г. Новиковой были свойственны острый ум, энциклопедичность знаний, при этом открытость миру, людям, дружелюбие, веселость, некая бесшабашность. Ее реакция на человека была мгновенной и выразительной, подчас неожиданной и не всегда приятной для собеседника, но искренней, сказанной по-доброму. Конечно, случались в отношениях с Лидией Георгиевной и обиды, впрочем, они сразу забывались. Она была человеком глубоким, доверчивым и во многом беззащитным, беззаветно влюбленным в науку оттепели – социологию и, конечно, книги... Несмотря на очень плохое зрение, Л. Г. Новикова не расставалась с ними, книги были разные, и их было много. Может, и тема кандидатской диссертации была выбрана по большой любви: «Научная фантастика и ее роль в формировании образа науки будущего». Лидия Георгиевна восхищалась творениями И. Ефремова, С. Лема и братьев

Стругацких... Она в чем-то была похожа на героев их романов, с детства окунувшись в фантастический мир большой науки, который царил в ее семье в Ленинграде.

Л. Г. Новикова закончила философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина (1977). Ее деятельность все время была связана с социологией: сначала она трудилась в секторе прикладной социологии, затем в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований. Название лаборатории менялось, но работа ученого, а после защиты диссертации и преподавателя оставалась насыщенной и очень интересной. Талант и трудолюбие Лидии Георгиевны были всегда востребованы, коллеги искренне уважали и любили ее. Последние годы исследователь трудилась в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси.

Л. Г. Новикова много сделала и много не успела сделать. Помимо многочисленных научных публикаций была автором стихов, искрометных и ярких эпиграмм, шуточных гимнов и сонетов, точных шаржей, организовывала и писала сценарии капустников и всевозможных розыгрышей. Она любила компанию и была счастлива в кругу настоящих друзей и коллег. Была надежным товарищем и другом. И все отвечали ей взаимностью.

Мы не верим, что о Лидии Георгиевне забыли. Будет очень несправедливо, если мы перестанем помнить о таком ярком человеке...

В честь 70-летия Лидии Георгиевны Новиковой мы публикуем подборку ее стихов.

СЕРЕНАДА МУЖЧИНАМ

Как представляли идеал мужчины
Все женщины давно минувших лет? –
Орлиный взор, усы, глаза – маслины
И плечи в ореоле эполет...
Красавчики, гусары, гренадеры!
Труба зовет – и в бой без лишних слов!
Чуть взгляд косой – сейчас зовут к барьеру
(Все из-за дам и прочих пустяков).
Но годы шли, сменялись дни и даты.
XX век нам новый импульс дал:
Философы, эстеты, кандидаты –
Наш, бабоньки, реальный идеал.
Пусть нет усов – зато какие мысли!
Не головы у них – а знаний склад!
Вместилище для тьмы нетленных истин
(Уж, ладно, пусть в автобусах сидят).
Нас днем и ночью защищать готовы!
(Хотя предпочитают все же днем...)
Их Дело жизни превратилось в Слово.
(Вот только Слово стало – жаль! – нулем).
Но, сестры, будем к ним добры, терпимы!
И вдруг проступит через призму зим и лет,
Орлиный взор, усы, глаза – маслины,
И плечи в ореоле эполет...

БАЛЛАДА О НАУКЕ

Когда, похожий на кошмар,
Идет длиннющий семинар,
А ты сидишь – ни шороха, ни звука.
Там о проблемах говорят
Уже который час подряд –
Все это называется наука...
Ты на объекте день и ночь,
Тебя там всюду гонят прочь,
В ответ ты лишь моргаешь близоруко.
Тебя завидя, респондент
Смывается в один момент –
Все это называется наука...

Когда с распухшей головой,
Давно забывший путь домой,
Строчишь отчет, и каждый лист в нем – мука.
А ты страдаешь немотой,
Убоги мысли, стиль плохой –
Все это называется наука...
Когда зарывшись в груды книг,
Ты ждешь, что вот наступит миг
Прозренья, но в мозгах – туман и скука.
И этот безнадежный труд
Те, кто на смену нам придут,
Красивым словом назовут:
«НАУКА»!

Ноябрь 1979 г.

БАЛЛАДА О НАЧАЛЬНИКЕ

По плану своего подразделения
Решал наш зав вопросы управления.
Но мучит самого его сомнение:
Как надо подчиненным управлять?
Толь быть ему товарищем и братом,
Дружком и стопроцентным демократом,
Толь сделать менээса автоматом,
И в явочные дни «фитиль вставлять»?
Поэтому он жил по вдохновению:
То ласковым был – в лучшие мгновения, –
В литровой банке приносил варенье
И чай садился пить за общий стол...
То вдруг менялось направление ветра:
Он гневался в жандармском стиле «ретро»,
На чай в обед накладывалось «вето»,
На «здравствуй» – ни ответа, ни привета.
Сотрудники глотали валидол.
А он, поудивляв их этим дивом,
Писать садился умную статью:
«Искусство управления коллективом»...
Мораль? Она проста как сам вопрос:
Сапожник все еще, ребята, бос!

Ноябрь 1981 г.

А. Н. Данилов¹, И. Н. Андреева²,
Г. В. Бороздина³

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.
Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

²Ирина Николаевна Андреева – кандидат философских наук; независимый исследователь.

Irina N. Andreeva, PhD (philosophy); independent researcher.

³Галина Васильевна Бороздина – кандидат философских наук, доцент; независимый исследователь.

Galina V. Borozdina, PhD (philosophy), docent; independent researcher.

E-mail: borozdina@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.2(4-15)(075.8)

Титаренко Л. Г. **История современной западной социологии** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 05 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 73 с. Библиогр.: с. 72–73. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/327555>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 24.03.2025, № 004524032025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «История современной западной социологии» предназначен для студентов специальности 1-23 01 05 «Социология» очной и заочной форм обучения. В ЭУМК входят перечень и содержание лекций, примерные задания для семинарских занятий и управляемых самостоятельных работ, перечень контрольных мероприятий, примерная тематика рефератов и вопросов к экзамену, методические рекомендации по организации самостоятельной работы обучающихся, список рекомендуемой литературы.

УДК 364(091)(075.8)

Красовская Н. Н. **История социальной работы** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0921-01 «Социальная работа», 6-05-0921-01 «Социальная работа и консультирование» / Н. Н. Красовская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 87 с. Библиогр.: с. 85–87. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/330421>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.06.2025, № 007817062025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История социальной работы» предназначен для студентов специальностей 6-05-0921-01 «Социальная работа», 6-05-0921-01 «Социальная работа и консультирование». Содержание ЭУМК позволит студентам усвоить теоретико-методологические основы истории социальной работы, приобрести теоретические знания и практические навыки в области основных этапов исторического развития социальной работы как общественного явления.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Время и память: подвиг народа бессмертен.....	4
--	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Кирвель Ч. С.</i> Эскалация перемен и ускорение «ритмов истории» как угроза человеческому существованию.....	7
<i>Антонович И. И.</i> Проблема войны и мира в контексте противостояния однополярности и многополярности.....	21
<i>Шимов В. В.</i> Отношения Беларуси и Калининградской области как геополитический фактор в Балтийско-Скандинавском макрорегионе.....	29

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Зеленков А. И., Тан Юнбо.</i> Феномен неомарксизма в современном Китае и его социальные последствия.....	35
<i>Абдина А. К., Уызбаева А. А., Кучко Е. Е.</i> Цифровая включенность населения Беларуси и Казахстана.....	48
<i>Потапенко А. А., Похомова А. А., Филинская Л. В.</i> Амфиболия ИИ: запретить нельзя использовать 2.0... ..	57

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Гаврилик О. Н.</i> Идеальный образ социально-экономического устройства общества в представлениях белорусской студенческой молодежи.....	69
<i>Чжао Лицзяфэн.</i> Репродуктивное поведение в Китайской Народной Республике, Республике Беларусь и Республике Казахстан: сравнительный анализ.....	75
<i>Шейнов В. П., Карпиевич В. А.</i> Адаптация опросника игрового расстройства, разработанного Американской психиатрической ассоциацией, для русскоязычного социума.....	83

ЮБИЛЕИ

Светлана Никифоровна Бурова.....	91
Виктор Павлович Шейнов.....	93

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Лидия Георгиевна Новикова (к 70-летию со дня рождения).....	95
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	97

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> Time and memory: the people's heroism is immortal.....	4
---	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Kirvel Ch. S.</i> The escalation of change and the acceleration of the «rhythms of history» as a threat to human existence.....	7
<i>Antonovich I. I.</i> The problem of war and peace in the context of the confrontation between unipolarity and multipolarity.....	21
<i>Shimov V. V.</i> Relations between Belarus and the Kaliningrad Region as a geopolitical factor in the Baltic-Scandinavian macroregion.....	29

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Zelenkov A. I., Tang Yongbo.</i> The phenomenon of neo-Marxism in modern China and its social implications.....	35
<i>Abdina A. K., Uyzbayeva A. A., Kuchko E. E.</i> Digital inclusion of the population of Belarus and Kazakhstan.....	48
<i>Potapenko A. A., Pokhomova A. A., Filinskaya L. V.</i> AI amphiboly: forbid cannot use 2.0.....	57

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Haurylik A. N.</i> The ideal image of socio-economic structure of society in the perceptions of Belarusian student youth.....	69
<i>Zhao Li Jiafeng.</i> Models of women's reproductive behaviour in the People's Republic of China, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan: comparative analysis.....	75
<i>Sheinov V. P., Karpievich V. A.</i> Adaptation of the gaming disorder questionnaire developed by the American Psychiatric Association for the Russian-speaking society.....	83

JUBILEES

Svetlana Nikiforovna Burova.....	91
Viktor Pavlovich Sheinov.....	93

IN ORDER TO REMEMBER...

Lidia Georgievna Novikova (on the 70 th anniversary of her birth).....	95
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	97

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Н. Н. Герасимович,*
А. С. Люкевич, М. Д. Баранова
Технический редактор *А. Р. Голик*
Корректор *В. И. Авчинникова*

Подписано в печать 30.06.2025.
Тираж 25 экз. Заказ 1136.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2025

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *N. N. Herasimovich,*
A. S. Lyukevich, M. D. Baranova
Technical editor *A. R. Golik*
Proofreader *V. I. Avchinnikova*

Signed print 30.06.2025.
Edition 25 copies. Order number 1136.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2025